

КНИГА : ПЕРВАЯ

Серия

Стэнсер Коэн

Н. Р. УОЛКЕР

Annotation

Спэнсер Коэн – парень, способный найти ответы на вопросы о взаимоотношениях. Исполняя роль нового возлюбленного, главная его задача – заставить предмет обожания клиента решить: хочет он расставания или нет. Клиент в любом случае получает ответ. Бывшая пассия либо извиняется и умоляет, либо разворачивается и уходит. Но, в конечном итоге, клиент Спэнсера выигрывал. Если просыпалось желание вернуть и удержать любимого, отлично. Если же парень наоборот уходил, тогда, как бы ни было тяжело клиенту, он знал – все кончено. Независимо от результата, работа Спэнсера была выполнена. Бывший Эндрю Лэндона бросил его безо всяких объяснений. Но сестра не может больше выносить его несчастный вид. К ужасу Эндрю, они нанимают Спэнсера на роль нового бойфренда, чтоб вернуть бывшего. Для Спэнсера род его занятий никогда не носил личный характер. Исключительно бизнес-сделка. Никаких эмоций, никаких привязанностей, никаких сложностей. Ага, конечно. Даже слепой мог бы разглядеть, чем все закончится.

•

«Спэнсер Коэн»

Серия «Спэнсер Коэн» #1

Н.Р. Уокер

Переводчик — Валерия Сторогова

Обложка — Наталия Айс

Перевод выполнен для группы — https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Спэнсер Коэн – парень, способный найти ответы на вопросы о взаимоотношениях.

Исполняя роль нового возлюбленного, главная его задача – заставить предмет обожания

клиента решить: хочет он расставания или нет. Клиент в любом случае получает ответ.

Бывшая пассия либо извиняется и умоляет, либо разворачивается и уходит. Но, в

конечном итоге, клиент Спэнсера выигрывал. Если просыпалось желание вернуть и

удержать любимого, отлично. Если же парень наоборот уходил, тогда, как бы ни было

тяжело клиенту, он знал – все кончено. Независимо от результата, работа Спэнсера

была выполнена.

Бывший Эндрю Лэндона бросил его безо всяких объяснений. Но сестра не может больше

выносить его несчастный вид. К ужасу Эндрю, они нанимают Спэнсера на роль нового

бойфренда, чтоб вернуть бывшего.

Для Спэнсера род его занятий никогда не носил личный характер. Исключительно бизнес–

сделка. Никаких эмоций, никаких привязанностей, никаких сложностей.

Ага, конечно.

Даже слепой мог бы разглядеть, чем все закончится.

Глава 1

Выйдя из тату–салона на бульваре Эббота Кинни, я улыбнулся лос–анджелесским

теплым солнечным лучам. Мой последний заказ был прилично оплачен, поэтому я только

что вручил арендодателю деньги за два месяца вперед за небольшую квартирку над

салонном, которую вот уже два года с момента переезда из Австралии называл домом.

Я любил это место. Лос долбаный Анджелес. Я влился сюда. Нашел убежище, где

мог быть собой, где должен находиться. Здесь всегда было шумно, всегда что–то

происходило. Миллионы чужаков, еще не ставшие близко знакомыми, и местные,

некоторые из которых даже обращались ко мне по имени.

– Эй, Спэнсер!

Лола, сидевшая за столиком в дальнем углу кафе, помахала мне рукой. Выглядела

она как обычно великолепно: рок-н-рольное платье в стиле пятидесятых и ярко-розовые

волосы дополнялись выбитым на руке японским цветком. Она – моя лучшая подруга, подобравшая следующего потенциального клиента.

Я поцеловал ее в щеку.

– Привет, красотка.

Ее губы, покрытые бледно-розовым блеском, приподнялись в улыбке, и я уселся за

столик. Мы заказали наши обычные напитки, и, ожидая их, я начал беседу.

– Итак, расскажи мне о парне.

– Ну, – начала она, – в прошлые выходные я познакомилась с его сестрой на работе.

– На свадьбе? – спросил я. – Как прошло? – Лола владела собственным салоном

макияжа, а свадьбы – один из профилей.

Принесли наши напитки. Лола отпила кофе, я же решил дать чаю настояться.

– О, все прошло отлично, – сказала она, поставив чашку на столик. – В общем, сестра была подружкой невесты, и мы разговорились. Ее брат только что расстался с

женихом, она упомянула, что он пытается вернуть его.

Я улыбнулся.

– А я сообщила ей, что знаю парня, – проговорила Лола, пристально глядя на меня,

– который мог бы помочь.

– Он – гей? – спросил я. Она говорила: *он* пытается вернуть *его*, но мне хотелось

удостовериться.

– Без сомнений.

Слегка расслабившись, я вздохнул. Сложностей в работе с натуралами у меня не

наблюдалось, но собственная команда была предпочтительнее. Покрытый щетиной

подбородок был мне куда приятнее, чем пахнущий сладким парфюмом и чисто выбритый, особенно во время публичных проявлений привязанности.

– Что еще ты о нем знаешь?

– Только то, что рассказала сестра. Он опустошен и вряд ли захочет

что-то менять, но они придут сюда в три. – Я посмотрел на часы: было как раз три. Лола похлопала мою

лежащую на столе руку. – О, а вот и они.

Я поднял глаза на прибывших. Первой шла женщина с блондинистыми волосами до

плеч, бледной кожей и громадной улыбкой. Она была красива. У парня позади нее были

короткие волосы песочного цвета и бледноватая кожа. Он тоже был симпатичным, *обычным* таким парнем. Еще казалось, что он предпочел бы находиться где угодно, только

не здесь.

Мы поднялись, и Лола им помахала.

– Сара, как приятно снова тебя видеть!

– Тебя тоже! – ответила Сара, посмотрев на меня и ухмыльнувшись. –

Я Сара, а это

мой брат, Эндрю Лэндон. – Она обернулась на брата, что, разумеется, заставило нас с

Лолой посмотреть туда, где стоял Эндрю и зыркал на меня.

К такому я привык.

Я точно не вписывался в шаблон из разряда «добропорядочный представитель

общества». На мне была белая рубашка на пуговицах с закатанными до локтей рукавами, а

значит, он мог видеть мои руки – полностью забитые татуировками.

Прибавьте сюда

коричневые брюки длиной в три четверти на подтяжках и лоферы. Волосы – выбритые по

бокам и длинные на макушке, плюс борода. Лола называла мой лук «хипстер–

ламберсексуал¹», и, погуглив, я с ней согласился. Пускай моя борода короткая, все же это

была борода.

– Думаю, это было ошибкой, – пробормотал Эндрю и развернулся в сторону

выхода.

Сара схватила его за руку, не давая возможности уйти.

– Ты говорил, что выслушаешь их.

Эндрю остановился и глубоко вдохнул, и, хотя было ясно, что находится ему здесь

совершенно не хотелось, он остался.

Я улыбнулся ему.

– Присаживайтесь. Позвольте заказать вам напитки. Кофе?

Сара села, скромно улыбаясь в знак извинения, и ждала, когда ее брат сделает то же

самое. Эндрю уселся, едва сдерживая вздох, и изобразил несколько снисходительное

выражение на лице.

– Короче, я – неудачник, нуждающийся в помощи, чтоб вернуть жениха.

Я долго разглядывал его.

– Нет, неудачник – твой бывший, которому нужно напомнить, что он теряет.

Должно быть, это застало его врасплох. Он склонил голову, открыл рот что-то

произнести, но быстро закрыл. Вместо него заговорила Сара.

– Мы дадим вам минутку, мальчики. – Она пригвоздила брата взглядом типа «будь

милым» и кивнула Лоле в сторону стойки обслуживания.

Оставшись вдвоем с Эндрю, я откинулся на спинку стула, улыбнулся и не произнес

ни слова. Хотелось посмотреть, сколько времени пройдет, прежде чем он заговорит. Он

скрестил руки, потом выпрямил их, а затем покачал головой. Не прошло и пятнадцати

секунд.

– Слушай, я не понимаю, как все это работает.

– Легко, – ответил я ему. – Ты рассказываешь мне все, что знаешь о своем бывшем: где он работает, где тусуется, где шопится. И совершенно случайно мы будем оказываться

в тех же местах, все такие свои в доску и прочее, а он увидит нас.

– И?

– И ты выяснишь, хочет ли он вернуться.

1

Ламберсексуал или дровосексуал – мужчина-горожанин, придерживающийся нарочито грубого

стиля в одежде и прическе: толстые свитера, фланелевые рубашки, рабочие ботинки, борода; хипстер, прикидывающийся дровосеком.

Эндрю нахмурился, глядя в выходящее на улицу окно, и сложил руки.

По

прошествии девяти секунд он добавил:

– Он никогда не поверит, что я с парнем вроде тебя.

– Вроде меня? – задал я вопрос.

– Да, ты... крутой и...модник. А я... нет.

– Я могу стать тем, кем ты хочешь, – сказал я.

– Ты реально зарабатываешь на жизнь, притворяясь чьим-то бойфрендом?

– Да.

– Твой акцент... Ты австралиец?

– Да.

– Как ты начал этим заниматься? – спросил он. – То есть не могу представить, чтоб

на такую работу публиковали вакансии.

Я кивнул на Лолу.

– Я прожил в ЛА неделю, когда познакомился с Лолой. Она только что рассталась с

парнем, а я повел ее пить кофе. Он увидел нас, решил, что я – ее новый парень, растекся

сентиментальной лужицей по тротуару, и моя работа была выполнена.

Она еще пошутила, что сработало настолько превосходно, что мне стоило бы заниматься подобным для

заработка, – поведал я ему.

Эндрю нахмурил брови.

– С ней? Ты работал с женщинами?

Я улыбнулся ему.

– Я работаю со всеми, кто платит. Но да – начинал я как бойфренд-натурал. А

потом родилась такая штука как однополые браки, и для меня, как для мужчины-гея, переход был естественным.

– Ты реально гей? Или это часть шоу?

Справедливый вопрос, на который мне не составляло никакого труда ответить. Я

подался вперед, чтоб в кафе никто не мог меня расслышать.

– Я – гей. Я люблю мужчин. Люблю ощущать щетину. Люблю здоровую

мускулатуру, а не нежную женскую кожу. Люблю члены. Мне нравится сосать. Нравится, когда меня трахают, но больше всего – я люблю задницы. Так что да, я – гей. Самый что

ни на есть настоящий.

Он разинул рот и несколько раз моргнул, шокированный моей прямоотой. Если у нас

все срастется, ему придется привыкать.

– Я ... э–э... я...

– Как зовут твоего бывшего?

– Гм... Эли.

– Сколько вы пробыли вместе?

– Восемь месяцев.

– Как давно он ушел?

Его голос был настолько тихим, что я с трудом его слышал.

– Месяц назад.

Я дал ему минутную передышку. Очевидно, что ему все еще было больно.

– Ты раскрылся? В смысле на работе, перед друзьями, семьей? Они в курсе, что ты гей?

Его брови сошлись на переносице, в глазах вспыхнул намек на обиду.

– Да.

– Спрашиваю только потому, что если у нас все получится, мне придется

хорошенько тебя узнать, а иногда нам нужно будет вместе выходить на люди. Например, я

возьму тебя за руку, наклонюсь ближе и прошепчу что–нибудь на ухо, что–то типа такого, чтоб Эли мог разглядеть в нас друзей. Чтоб все сработало, тебе необходимо чувствовать

себя комфортно. А еще для достоверности тебе неплохо бы отвечать взаимностью. Ты

сможешь?

Эндрю тяжело сглотнул и пожал плечами.

– Гм...

– Эндрю, ты хочешь, чтоб получилось? – напрямую спросил я. Он смотрел в

потолок и на выдохе надул щеки, но не ответил. Поэтому пришлось перефразировать

вопрос. – Ты хочешь вернуть Эли?

Взгляд Эндрю схлестнулся с моим, казалось, он был смущен ответом.

– Да.

Я протянул для пожатия руку, на которую он секунду смотрел, прежде

чем принять.

Его сильная хватка удивила меня.

– Тогда давай этим и займемся, – сказал я, ухмыльнувшись, выпустил его руку и сел

на стул. – Окей, начнем с главного: расскажи все, что мне нужно о тебе знать.

Эндрю глянул на сестру.

– Нам обязательно общаться здесь? – Он явно не хотел вдаваться в детали перед

сестрой, как и перед всем переполненным кафе в оживленный пятничный полдень. Я не

осуждал его. Но стоило по глупости решить, что достигнуть соглашения, как зуб вырвать, он предложил встретиться завтра у него дома.

– Отлично, – согласился я. – Принесу обед. Что ты любишь?

– В смысле люблю?

Я почти засмеялся.

– Любимое блюдо на обед.

– О, – он удивленно моргнул, помолчав, а затем покачал головой. – Я не

привередлив.

– Ты хотел что-то сказать, но остановился, – произнес я. – Расскажи мне.

Он колебался.

– Ну, недалеко от моего дома есть закусочная. Там делают... – Он руками

изобразил размер баскетбольного мяча, – салаты антипасто2.

– Ладно, – с улыбкой ответил я. – Пусть будет салат антипасто. Захвачу по пути.

– Если хочешь, я могу заказать заранее, – сказал он, после прочищая горло. – Если

это нормально. И пришлю тебе адрес.

– Отлично. Закажи на половину первого.

Эндрю кивнул и почти улыбнулся, а его дело официально двинулось вперед.

Полагая, что лучше момента не выбрать, мы заговорили насчет договора, и я рассказал

ему об условиях оплаты – половина вперед, половина по завершении. Пусть результат

был гарантирован, никогда нельзя было гарантировать, что результат

будет желаемым.

2

Антипасто – традиционная горячая или холодная мясо–овощная закуска в итальянской кухне, приготовленная из типичных итальянских мясных и морепродуктов, а также подготовленных специально

для этого овощей и подаваемая на большой тарелке или вращающемся деревянном подносе перед основным блюдом.

Мы обменялись адресами, е–мэйлами и телефонными номерами, снова пожали руки, и я пообещал увидеться с ним завтра.

Лола наблюдала, как они уходят, заняла свой стул рядом со мной и пихнула локтем.

– Он симпатичный.

– У него горе, – поправил я.

Она резко вздохнула.

– Сестра у него реально милая.

– Она что–нибудь говорила? – спросил я. – Насчет бывшего Эндрю.

Лола покачала головой.

– Нет. В основном говорила о свадьбе. Хотя совершенно очевидно, что она любит

своего брата. Остальное узнаешь самостоятельно. – Она поиграла бровями.

Я захохотал.

– Начиная с завтрашнего дня, именно этим я и займусь.

Глава 2

Держа в руках тарелку салата размером с баскетбольный мяч, я постучал в дверь

жилища Эндрю, располагавшегося на первом этаже в районе Эхо–Парка и походившего

на коттедж благодаря белым оконным ставням и декоративным перилам. Независимо от

того, снимал он или владел, было очевидно, что деньжата у Эндрю водились. Но опять–

таки: у парней, что могли позволить себе платить мне, с деньгами обычно не было проблем.

Эндрю распахнул дверь, одетый в темно–синие джинсы и белую рубашку на

пуговицах. Светлые взъерошенные волосы сегодня были зачесаны на бок, он был гладко

выбрит, и все в нем просто вопило об опрятности. Он немного натянуто улыбнулся, отступая в сторону, и сказал:

– Входи.

Я шагнул внутрь – не пренебрегая исходящим от него приятным ароматом – не

совсем понимая, куда идти, но двинул в сторону гостиной, должным образом

меблированной, словно он сгреб в кучу все свое барахло. В углу стоял сияющий своей

безукоризненной чистотой кабинетный рояль. Похожие друг на друга диваны,

разноцветные подушки, а на стенах выполненные вручную рисунки, включавшие в себя

все имеющиеся в комнате цвета. Помещение заливал дневной свет. Все было на своих

местах.

Я ненадолго задумался, прикладывал ли здесь руку дизайнер, но оглянувшись на

Эндрю и увидев, насколько он был сосредоточен, сомнений не осталось – он делал все

сам. Я улыбнулся ему, а он вытер ладони о бедра, явно нервничая из-за моего

присутствия.

Я протянул коричневый бумажный пакет.

– Обед.

– Точно, – отозвался он, проходя мимо меня. – Гм... Сюда.

Я проследовал за ним через дверь в конце комнаты, ведущую в небольшую хорошо

оборудованную кухню. Он взял две тарелки и столовые приборы.

– Могу я предложить тебе что-нибудь попить?

Я поймал себя на том, что улыбаюсь.

– Да, можешь. Вода подойдет.

Он притормозил, видимо сомневаясь, издевался я или нет, но потом вынул две

бутылки воды из холодильника. Мы уселись за маленький столик рядом с кухней перед

огромным выходящим во двор окном.

- Симпатичное место, – сказал я, приступив к еде.
- Он посмотрел в окно так, словно забыл, что там было.
- Спасибо.
- Давно живешь здесь?
- Чуть больше года.

Никакой другой информации он не предоставил. Я прожевал очередную порцию салата.

– Ммм, вкусно. – На самом деле. Смесь из маринованных артишоков, баклажана, стручкового перца, свеклы, спиралевидных макарон и рукколы. Он кивнул и проглотил свою порцию.

– Да. У них еще есть домашняя выпечка и супы, которые я просто обожаю зимой, но салат-бар – самое любимое.

– Ну, – начал я, раз уж он разговорился. – Расскажи мне историю Эндрю Лэндона.

Вилка остановилась на полпути ко рту.

– Особо не о чем рассказывать.

Я долго смотрел на него. Наблюдались явные проблемы с самооценкой.

– Вон там стоит прекрасный рояль, не позволяющий согласиться.

Он почти улыбнулся.

– Родители отдали меня учиться с четырехлетнего возраста.

– Классика?

Он кивнул и отправил в рот еще немного салата, а я ждал, пока он пережует, чтоб продолжить.

– Сестра занималась балетом. Я играл на рояле, – пояснил он. – Родители у меня театралы.

– И они в курсе, что ты гей? – Это даже не было вопросом, поскольку вчера он уже дал мне ответ.

Он моргнул и изящно положил вилку на пустую тарелку, идеально по центру, как

стрелку, показывающую на двенадцать и шесть, тогда как моя была брошена примерно на десять и четыре.

– Да, они в курсе.

– Для них это проблема?

Он покачал головой.

– Нет, не проблема.

В глубине души я с облегчением выдохнул. Всегда было немного страшно задавать

вопрос о родителях.

– Прошу прощения за личные вопросы, – сказал я ему. – Но я здесь именно для

того, чтоб лучше узнать тебя.

Он кивнул.

– Все нормально. Просто не привычно, вот и все.

– Если тебе покажется, что что-то выходит за рамки, просто скажи «вето», и я

отстану, – произнес я. – У нас есть цель – заставить Эли осознать, что он совершил

ошибку. Но это не означает, что ты обязан раскрыть мне всю свою подноготную. Я

уважаю твои границы.

Он снова кивнул и заметно расслабился. И даже улыбнулся мне, убирая тарелки.

– Спасибо за обед.

– На здоровье. Понимаю, почему ты так любишь это блюдо. Было очень вкусно.

Укладывая тарелки в раковину, он сверкнул улыбкой.

– Может, нам следует переместиться в гостиную? Там комфортнее.

– Может, и следует.

Он снова притормозил, явно не довольный тем, что я повторяю за ним, но не

проронил ни слова.

– Я не измываюсь, – сказал я, вставая из-за стола. – На самом деле мне нравится

твоя манера говорения. Здорово слышать, что кто-то использует английский именно так, как он был задуман. Приятное разнообразие.

Он опять нахмурился, как будто оскорбления ему были больше по душе, чем

комплименты, а потом удалился в гостиную, усевшись на краешек трехместного дивана. Я

последовал его примеру, но плюхнулся прямо посередине, расположившись сбоку от него

и осторожно, чтоб не задеть ботинком диван, пристроив одну ногу на

другую, и

погрузился в детали.

– Ну, так расскажи мне о себе.

К нему вернулась нервозность, сидел он прямо, положив сжатые в кулаки руки на

бедра.

– Что ты хочешь знать?

– Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

– Кем работаешь?

– Я видео-аниматор.

Что?

– Не может быть!

– Хм, да. Работаю на «ДримУоркс3».

– Да ну на хрен.

Эндрю бросил взгляд на входную дверь.

– Эм...

– Серьезно? – хохоча, спросил я. – Аниматор у «ДримУоркс»?

Он кивнул и закусил губу.

– Не так уж и захватывающе. В смысле мне нравится, но работа довольно

скрупулезная. Может, и кажется гламурной, но все очень медленно и сложно.

– Я под впечатлением, – качая головой, заявил я. – Не верится, что ты этим

занимаешься.

Он покраснел и нахмурился.

– Почему же не верится? Я не похож на человека с таким родом занятий?

О, боже, он решил, что я решил, будто он не достаточно хорош.

– Нет, имеется в виду, что если б ты был финансистом или юристом, я бы подумал:

«Окей, круто».

– Считаешь меня скучным?

Я фыркнул.

– Нет. Не скучным. Я считаю тебя серьезным. Но очень интересным.

Вот люди,

работающие с финансами и законами, – скучные. Хотя кто знает? Может, где-то в мире

удастся откопать интересного корпоративного юриста или финансового консультанта.

Еще не нашли, но все возможно.

Он почти улыбнулся.

– Так ты работаешь с фильмами? – спросил я, не в силах скрыть свой восторг. Я

знал, что ЛА полон людьми из индустрии развлечений. Но анимация и мультипликация?

Совершенно невероятно. – Я видел твои работы? Пожалуйста, скажи мне, что работал над

«Шреком». Ничего смешнее в жизни не смотрел!

– А, нет. Над фильмами как таковыми я не работаю, – словно оправдываясь, ответил

он. – В любом случае над «Шреком» я работать не мог – мне было десять.

3

DreamWorks Pictures или DreamWorks SKG (в переводе Фабрика Грез) – известная кинокомпания

США, занимающаяся разработкой, продюсированием и прокатом фильмов, мультиков, видеоигр и телепрограмм.

– О, точно.

Ему, кажется, стало весело.

– Ты бывал на студии «Юниверсал»?

– Не-а.

Он моргнул.

– О, тогда ладно. – Мой ответ его вроде устроил. – У них по всей территории

анимация. И рекламные кадры – я работаю над ними. Иногда над иллюстрациями

обложек, что-то типа такого.

– Ого, изумительно, – сказал я ему. Он закусил губу, но было заметно, что мое

одобрение было ему приятно. – Расскажи, чем ты ежедневно занимаешься? Опиши свой обычный день.

Он прочистил горло.

– Ну, работаю в студии в Глендейле. Начинаю в половине девятого. Обычно по

утрам команда проводит совещание. Формально я – художник–разработчик. Знаешь

зарисованные раскадровки с персонажами? Этим я и занимаюсь. Для рекламы.

– Вау.

Он переборол улыбку и чиркнул ногтем большого пальца по колену.

– Мы получили распоряжение от штаб–квартиры. Мы изготавливаем борд со

сценами и героями из фильма, а потом передаем в художественный отдел. Они

адаптируют его, затем он переходит к съемочной группе и еще нескольким командам и

только после доходит до аниматоров.

Я покачал головой.

– Я под огромным впечатлением.

– Не то чтоб я разрабатывал новых персонажей или типа того, – сказал он,

абсолютно принижая себя. – На самом деле довольно легко принять уже созданных

персонажей и ориентиры и работать с ними.

– Я все равно под впечатлением. Очень увлекательно. – Я снова обратил внимание

на изображения в рамке на стене. – Боже мой, – сказал я, поднимаясь и подходя к ним.

Три квадратные рамки, демонстрировавшие абстрактно нарисованного человека и его

лошадь с забавным хвостом...? Не, не лошадь, собаку? Нет, погодите... Дракона... О, черт! Это сцена из «Как приручить дракона». Персонажи не были цветными, только

задний фон и только слегка. Запредельная абстракция. Потрясающе. – Твоя работа?

Эндрю кивнул.

– Мои первые борды. Мне разрешили их забрать. В любом случае, это не готовый

продукт, так, наброски. – Он подошел и встал рядом со мной. – Я закончил их здесь и

добавил заднему плану немного цвета.

Я все еще пребывал в восхищении от его талантов.

– Похоже на акварель, – пробормотал я, глядя на него до тех пор, пока

он не

повернулся в мою сторону. – Эндрю, они превосходные.

Он зарделся и, тяжело сглотнув, застенчиво улыбнулся.

– Спасибо.

– Ты должен заниматься живописью.

Он удивленно моргнул.

– Я занимаюсь живописью.

– Нет, не для фильмов или рекламной студии, – исправился я. – А для художественных галерей и всякого такого. Серьезно.

Он покачал головой и вернулся на диван.

– Зачем? У меня лучшая в мире работа.

– Верно. – Я сидю рядом с ним и последний раз взглянул на борды в рамках. – И

просто чтоб ты знал: мне понравился этот фильм.

Теперь он рассмеялся, и от самозабвенной улыбки изменилось все лицо. В уголках

глаз появились маленькие морщинки, а сами глаза засияли. Смех у него был глубоким и

заразительным.

– Что? – возмутился я, улыбаясь. – Мне нравятся анимационные фильмы. – Но мне

не хотелось, чтоб он утратил хорошее настроение, так что я задал еще несколько

вопросов, пока он снова не притих. – Расскажи о людях, с которыми работаешь.

– Хорошие люди, – проговорил он. – У нас на работе некая свобода. Меня можно

было бы назвать – как ты там говорил? – самым серьезным.

– Я не имел в виду ничего плохого, – добавил я.

– О, я знаю, – выдал он. – Это правда. Я всегда был тихим и серьезным. По

большому счету.

– В курсе, что о таких говорят? – Я сверкнул улыбкой. – В тихом омуте черти

водятся.

Эндрю зашелся в хохоте.

– Нет, не в курсе.

Мне необходимо было продолжить допрос. Но вчера я обратил внимание, как он не

горел желанием отвечать и закрылся, словно его загнали в угол, поэтому на данном этапе

стоило придерживаться безопасных тем.

– Окей, быстрый опрос, – сказал я. – Еда, которую ты не выносишь?

– Авокадо. Мерзость и гнусность.

– Кофе?

– Да.

– Какой предпочитаешь?

– Латте с двухпроцентным молоком. Без сахара и сиропа.

– В какой день у тебя стирка?

– Суббота.

Ой.

– Я оторвал тебя от стирки?

Он хмыкнул.

– Нет. Люблю опасности в жизни.

Я прыснул.

– Абонемент в спортзал?

– Да.

– Аллергия на собак?

– Нет.

– Кошек?

– Нет.

– Лошадей?

Он засмеялся.

– Нет.

– Любимый фильм?

Он взглянул на рисунки на стене и улыбнулся.

– «Как приручить дракона –2».

– Нечестно! – вскрикнул я. – Окей, любимый фильм, над которым ты не работал.

– Гм... – Он снова улыбнулся и поднял глаза к потолку, словно там был написан

ответ. – «Бегущий по лезвию» и «Заводной апельсин».

– Ладно, стоп, – оборвал я, подняв руки вверх. – Ты не можешь переметнуться от

анимации «ДримУоркс» к бескомпромиссным Ридли Скотту и Стэнли Кубрику.

Его явно поразило, что я был знаком с именами режиссеров.

– А были правила? – возразил он.

– Нет.

– Следующий вопрос.

Я скептически рассмеялся.

– Не могу продолжать. Без шуток? «Заводной апельсин»?

– Я еще и классику люблю, типа «Франкенштейна» и «Волшебника страны Оз».

Я покачал головой.

– Сложный ты человек.

Теперь он ухмылялся, выглядя при этом очень привлекательным.

– Да не особо.

– Еще как особо. Любимая книга?

– О, – он прищурился, словно ему было больно, что приходилось выбирать всего одну. – «Убить пересмешника». Знаю, эту книгу любят все. – Он пожал плечами.

– Ну, на то есть причина, – отметил я. – Любимая песня?

Он вскинул руку.

– Нет. Слишком большой выбор.

– У всех есть самая любимая песня.

Он покачал головой.

– У тебя есть?

– Да.

– И что за песня?

– Не скажу. Сегодня вопросы о тебе, а не обо мне.

– А когда будет твоя очередь отвечать на вопросы?

– Завтра.

– Мы встречаемся завтра?

– Ага.

– Где?

– У меня, – предложил я, понятия не имея почему. Слова вылетели прежде, чем я успел их остановить. – Если хочешь. Или можем пойти в другое место, мне все равно.

– И ты расскажешь мне о любимой песне?

– Да, как только ты сузишь свой выбор до одной. До одной любимой песни.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Я могу сказать «вето».

Я ухмыльнулся в ответ.

– Можешь, но не станешь. Окей, расскажи о друзьях.

Он замолчал.

– Ты хочешь познакомиться с ними? – спросил он, улыбка исчезла, а в глазах

появилось опасение.

– Как сказать, – ответил я, пожимая плечами и стараясь выглядеть спокойным.

Видимо, я задел его за живое. – Если понадобится, наверно, захочу. Но сейчас мне просто

нужно разобраться, почему ты именно такой, какой есть. – Потом я спросил: – Тебе бы не

хотелось, чтоб я с ними встречался?

Он протараторил:

– О, нет–нет. Я не против, – и покачал головой. – Просто не знал, как далеко все

зайдет, вот и все. Не хочу, чтоб кто–то неверно нас истолковал, и предпочел бы не

говорить никому, – он рукой указал на нас обоих, – что это сделка.

– Зайдет настолько далеко, насколько необходимо, а ты можешь говорить людям

все, что тебе по душе, – сказал я ему, надеясь, что смог изобразить обнадеживающую

улыбку. – Мы зайдем так далеко, чтоб Эли увидел нас вместе и понял, от чего он

отказался. И все.

Эндрю кивнул и опустил глаза на свои руки.

Я сделал глубокий вдох.

– Ладно, расскажи мне о нем.

– Что ты хочешь знать?

– Полное имя.

– Эли Мастерсон.

– Сколько лет?

– Двадцать пять.

– Где вы познакомились?

Он улыбнулся.

– В продуктовом магазине.

– Кто кого пригласил на свидание?

Эндрю моргнул и тихо ответил:

– Он пригласил меня.

– У тебя есть его фотки?

Эндрю достал телефон из кармана, пролистал несколько страниц и передал мне.

– Есть несколько, – сказал он. – Можешь посмотреть, если хочешь.

У Эли были темные волосы, темные глаза, оливковая кожа и широченная улыбка.

Первое изображение – их совместное сэлфи. Эли держал что-то в руках. Эндрю держал

телефон, поэтому я предположил, что сфоткаться – его идея. Я перешел к следующим: на

первом Эли смотрелся естественно, на втором показывал язык. Потом снятое кем-то

другим фото, где они сидят вместе. Выглядели они довольно счастливыми, хотя не то

чтоб я хорошо знал Эндрю – и никогда не положил бы глаз на Эли – но казалось им

весьма легко вместе.

– Сколько вы встречались?

– Восемь месяцев, – ответил Эндрю.

– И жили вместе?

Он кивнул.

– Мы съехались спустя пару месяцев после начала отношений. – Он боязливо

засмеялся. – Знаю, звучит глупо. Но он и так бывал здесь ежедневно и платил за квартиру, в которой не жил, так что было логично. – Эндрю протяжно и громко выдохнул. – Все

наши отношения были похожи на ураган. Все происходило слишком быстро.

– Вы обручились?

– Да. – Он дернул плечом. – Ну, фактически нет. У нас не было колец или чего-то

подобного. Он предложил пожениться, но больше эту тему не поднимал.

Х-м-м. Странно.

Было кое-что еще, о чем мне нужно было знать.

– Эндрю, могу я спросить о личном?

Он захохотал.

– А ты еще не спрашивал?

Я улыбнулся. Как бы правдиво ни звучало, но этот вопрос был о

другом.

– Он обидел тебя?

Эндрю замер, потом моргнул.

– Когда ушел от меня?

– Нет, я имею в виду, вообще обижал? Бывал ли он грубым, запугивал или проявлял агрессию?

– Что? Нет, – вспылил он. – Нет, ничего такого. Он никогда таким не был. Почему

ты вообще спросил? Думаешь, в таком случае я хотел бы его возвращения?

Я поднял руки в знак предложения мира.

– Мне просто необходимо понимать, с чем имею дело, и не прибьет ли меня какой–

нибудь ревнивый псих за то, что я тобой. Я всех спрашиваю. – Ну, по факту нет; вопрос

этот задавался, только если требовалось.

Он забрал телефон, словно я оскорбил фотографию Эли.

– Он вообще не такой. Понимаю, многие люди его недолюбливают, но они не

знакомы с ним так близко, как я.

– Справедливо, – сказал я. – У меня и в мыслях не было ничего дурного. – Он

заявил, что физически Эли его не обижал, и я поверил. Но было что–то еще насчет Эли, что не давало мне покоя. Может, познакомившись поближе, я изменю мнение? Эндрю

явно любил его, а моя задача – воссоединить их, не уделяя внимания достоинствам Эли. –

Когда вы в последний раз общались?

– На прошлой неделе, – ответил Эндрю, обращаясь к фотографии Эли.

– Кто был инициатором?

Эндрю откашлялся.

– Я позвонил ему.

– И как прошло? – спросил я. – Он воспринял мирно? Разговаривал дружелюбно?

Он кивнул.

– Да. Он болтал и смеялся, словно ничего не изменилось.

Смешанные сигналы – хуже всего. Они тащатся за вами как подержанная игрушка, которую выбрасывают, если удавалось подыскать

что-то получше, и оставляют, если

ничего не подворачивалось.

Он все еще разглядывал руки на коленях.

– Считаешь меня глупым?

– Совсем нет, – без промедлений ответил я. – Ты любишь его. Делаешь все, что

требуется. Разумеется, судить не мне.

Он стрельнул в меня глазами и тихо пошептал:

– А ты? Ну, знаешь... Был влюблен?

От неожиданного вопроса в груди как по щелчку появилось напряжение, будто его

слова стиснули мне сердце. Я хотел солгать, но решил: «К черту». В Эндрю было что-то,

отчего я ощущал... ну, я не совсем уверен... Безопасность? Что он не осудит меня.

Поэтому, учитывая вышесказанное, я выдал ему правду.

– Не думаю. Похоть, разумеется. Но любовь? – Я покачал головой. – Кажется,

любовь для других людей.

Эндрю изучал меня с минуту, точно я запутал его.

– У тебя есть... парень?

Я покачал головой.

– Нет. Нет времени. Я слишком занят, устраивая фейковые свидания с красавчиками вроде тебя.

Эндрю усмехнулся, на шее показался легкий румянец. Похоже, ему не хватало слов.

– Ты несешь какую-то ересь.

Правда. Мне требовалось узнать о нем и Эли, и конечно, почему закончились их

отношения. Поэтому задал еще вопрос – самый сложный из всех.

– Почему он ушел от тебя?

Он посмотрел на меня так, будто я ударил его, и на некоторое время затих. Надулся

и выпятил губы, после чего снова впился зубами в нижнюю губу. И наконец-то произнес:

– Честно говоря, понятия не имею. Как я уже говорил, с ним все походило на

ураган. Знакомство, его переезд, его предложение пожениться, и все вроде шло прекрасно.

Ну, я так считал, а потом... – Он пожал плечами. – Потом я пришел с работы домой как

раз в тот момент, когда он уходил с чемоданом.

– Что он сказал? – без нажима спросил я.

– Что ему... – Эндрю громко выдохнул, – ... что ему нужно передохнуть.

– То есть он не заявил, что все кончено? Не сказал, что помолвка разорвана?

Эндрю бросил на меня грустный взгляд и покачал головой.

– Нет. Просто сказал, что ему нужен перерыв и ушел, будто отправился за молоком

или что-то в этом роде.

– Х-м-м. – Без сомнений, что-то было не так. Я нахмурился, чего не упустил

Эндрю.

– Что?

Пришло время для второго сложнейшего вопроса.

– Думаешь, у него кто-то есть?

– Нет. – Эндрю затряс головой, нахмутив лоб. – По крайней мере, я так не считаю. –

Он посмотрел на меня с паникой в глазах. – О, Боже. А если есть? – Его лицо приобрело

нездоровый вид, а потом он схватился руками за голову.

Я положил ладонь ему на плечо и прибег к отлично отрепетированной реплике,

только в этот раз все было иначе.

– Эндрю, послушай меня. Если этот парень встречается с кем-то, тогда тебе будет

лучше без него. Но если ему просто нужен перерыв и немного времени, чтоб здраво

смотреть на происходящее, тогда мы поможем ему сфокусироваться на главном. Ясно?

Эндрю сделал глубокий вдох, собрался и, в конце концов, кивнул.

– Ясно.

– Отлично, – проговорил я, обнадеживающе улыбаясь. – Итак, если мы хотим, чтоб

твой мужчина заревновал и ползал у тебя в ногах, умоляя принять его обратно, тогда нам

есть, над чем поработать.

Глава 3

– Говорю вам, было невероятно, – рассказывал я, а Лола, Габриэль, Даниэла и

Эмилио глазели на меня. Мы пили кофе в тату–салоне, сидя там, где клиенты ожидали

своей очереди или пролистывали тату–журналы, что стало нашей утренней воскресной

традицией. Я как обычно прихлебывал зеленый чай, они – кофе, и проходил через

традиционный допрос после старта нового дельца. *Какой он? Он извращенец? Есть ли у*

него фетиш на надувные куклы? Ну, знаете... нормальные такие вопросы.

– У него на стене в гостиной висят иллюстрации, написанные им самим, – сказал я

им. – Карандашные наброски, но фон – акварельный. Охеренные картины. – Я кивнул на

книги по татуировкам на кофейном столике, что стоял между нами. – Ничего лучше в

жизни не видел.

– Н–да? – спросил Эмилио. Как татуировщик он бы оценил то, о чем я вещал. – Он

рисует мультики?

– Он делает видео–борды, которые отправляют аниматорам, – пояснил я. –

Нереально круто. А еще в гостиной у него огромный рояль.

– И что, в шкафу не скрываются похожие на живых синтетические секс–куклы? –

разочарованно задала вопрос Даниэла.

Эмилио шутливо насупился.

– Не все такие же извращенцы, как ты.

Он хмыкнула.

– Спасибо, малыш. – Я не смог сдержать хохот. Эмилио и Даниэла стали мне очень

близкими друзьями. Арендодатели – да, но Эмилио мне как старший брат, а его

красавица–жена – названная сестра.

– Значит, он симпатичный и совершенно нормальный? – спросила Лола.

Я пожал плечами.

– Настолько хорошо мы еще не знакомы, то есть секс-игрушек в ящиках я еще не

видал, но да. Если существует такое понятие как «нормальный». И говорю вам, он –

прекрасная замена предыдущему парню.

Габриэль прыснул.

– О, да ладно, – сказал он. – Что плохого в том, что пацан двадцати с копейками лет

коллекционирует ложки, а его диваны обернуты в полиэтилен?

Я покачал головой, вспоминая первые впечатления от посещения квартиры того

парня. Меня передернуло.

– То была наименьшая из проблем. Чувак был жутким как черт.

Лола рахоталась.

– А тот говнистый супербогач перед ним? Который считал своего бойфренда

приобретаемым товаром и никак не мог врубиться, почему парнишка подался в бега.

– Это я посоветовал парнишке податься в бега, – пояснил я. – Я предпочел парня с

полиэтиленом и «Клороксом⁴» вместо этого козла. – Было вполне реально справиться с

дебилизмом Раймонда, но самовлюбленный «самодельный» миллионер Джерард считал, что за деньги можно купить любую прихоть, включая людей. Такое дерьмо со мной не

прокатывало.

4

Товарный знак отбеливателя для тканей и пятновыводителя.

– И когда Человек-Рояль будет здесь? – спросил Эмилио.

Мы всегда давали моим клиентам погоняла: *Человек-Клорокс, Говнистый*

супербогач, Шерстяной парень, Человек-Жопа. Для всех нашлись подходящие. Но по

какой-то причине мне не понравилась идея навесить ярлык на Эндрю, тем более что

прозвище принижало его.

– Его зовут Эндрю, – заявил я и решил оставить без внимания направленные в мой

адрес взгляды и распахнутый рот Даниэлы. – Он будет здесь с минуты на минуту.

Как по заказу Эндрю, выглядя, как очень привлекательный ботаник в своем свитере

с ромбиками и классических брюках, остановился перед дверью в салон. Он разглядывал

название, абсолютно не замечая пятерых человек, наблюдавших за ним изнутри. Покачал

головой, пробормотал что-то под нос и хотел вроде постучать, но потом на секунду

«завис» и опустил руку. Сделал глубокий вдох и быстро тукнул по двери, решив, вероятно, не дожидаться пока потеряет самообладание и сбежит.

– Иди, спасай его, – пихнула меня Лола своей туфлей на высоком каблуке.

До меня дошло, что я сидел и, как идиот, пялился на него.

– Точно, – сказал я и быстро зашагал к двери отпирать задвижку. – Привет, –

поздоровался я.

Эндрю послал мне полуулыбку.

– Привет.

Я отступил немного назад.

– Проходи, знакомься с моей командой. – Эндрю вошел, благоухая всевозможными

приятностями, и я запер дверь: технически салон не работал еще час или около того.

Выглядел он потерянным и не на своем месте, таращась на всех, кто таращился на него.

Казалось, он либо грохнется в обморок, либо убежит. А, может, и все сразу. – Эндрю, –

начал я, положив ладонь ему на плечо и немного подтолкнув вперед. – Это Даниэла и ее

муж Эмилио, они владельцы салона. С Лолой ты уже встречался, а это ее парень Габриэль

или Габ, как мы его зовем. Ребята, это Эндрю.

Все четверо помахали, брякнули тихое «привет» и неловко перекинулись парой

слов. Эндрю вытер ладони о бедра, поэтому пока никто не успел ничего ляпнуть, чтоб

смутить его еще больше, я посмотрел на него, все еще придерживая рукой за спину, и

сказал:

– Готов?

Он быстро кивнул.

– Конечно.

Повернувшись к друзьям, которые смотрели на нас и улыбались, я произнес:

– Мы пошли. Словимся позже. Запрете за нами? – я направился к входной двери, отпер ее и придержал для Эндрю.

Дверь еще не успела закрыться, и клянусь, я уловил, как Лола визгливо зашептала, что она делает только в периоды эмоционального возбуждения.

– О, боже мой! Вы видели лицо Спэнсера? – Кто-то что-то забормотал, кто-то

засмеялся, но, к счастью, дверь со щелчком закрылась, и больше я ничего не услышал. По

воле Господа или благодаря хорошим манерам Эндрю вроде ничего не заметил. Я же

мысленно отметил: убить своих так называемых друзей.

Я указал на ведущую к пляжу улицу.

– Сюда.

Пройдя полблока в тишине и немного поболтав о его поездке до моего дома, он

проговорил:

– Твои друзья классные.

Я захохотал.

– Обычно они так себя не ведут. Они реально хорошие люди. Большинство считает

татуировщиков бандитами, что совсем не так. Эмилио и Даниэла – очень верные друзья, а

Лола... чокнутая. Но она моя лучшая подруга. Милая, суровая и чокнутая.

– Мало кто мог бы носить розовые волосы, черно-белое полосатое платье и

бирюзовые туфли.

Теперь я ухмылялся.

– Да, мало кто. Она смахивает на девочку из пятидесятых, встретившую панк–

рокершу.

Он улыбнулся.

– Правда.

– За углом есть небольшой марокканский чайный дом, – поведал я ему, кивнув

вверх по улице. – У них отличные завтраки. Ты ел?

– Несколько часов назад.

Господи, было воскресенье, десять часов утра.

– Ты давно встал?

– Уже успел сходить в зал.

Я покачал головой.

– Тогда аппетит должен был появиться.

– Никогда не пробовал ничего марокканского. На завтрак, конечно.

Я открыл дверь в кафе и поймал себя на том, что улыбался ему.

– Тогда сегодня у тебя первый раз.

Внутренний интерьер кафе – сочетание оранжевого, пурпурного и красного. Здесь

пахло специями и лимоном. Столы из темного дерева были низкими, а скамьи устелены

подушками, и я был благодарен, что мой любимый столик пустовал. Располагался он в

углу возле окна, в которое проникал солнечный свет.

Я уселся и ждал того же от Эндрю. Он устроился напротив меня, оглядываясь

вокруг и улыбаясь.

– Люблю это место, – признался я ему. – А этот стол? Если б можно было принеси

книгу и весь день получать чай, я бы никогда не ушел. Особенно зимой, когда солнце

проникает в окно.

Он улыбнулся, в уголках глаз появились морщинки, и опять меня поразило, какой

же он красавец. Коротко постриженные волосы песочного цвета были зачесаны на бок, но

все равно немного взъерошены. Он был чисто выбрит и пах невероятно хорошо: мылом, дезодорантом и мужчиной. Он был такой весь из себя американский мальчик–аккуратист, знавший все на свете. Я постарался представить его в одежде примерно моего стиля или в

чем–то ином, нежели чем в свитере с ромбиками и классических брюках, но не преуспел.

Ему все это очень шло. Если бы существовал журнал под названием «Сексуальные

ботаники», он был бы на обложке.

Хозяйка, пожилая женщина по имени Зинеб, подошла к нам и сверкнула улыбкой.

– Спэнсер, давно не виделись.

– Знаю! Был занят на неделе, – сообщил я ей. – Но мой друг никогда не пробовал

ничего марокканского. Как считаете, с чего ему начать?

– С хобз бчехмы с бараниной и перцем, – ответила она. – Приготовлены сегодня

утром, и мсемен, твой любимый.

Я усмехнулся.

– Как всегда. Пожалуйста, с медово-инжирным вареньем.

Она закатила глаза.

– Разумеется. Чай?

– Для меня – да, пожалуйста. – Я махнул рукой на Эндрю, изумленно смотревшего

на меня. – И латте с двухпроцентным молоком, без сахара и сиропа. Спасибо. – Я сделал

для него заказ ровно так, как ему нравилось.

Зинеб оставила нас и выкрикнула что-то по-арабски своему мужу. Боже, я обожал

это место.

– Ты запомнил? – спросил Эндрю. – Какой кофе я пью.

– Конечно, – ответил я. Будто для него никто и никогда не делал таких простых

вещей. – Моя работа – помнить о тебе все.

– Да, безусловно, – сказал он, неожиданно обнаружив что-то интересное в меню.

– Что напоминает мне, – добавил я. – О любимой песне.

– Понимаешь, не так-то все легко.

– Нет, легко.

– Тогда какую песню ты любишь больше всех остальных?

– Кавер Джеффа Бакли «Аллилуйя».

Он моргнул.

– Так просто?

– Так просто.

– Хорошая песня.

– Песня прекрасная, – поправил я. – Не пойми неправильно, мне нравится версия

Леонардо Коэна. Но версия Джеффа Бакли... ну... прекрасна.

– Прекрасна? Довольно громкое заявление. – Он помрачнел. – Прекрасная песня?

Как ты определяешь прекрасную песню?

Я поймал себя на том, что улыбался ему.

– Не выворачивай ее наизнанку, вот как. Отбрось весь технический шлак:

параметры, аккорды и прочую лабуду. Исходи из ощущений. Что ты чувствуешь здесь. –

Я прижал руку с груди. – Эта песня остановит меня, где бы я ни был.

Он рассматривал меня с намеком на улыбку, но в глазах мелькнуло понимание и

невывказанное согласие.

– Что ж, если ты определяешь прекрасную песню именно так, то я бы назвал

«Лунную сонату» Бетховена. – Он тяжело сглотнул и пожал плечами, как бы извиняясь. –

Она не крутая или что-то типа того, но это красивая песня. Хотя формально это даже не

песня, а музыкальная композиция.

– Формальности в сторону, не извиняйся, – сказал я. – Никогда. Если тебе нравится, признай. Повторяй за мной... – Он в ожидании уставился на меня. И я произнес: – Моя

любимая песня – музыкальная композиция Бетховена «Лунная соната», потому что она

охренеть какая классная.

Он зашелся в хохоте и огляделся вокруг убедиться, не слышит ли кто мои

ругательства.

– Говори, – надавил я на него.

Он прокашлялся и тихо залепетал:

– Моя любимая песня – музыкальная композиция Бетховена «Лунная соната», потому что она... охренеть какая классная.

Я хмыкнул.

– Видишь? Разве не стало лучше?

Он усмехнулся как раз в тот момент, когда Зинеб принесла наши напитки и с

надеждой посмотрела на меня.
– Ну? – сказала она. – И кто твой друг?
Эндрю остолбенел, глядя на нее, а я представил их друг другу.
– Это Эндрю. Эндрю, это Зинеб, творец самого вкусного зеленого чая во всем ЛА.
Он просияла.
– Ему нравится марокканский зеленый, – обратилась она к Эндрю. – Мало кому он нравится. Купи ему чай, и ты завоюешь его сердце. – Я фыркнул, а Эндрю почти проглотил язык. – Еда скоро будет, – добавила она и удалилась, по-видимому, не обратив внимания на ужас, отразившийся на лице Эндрю.
– Она считает, мы...?
Он кивнул.
– Лучше привыкнуть, – сказал я, разворачивая чашку чая. – Нужно, чтоб публика думала, что мы встречаемся. Особенно Эли.
Брови Эндрю сошлись на переносице, но он кивнул.
– Да. Наверно.
– Не такой уж я и страшный, – брякнул я, пошутив лишь наполовину.
– Что? Нет! – яростно воскликнул он. – Ты просто... ну, знаешь...
– Нет, не знаю. – Это могло плохо закончиться. Мне практически не хотелось задавать вопрос. – Это хорошее «ну, знаешь» или плохое «ну, знаешь»?
– Хорошее, – протарахтел он. Шею покрыл слабый румянец. – Просто ты такой... стильный. – Он поежился от сказанного слова. – А я нет.
– Ну, простите мистер любитель «Заводного апельсина» и «Лунной сонаты», – парировал я с улыбкой. – Это чертовски круто.
Он покачал головой, полностью игнорируя мои слова.
– Но посмотри, как ты одет.
Я глянул на свою одежду: брюки три четверти песочного цвета, белая рубашка на пуговицах и синие замшевые «оксфорды».
– Я одет как-то не так? – спросил я. Всем всегда нравился мой стиль. – Хотел еще нацепить подтяжки, но не стал.

Он покачал головой.

– Все в порядке. И мне бы понравились подтяжки на тебе. Ты выглядишь так,

словно сошел со страниц «Модного Лос-Анджелеса».

Я фыркнул.

– Ты еще и журналами занимаешься? – поинтересовался я. – Мне ты достался из

«Сексуального ботаника», – признался я, а он с недоверием расхохотался. – У меня ты

был на обложке. Не на какой-то там четвертой странице, как я у тебя. О нет, друг мой, у

меня ты на обложке.

Он тихо хихикнул и отпил кофе.

– Окей, я переуступлю тебе обложку.

Я расплылся в улыбке.

– Спасибо!

– Сексуальный ботаник, – мягко повторил он, качая головой. – Ты бредишь.

– Я искренне верю, что ты вписываешься в обе категории, – сказал я, покрутив

чашку. – И, хочется добавить, достаточно неплохо. Мне нравится, как ты одет.

Он снова вспыхнул, порозовели даже кончики ушей.

Я высунул ногу.

– Как бы то ни было, эти ботинки я люблю. Отвалил за них целое состояние.

– Заметно, – проговорил он, любясь моими «лоферами».

Я протянул руки, чернила покрывали каждый миллиметр моей кожи от закатанных

рукавов рубашки до запястий.

– Тебе нравятся мои татуировки?

Он снова застыл, но прежде чем успел ответить, Зинеб принесла наш заказ.

– Вы поделитесь между собой, мальчики? – спросила она.

– Да, – ответил я, освобождая место на столе. – Попробуем всего по чуть-чуть. –

Зинеб расставила нашу еду, раздала нам тарелки и приборы и удалилась. – Попробуй

сначала закуску, – сказал я ему. – Очень вкусно. Пряная баранина и

средиземноморские

овощи в лепешке. А мсемен – как блины. Муж Зинеб сам делает медово–инжирное

варенье. Оно божественное.

Он подцепил вилкой хобз бчехму, отправил в рот и простонал – хриплым

гортанным звуком, от которого мою кожу начало покалывать.

– Окей, ничего себе.

Я засмеялся, стараясь игнорировать свою реакцию на него.

– Супер, да?

Он кивнул и продолжил есть. А в перерыве задал вопрос:

– Теперь моя очередь спрашивать?

Черт. Я кивнул.

– Ага.

– Из какой части Австралии ты родом?

– Сидней.

– И живешь здесь два года?

Я кивнул, запивая еду глотком чая.

– Да.

– Почему ты переехал?

Я задумался, как лучше ответить. Мне не стоило углубляться в семейную историю

перед парнем, которого, по всей видимости, я не увижу уже через месяц, поэтому решил

высказаться уклончиво.

– Я ненавижу свою работу и хотел путешествовать. Билеты в ЛА были выставлены

на распродажу, так что я упаковал чемодан и теперь сижу здесь.

Какое–то время он переваривал информацию. Я понятия не имел, поверил он мне

или нет. Казалось, что да.

– Семья?

Боже. Ладно, может, и нет. Нужно было проработать свои способности

выворачиваться из подобных ситуаций.

– Родители до сих пор женаты. Два брата. Оба младше меня.

– Они не возражали насчет твоего переезда на другой край света?

– Нет.

– Они навещали тебя? – надавил он. – Или ты бывал у них с тех пор?

Рот был забит едой, так что говорить я не мог, даже если б и хотел. Нельзя было

признавать правду. Я покачал головой.

– Скучаешь по ним?

– Да. – Слово вылетело немного быстрее, чем должно было.

Он кивнул, больше для себя, чем для меня, и тогда я понял: он видел меня насквозь.

К счастью, он не стал прессовать, а просто сменил тему.

– Любимая еда?

– Ты ешь ее.

– Самая нелюбимая?

– Моллюски. Я аллергик.

Его вилка тормознула на полпути к губам.

– Серьезно?

Я вытащил из кармана «ЭпиПен5» и поднял, чтоб он смог рассмотреть.

– Очень. Обычно я таскаю с собой такой пузырек, если питаюсь в новом месте, и, как правило, не ем выходцев из воды. – После чего в шутку добавил: – Если только он не

идет в душ первым.

Эндрю рассмеялся.

– В общем, никаких морепродуктов.

Я покачал головой и убрал «ЭпиПен» обратно в карман.

– Не–а. Для полной безопасности я не ем ничего, что добывают из воды, типа рыбы, что по факту не является моллюском. Также не употребляю азиатские блюда, потому что

они используют рыбный соус в качестве основы. В ресторанах приходится постоянно

задавать кучу вопросов, прежде чем поесть, но до некоторых так и не доходит. Например, тайский салат из говядины? Кажется, все нормально, там же только говядина и салат, но в

заправке рыбный соус. Даже парней, с которыми я работаю... ну, фальшивые свидания, –

я указал на нас обоих, – мне приходится просить не есть ничего, что может

спровоцировать аллергию. Если нам придется целоваться, а он только что заточил

лобстера... Не очень–то хорошо будет смотреться, если я впаду в анафилактический шок

перед бывшим.

Он выглядел потрясенным.

– Такое случалось?

Я послал ему улыбку.

– Нет.

На лице отразилась задумчивость, и он положил вилку на пустую тарелку.

– Ты целуешься со всеми клиентами?

– Хочешь знать, придется ли нам?

Он кивнул.

– Если это привлечет внимание Эли – да. Если это вынудит его возжелать закинуть

тебя на плечо и утащить в свою пещеру, снова сделать тебя своим – да.

– Я позволил ему

минутку обо всем подумать; сомнений не было, в голове у него проносился видеоряд. –

5

Предназначен для экстренной помощи при возникновении внезапных опасных для жизни

аллергических реакций (анафилактического шока) на укусы насекомых, продукты питания, лекарства или

физическую нагрузку.

Клянусь, я отлично слежу за гигиеной полости рта, у меня сверхмягкие губы, а язык

подключается, только если это оправдано.

Он громко загоготал и снова покраснел. *Господи, он был таким простым.*

– О... эм... точно.

Я поменял тарелки местами и выставил вперед блины, сбоку пристроив варенье, чтоб он смог попробовать. Что также дало ему время собраться с мыслями.

– В общем, думаю, сегодня мы могли бы пробежаться по расписанию Эли.

– Ой. – Он с трудом сглотнул. – Конечно.

– Можем провести небольшое расследование, – объяснил я. – Промониторить его

«фейсбук», узнать, где он бывал, что-то подобное.

Он задумчиво кивнул.

– Окей.

– В курсе, где он живет?
Он насупился и покачал головой.
– Нет.
– Где он работает?
– В центре.
– Чем занимается?
– Работает в типографии на Уилшире.
Не так уж и далеко.
– Хобби? Зал? Любимые бары?
– Мы состоим в одном и том же клубе, но с тех пор я не видел его там,
– сказал
Эндрю. – Мы ходили в несколько баров в Эхо–Парке – не моя стихия.
– А какая у тебя стихия?
Он прокашлялся.
– Недалеко от его работы есть джаз–бар. Великолепная еда,
невероятная музыка.
– Ты любишь джаз?
Он кивнул.
– Люблю. – С невинным выражением лица он подцепил вилкой марокканских
блинчиков с медово–инжирным вареньем, закинул в рот и застонал –
глубоким, хриплым, восхитительным стоном, отчего по моему телу
побежали мурашки, а по члену
прокатилась волна приятной боли. – О, боже мой, – пробормотал он.
Я уставился на него. Господи, что это был за звук. Если он так стонал
от еды, я бы с
удовольствием послушал его в постели.
– Что? – спросил он, вырывая меня из похотливого оцепенения.
Черт. Меня поймали на подглядывании. Я поерзал на стуле, стараясь
подавить
наполняющее член желание, и прочистил горло.
– Блинчики хороши, да?
Он кивнул.
– Очень хороши. – Он положил в рот очередную порцию, но в этот раз
вздохнул. Я
почти расстроился.
Зинеб появилась возле столика с проницательной улыбкой.
– Ему нравится джем, да? – спросила она и пихнула меня локтем. –
Или он издает

эти звуки для тебя? Заметно, что ты в восторге, Спэнсер.

Эндрю чуть не выронил вилку, но смущен был именно я. Щеки вспыхнули от

прилива тепла, и мне пришлось прятаться за смехом, но я краснел. Иисусе. Хотелось

умереть.

Шок Эндрю перешел в стыдливость, хотя он не стал таким же бардовым, как я.

– Было громко?

Я решил поглумиться.

– О, да.

– Ой, – тихо сказал он. Он не смеялся. Он смотрел на Зинеб. – Прошу прощения.

Она взяла со стола пустую тарелку и рассмеялась.

– Не стоит извиняться. Спэнсеру понравилось. – Она похлопала по моему плечу и

отправилась обратно к стойке, а меня окатило новой волной позора.

– Мне реально неловко, – прошептал он.

Дерьмо. Я схватил его за руку и сжал ее, решив не пускать ситуацию на самотек.

– Не надо. Это моя вина. Мне не стоило... – Я покачал головой. – Хочешь уйти

отсюда?

Он кивнул. Все еще держа его за руку, я поднялся и пошел к стойке, отпустив его, только чтоб оплатить по счету. Протянул Зинеб свою карту, молясь, чтоб она не смутила

меня еще больше.

Не повезло. Она сладко улыбнулась.

– Я так рада видеть Спэнсера с мужчиной, благодаря которому он счастлив.

Я рассматривал возможность начать молиться богам землетрясений, чтоб они

встряхнули Сан-Андреас, земля разверзлась и полностью меня поглотила. Но вместо

этого стоял там как дебил, став темно-розового оттенка, и пробормотал:

– Спасибо вам, Зинеб. Вы вообще сегодня не опозорили меня.

Она вернула карту, глядя на меня в замешательстве.

– Что? Ты не влюблен в этого мальчика?

Я покачал головой и проглотил ком в горле, который, скорее всего, был моим

сердцем.

– Спасибо, Зинеб. До следующего раза.

Она еще больше пришла в замешательство.

– Но, Спэнсер, на других парней ты смотришь иначе.

Чтоб не оказаться на линии огня с ложной информацией, я сграбастал руку Эндрю и

потащил его из кафе, на выходе помахав Зинеб. Промчавшись около двадцати метров по

улице, я отпустил его руку, упираясь ладонями в колени и переводя дыхание.

Эндрю поразил меня своим смехом. Я ожидал целый список реакций от гнева до

стыда, даже возмущения. Но хохот? Я посмотрел на него.

– Чего тут веселого?

– Ты, – ответил он. – Выражение твоего лица.

– Она до чертиков смутила меня!

– Она смутила тебя? Да она всему кафе поведала, что я издаю звуки, которые тебе

нравятся!

– Ну, должен сказать, твои секс-звуки – просто бомба.

Он вытаращил глаза и разинул рот.

– Мои кто?

Теперь настала моя очередь смеяться. Я выпрямился.

– Неважно. Давай просто забудем все, что она сказала.

Он глазел на меня.

– Мои секс-звуки?

– То, как ты стонал, – пояснил я, кашлянув. – Было... до ужаса сексуально.

Он скрестил руки, потом выпрямил, затем засунул в карманы. Выглядел он

довольно взбешенным, но окрасивший его пылающий румянец выдал с головой.

– У тебя привычка такая – нести неуместную фигню?

– Только когда парни издают неуместные стоны, вынуждающие меня думать о

развратных вещах, что приводит к озвучиванию такой фигни вслух. – Я пожал плечами. –

И вообще, по мне так вполне уместно сказать правду. Твои стоны очень эротичны.

Он закрыл глаза ладонью.

– О, Господи. – Его рука опустилась вниз, и он уставился на меня. – Не могу

поверить, что ты это произнес.

– Не могу поверить, что ты об этом не знаешь, – ответил я. – Никто никогда не

говорил тебе?

Он был в ужасе.

– Мы не будем вести такую беседу. Вето.

Я захохотал и кивнул на тату–салон.

– Пошли, нам надо отследить твоего приятеля.

Салон был открыт. Я придержал дверь для Эндрю.

– После вас.

Он вошел внутрь и засунул руки в карманы – верный признак его нервозности или

неуверенности. Эмилио пребывал на рабочем месте, а на стуле сидело знакомое лицо с

обнаженной и украшенной чернилами грудью.

– Здорова, Спэнсер! – крикнул Эрик, протягивая руку.

Я ударил по его кулаку.

– Привет, мужик. – Эрик был постоянным клиентом. Я пристально посмотрел на

многообещающий рисунок на его груди. – Выглядит круто.

Эмилио без отрыва от работы произнес:

– Эй, Спэнсер, можешь подать проспиртованную вату?

– Разумеется, – ответил я, направляясь к шкафу, где у него все хранилось, и

положил коробку на столик рядом с его рукой. – Лола и Габ еще здесь?

– Ага, – донесся голос Лолы. – Вторая кабинка.

Я кивнул Эндрю, безмолвно приглашая пройти за мной, и повел его в дальнюю

часть салона к приватным кабинкам. Шторка была слегка приоткрыта, и я нырнул в зазор

головой: Габ лежал на столе, а Лола и Даниэла стояли возле него, осматривая его зажатый

сосок.

– Привет, – со смешком сказал я. – Мне стоит поинтересоваться?

Габ закатил глаза.

– Лола хочет проколоть мне соски.

Я вошел, а Эндрю остался возле входа с выражением шока и нездорового

любопытства на лице. Я взглянул через плечо Лолы на вытянутый и зажатый сосок Габа.

Он еще не был проколот, но Лола держала в руке иглу.

– Ты собираешься колоть?

Она взволнованно кивнула.

– Даниэла контролирует, но да, я проткну кожу и вставлю маленькую штангу. –

Даниэла занималась пирсингом и позаботилась, чтоб все прошло идеально.

Габ вздохнул.

– Я начинаю думать, что у моей девушки помешательство на боли.

Я фыркнул.

– Только если боль твоя, мой друг.

– Хочешь, сделаю и тебе? – спросила Даниэла.

Я инстинктивно прикрыл руками соски.

– Нет.

– Больше приятно, чем больно, – сказала Даниэла, поиграв бровями. –
Поверь.

– А как насчет принца Альбертаб? – спросила Лола.

Мой член попытался забраться внутрь тела.

– Господи, нет.

Отсмеявшись, Лола посмотрела на Эндрю.

– Как позавтракали?

Эндрю улыбнулся ей.

– Хорошо. Ели марокканскую кухню. Походу, я издавал секс-звуки, и
Зинеб

заявила, что Спэнсер влюблен в меня.

Секунды три все таращились на него и изумленно молчали, пока я не зашелся в

хохоте. Просто не верилось, что он это произнес.

– Ты не должен был им рассказывать!

Эндрю хмыкнул и посмотрел на моих друзей.

– Вам стоило видеть его румянец.

Я направил взгляд на Лолу.

– Он врет. У него расстройство – он патологический врун и постоянно

толкает

подобное дерьмо.

Эндрю рассмеялся, но когда Лола, Даниэла и Габ повернулись в его сторону, он

медленно покачал головой.

– Это правда.

– Окей, – сказал я, хлопая в ладоши. – На этой ноте мы, пожалуй, и свалим.

Я попытался выпихнуть Эндрю за дверь, но он смотрел на вытянутый сосок Габа и

хмурился.

– Выглядит болезненно.

Лола подняла иглу и взмахнула ресницами.

– Больно только до тех пор, пока боль не уходит.

В этот раз я схватил Эндрю за руку и потащил к задней двери салона.

– Она реально проткнет ему сосок?

Я поднес руку к замку и не успел его отпереть, как из второй кабинки донесся вопль

Габа:

–Оу! Святые угодники!

Рот Эндрю распахнулся, и я кивнул.

– Можно принять как «да», – сказал я. Эндрю немного побледнел, а я открыл для

него дверь. – После вас.

Глава 4

6

На слэнге обозначает пирсинг пениса. Прокол идет от уздечки до уретры и вставляется кольцо, которое потом сгибают плоскогубцами.

Я закрыл за собой дверь и направился к наружной лестнице, что вела к моей

квартире. Я привык к пожарному выходу. Большинство людей считали позорным входить

в жилище подобным образом, но меня устраивало. Я начал карабкаться по лестнице и

уловил, что Эндрю взбирался за мной.

– Если тебе захочется оценить мой зад, не стесняйся.

Он остановился.

– Ты говоришь так всем парням, которых приводишь сюда?

Я рассмеялся и посмотрел на него.

– Только реальным красавчикам.

Он покачал головой и не проронил ни слова, пока я не отпер дверь и не вошел в

квартиру. По правде говоря, никого из клиентов я сюда не приводил. Обычно я

предпочитал проводить знакомство в кафе или у них дома, что служило буфером между

личной и профессиональной жизнями. Я не понимал, зачем предложил Эндрю прийти ко

мне. Просто не понимал.

Моя квартира или, как говорят американцы, апартаменты – небольшое односпальное жилье. Кухня и ванная комната были отличными, гостиная объединена со

столовой длинным огромным окном, выходящим на бульвар Эббота Кинни. Когда солнце

садилося, ночная жизнь ЛА освещала мою гостиную, а в течение дня солнечный свет

прекрасно подходил для чтения. Именно по этой причине возле окна стояло кресло из

ротанга. Здесь же располагались импровизированные шкафы, заполненные

преимущественно подержанными книгами. По факту большинство вещей в моем доме

были подержанными, добытыми в благотворительных или винтажных магазинах, но

каким-то образом все гармонировало между собой.

– Милое местечко, – сказал он, оглядываясь вокруг, и кивнул. – Если б существовал

журнал «Холостяцкая жизнь в стиле ретро-винтаж», оно было бы на обложке.

Я захохотал.

– Эмилио и Даниэла раньше здесь жили, – рассказал я ему. – Они отремонтировали

кухню и ванную, так что все неплохо. А переехали, когда заболела мама Даниэлы; они

хотели жить вместе с ней, но она не могла подниматься по лестнице.

Эндрю кивнул.

– Кажется, они отличные люди, – произнес он вопросительно.

Я долго разглядывал его.

– Невзирая на то, что покрыты татуировками?

Он стрельнул в меня глазами.

– Нет, я не об этом. Я имел в виду, что они кажутся отличными людьми, учитывая, что знакомы мы целых двадцать секунд.

– Более порядочных людей ты не найдешь, – проговорил я. – Несмотря на то, что

они носят на коже.

– Я ничего не имею против татуировок, – возразил он. – И людей, у которых они

есть.

– Хорошо, – отметил я. – Вы с Эмилио превосходно бы поладили. Оба художники, оба рисуете для заработка. Только твои борды не шевелятся и не истекают кровью.

Он с улыбкой согласился.

– Правда.

Меня порадовало, что напряжение испарилось. Не хотелось толкать речь из разряда

«татуированные люди тоже люди». Он не походил на предвзято настроенного парня. Не

то чтоб мы были близко знакомы, но он казался искренним. А я давненько не работал с

таким типом людей.

Между нами ненадолго повисла тишина. Он прошел к виниловому проигрывателю

в большом деревянном ящике с откидной крышкой, открывавшейся там, где была

вертушка.

– У моих дедушки и бабушки был такой, – сказал он и снова улыбнулся. – Он

работает?

Я подошел к нему, встал рядом и кивнул на виниловые записи в шкафу.

– Да.

– Что у тебя имеется? – спросил он, но ответа дожидаться не стал, решив

просмотреть самостоятельно. Перебирал, разглядывая каждую. – Разношерстная

коллекция.

– Да, – согласился я. – От «Рамоунз» до Билли Холидей.

Он прекратил осмотр и медленно вытащил запись, что вынудила его

остановиться.

– Могу я включить?

Я кивнул и улыбнулся его выбору – сборник блюза и джаза: Отис Реддинг, Билл

Уизерс, Перси Сандж, Майлз Дэвис и Арета Франклин. Эндрю вытащил пластинку из

обложки так, словно ценнее ее ничего в мире было, и аккуратно опустил иглу на винил.

Комната наполнилась знакомым безупречным потрескиванием, которое можно услышать

только от винила, и заиграла «Нет солнечного света».

Эндрю прикрыл глаза, затерявшись в музыке, и на лице медленно проступала

улыбка. Он прошептал:

– Невероятно.

– Благодаря современной музыке многое утеряно, – тихо сказал я. Тогда он

посмотрел на меня, и я пояснил: – В смысле, мне нравится, но это... – Я замолчал, когда

запел Билл Уизерс. – ... классика.

Эндрю послал мне улыбку и изумленно покачал головой.

– Значит, ты устраиваешься на солнышке с книжкой и слушаешь виниловые

пластинки?

– Иногда, – признал я. – А иногда на «айподе» врубаю «Топ-20». Зависит от

настроения.

– И как же выглядит твой плейлист? – заинтересованно спросил он.

Я вынул телефон, выбрал раздел «музыка» и вручил ему.

– Посмотри. – Я оставил телефон ему, прошел к обеденному столу и открыл

ноутбук.

Он неспешно листал.

– Я и половины не слышал, – сказал он, нахмутив лоб.

– Большинство групп австралийские.

Лицо его стало задумчивым.

– Дома поищу их.

– Можешь послушать сейчас, если хочешь.

– Я бы предпочел послушать это. – Он улыбнулся, когда запел Отис

Реддинг.

– Значит, ты играешь на рояле классику, но любишь джаз?

– Да.

– И какая партитура сейчас на твоём рояле?

Он ухмыльнулся.

– «Вчерашний день» Арта Тэйтума.

Я моргнул.

– Кого?

– Лучшего из когда-либо живущих джаз-фанкового пианиста.

– погоди, – сказал я, поднимая руки вверх. – Ты учился классике, но играешь джаз?

– Он застенчиво кивнул. – И ты заявлял, что не крут? И не интересен?

Господи, Эндрю.

Если б существовал журнал «Сексуальные и крутые мультипликаторы, которые играют

джаз-фанк на рояле и смотрят фильмы Стэнли Кубрика», ты был бы на обложке. По

каждой теме.

Он долго и громко гоготал, щеки окрасились в розовый цвет. После чего запустил

телефон ко мне по столу и уселся рядом. Я набрал имя Эли в «фейсбуке» и рассматривал

выпавшие результаты, прокручивая список.

– Вот он, – сказал Эндрю.

Мой палец завис над иконкой.

– Ты в последнее время проверял его стену?

Эндрю покачал головой.

– Нет.

Я кликнул на аватарку, и Эндрю отвернулся от экрана.

– Все в порядке? – спросил я его.

– Да, – ответил он, глядя на меня, но избегая ноутбука. – Просто не хочу видеть, если он...

– Запостил фотку с другим?

Эндрю кивнул.

– Я не задумывался, пока ты не поинтересовался, встречается ли он с кем-то. – Он

покачал головой и прищурился. – И вот он я, пытаюсь заманить его вернуться. Вроде

печально, да?

– Нет, – мягко произнес я. – Прежде всего, ты хочешь ответов. Именно этим мы и

заняты.

– Получаем ответы?

– Ага.

– Которые мне могут понравиться, а могут и нет.

Я вздохнул.

– Все возможно, – признал я. – Тебе может не понравиться то, что он скажет. Но

разве не лучше быть в курсе?

Он кивнул.

Я пролистал ленту новостей на странице Эли.

– Ему стоит поменять настройки безопасности. – Как незнакомому пользователю, мне было видно о нем почти все. Люди отмечали его на мемах и шуточках. За последние

несколько недель он постил всего пару раз. – Он ни разу не упомянул о переезде и

расставании, – сказал я, и только тогда Эндрю посмотрел на экран.

А потом был обнаружен пост, опубликованный чуть ранее на неделе, где

говорилось об этих выходных.

– Кто такая Терри Сантос?

– Они с Эли работают вместе. Дружат. Бывало, мы все вместе куда–нибудь

выбирались.

– Она пишет, что собирается отмечать день рождения в «Подвале», и спрашивает, не желает ли он присоединиться.

– Когда?

– Сегодня в восемь.

– А он что написал? – спросил он, наклонившись прочесть пост и комментарии.

Я изложил ответ Эли.

– Сказал, что не хочет завтра болеть на работе, но, может, заскочит на пару часов.

Эндрю перевел взгляд с экрана на меня, и я просек, насколько же близко друг к

другу мы находились. В его голубых глазах были серые крапинки, чего раньше я не

замечал. Выглядел он чересчур привлекательно, пах просто

божественно и сидел очень—
очень близко.

— Что ты думаешь?

Дерьмо.

— О чем? — Потому что думал я только о том, как касаюсь ладонью
твоего

подбородка и целую. Держу пари, твой вкус столь же приятен, как и
аромат...

— Об Эли, разумеется.

— О, да, точно. Разумеется, — сказал я, вытряхивая из головы дурацкие
мысли. — Нам

стоит пойти. Ты и я, «Подвал», вечером.

— Ой.

— Если мы хотим, чтоб Эли увидел тебя на свидании с другим парнем,
то нам как

минимум надо куда-то выбраться.

— На свидании?

— Мы знаем, что оно не настоящее, но он-то нет.

Казалось, он задумался, стоит ли вообще что-то предпринимать.

— Окей.

— Уверен, что хочешь?

Он посмотрел на меня своими серо-голубыми глазами.

— Ну, да.

Говорил он не очень убедительно, что по непонятной причине меня
порадовало.

Перед первым появлением на публике у нас в запасе было несколько
часов и, тем не

менее, нам было, над чем поработать. У меня не было уверенности,
кто из нас будет

больше сопротивляться. Обычно мне не составляло особого труда
приблизиться к клиенту

и при этом не задумываться. Эндрю был другим. Я посмотрел на часы.

— Что ж, у нас есть немного времени. Может, нам стоит немного
попрактиковаться?

— Попрактиковаться?

— Да, — я с трудом сглотнул. — Ну, знаешь... нашу историю для публики
о

знакомстве, держаться за руки, типа того.

Он побелел.

– Ой.

– Не такой уж я и мерзкий, – пошутил я лишь наполовину.

Эндрю покраснел.

– А, нет. Определенно нет. – Он поднялся из-за стола и вошел в маленькую кухню.

Прислонился к стойке, скрестил руки, потом выпрямил, словно пытался перебороть

привычку, а затем засунул их в карманы. Прочистил горло и заговорил:

– И что же мы

расскажем людям о знакомстве?

– В прошлые выходные твоя сестра и моя лучшая подруга встретились на свадьбе, –

сказал я.

– Ну, фактически так и было, – растеряно произнес он.

– В точку. Лучше всего придерживаться правды, – объяснил я. – Таким образом, если Эли наткнется на Сару на улице или в магазине и застанет врасплох вопросами, никому не придется врать.

– Не думаю, что он поведется, – тихо проговорил он, – на происходящее между

тобой и мной.

– Почему же?

Он уставился на меня так, словно я упускал очевидное.

– Не начинай сначала свой идиотизм про «посмотри на меня», – с ухмылкой сказал

я. – Разве что тебя смущают татуировки, а Эли в курсе. Ты об этом? – Я показал ему, каким образом можно скрыть чернила. У меня не было татуировок на кистях, шее, груди, да и на спине, если уж на то пошло. Исключительно «рукава». – Я могу надеть рубашку с

длинными рукавами, и он даже не заметит.

Эндрю покачал головой.

– Нет, ничего не меняй, – тихо изрек он. Потом дернул плечом. – Все дело в «ты

стильный, а я нет».

– Ну, да, точно, – сказал я, поднимаясь. – Я просто какой-то парниша с четвертой

страницы «Геи-модники», а ты модель с обложки «Кул».

Он расхохотался и покачал головой.

– Ты меня понял.

– Нет, не понял. Но знаешь что? Все не важно. Если он склонится к

выводу, что

наше пребывание вместе выбивается из всех правил, то мы, по меньшей мере, привлечем

его внимание.

Он задумался.

– Правда.

– Когда мы на людях вместе, и я беру тебя за руку, ты отпихнешь ее?

Он покачал головой и прошептал:

– Нет.

Я чувствовал жар его тела, чувствовал его нервозность. Или, может, это был я? В

любом случае, воздух между нами наэлектризовался. Безусловно, я находился рядом с

другими клиентами – держал за руку, танцевал, даже целовал – но по большому счету это

была игра. Я исполнял роль, ни больше, ни меньше.

Так почему же я нервничал? Может, образно выражаясь, слишком много времени

прошло между двумя рюмками? Может, мне стоило куда-нибудь сходить и оторваться?

И, может, по завершении дела именно этим мне и стоит заняться?

Я не знал, почему Эндрю был иным. Он был интересным, разумеется, умным и мог

меня рассмешить. Сначала я решил, что он просто скромничал по поводу своей работы и

музыкальных талантов, но чем ближе я его узнавал, тем больше убеждался: он вообще не

скромничал. Он не обращал внимания.

Мне пришлось задуматься: что за херня у Эли в голове, если он ушел от него?

Именно тогда я осознал, что он держал меня за руку столь же крепко, как и я. Его

рука не просто мягко покоилась в моей руке. Большой палец бегал по моей ладони, а

остальные стискивали мои пальцы. Было уютно и тепло, но главным образом – очень

приятно.

Я проглотил неожиданно выросший в горле ком.

– А если нам придется танцевать?

Ответ занял у него минуту. Меня интересовало: он замечал статические разряды

между нами, или их было видно только мне?

– О, я не танцую.

– Ладно, справедливо, – сказал я. Меня устроило. Некоторые не любили танцевать, что было вполне нормально. – А если будет громко играть музыка, и мне придется

придвинуться ближе? – спросил я. Голос был сиплым от шепота и попытки вдохнуть

воздуха.

Он быстро моргнул и облизнул нижнюю губу. Наши ладони все еще были

переплетены. Я поймал вторую его руку и развел их в стороны. Медленно наклонился, даже без прикосновений ощущая его тепло, и, проигнорировав великолепный запах, приблизил губы к его уху.

– Так нормально?

Он кивнул, и, почти не сомневаясь, не дышал.

Я отступил назад, чтобы увидеть его лицо, но руки так и не отпустил.

– Если он посмотрит на нас, я могу наклониться и что-нибудь проговорить тебе на

ухо. Но только для привлечения внимания.

Он прокашлялся.

– И это срабатывало с другими парнями?

– Клиентами? – уточнил я. У меня было четкое разделение между парнями, которые

мне нравились, и парнями, с которыми я работал. – Обычно срабатывает, да.

Он протяжно выдохнул.

– О, ладно.

– А поцелую я тебя, только если потребуется «скрепить сделку», – пояснил я. –

Типа пан или пропал. Ему либо будет плевать, либо он намекнет, что не оценил мои

прикосновения к тебе. Но если я все-таки тебя поцелую, ты должен верить: все

происходит только потому, что Эли смотрит и воет сам с собой, подходить или нет.

Просто подыграй.

Он вытаращил глаза.

– Ой.

Я почти расхохотался.

– Нам не нужно практиковать поцелуи, – добавил я. – Если только тебе не хотелось

бы.

Он фыркнул, румянец растекся по щекам.

– А, думаю, я знаком с алгоритмом действий.

– Хотя мне только однажды пришлось целовать клиента. В большинстве случаев

положенная в правильное место рука и шепоток на ухо делают свое дело. Вот так, – сказал

я, выпуская его руку, чтоб положить ладонь на его талию. На его каменную четко

очерченную талию. – Господи, что у тебя под рубашкой?

Он побелел.

– Что?

Я ущипнул его за бок.

– Ты вроде качаешься!

Он подпрыгнул и со смешком схватил меня за руку.

– Эй!

– Ты боишься щекотки? – спросил я, хохоча вместе с ним. – Приятно знать.

Щеки его зарделись, но он все еще улыбался, и опасный настрой между нами исчез.

Я понятия не имел, благодарить или огорчаться, встряхнулся и глубоко вдохнул.

– Окей, вернемся к серьезности.

Он странно посмотрел на меня.

– Каково было целовать того парня?

– Клиента?

Он кивнул.

– Честно говоря, неловко, – признался я. – Мне он не нравится, поэтому прошло не

очень естественно, если ты об этом.

– Он тебе не нравился?

– В смысле, не мой типаж.

Он кивнул.

– Получилось? – спросил он. – Привлекли внимание бывшего?

– Разумеется. Как уже говорилось ранее, я хорош в своем деле.

Он закусил нижнюю губу и отвел взгляд. И, в конце концов, кивнул, словно

мысленно придя к какому-то выводу.

– Если хочешь определить границы, пожалуйста, скажи, – обратился я к нему. –

Если мои поцелуи причинят дискомфорт, ты должен сообщить мне. По большому счету

все зависит от тебя. Ты здесь начальник.

Для ответа ему понадобилось время, и на секунду я забеспокоился, что он

откажется от возможного поцелуя или прикосновения. Я не понимал, почему меня это

парило. Вероятно, из-за того, что был он очень симпатичным и благоухал просто

невероятно, а его губы так и манили впиться в них...

– Все в порядке, – ответил он. Покачал головой и нервно хмыкнул. – Боже, как все странно.

Я с облегчением вздохнул, не переставая улыбаться.

– Только если мы позволяем странности выйти наружу.

Он снова спрятал руки в карманы.

– Ну, чем будем заниматься следующие несколько часов?

Ему было не за чем находиться здесь. Будь на его месте кто-то другой, я бы

распрощался и сказал, что позвоню часов в семь. Я не знал, почему с ним было иначе.

Просто так было. Поэтому вместо того, чтоб сказать ему уйти, я произнес:

– Как насчет того, чтоб послушать еще одну пластинку?

Он выбрал концертную запись Джеффа Бакли, и до меня сразу же дошло: я встрял по полной.

Глава 5

Он растянулся в кресле из ротанга, как кот на солнышке, и слушал виниловую

запись моего любимого альбома. Я же расположился с ноутбуком на диване, пытаюсь

выяснить все возможное об Эли Мастерсоне, но, честно говоря,

просто–напросто

подсматривал за Эндрю.

– Эли работает с восьми до четырех понедельник–пятница? – спросил я, стараясь вернуть

мозг к работе.

– Ш–ш–ш.

Я моргнул. Он, блин, шикнул на меня.

– Реально?

Он ухмыльнулся.

– Тебе нельзя разговаривать, пока играет запись. – Потом слегка склонил голову и

прислушался к пению Джеффа Бакли. – Прояви немного уважения к мужчине.

– О, я уважаю мистера Бакли. – Я швырнул в него подушкой.

Подушку он поймал и, рассмеявшись, съехал немного вниз в кресле из ротанга, сворачиваясь поудобнее и улыбаясь, и, все еще читая обложку альбома, выглядел так, словно его место было именно там. Словно мне хотелось, чтоб его место было там. И

осознание поразило меня.

– Что? – спросил он. – Ты как будто проглотил горькую таблетку.

Я покачал головой.

– Ничего. Нет, все хорошо. – Намереваясь вернуть сердцу нормальный ритм, я снова

посмотрел на экран ноутбука именно в тот момент, когда заиграла «Аллилуйя». И как

всегда вынудила остановиться. Я сделал глубокий вдох и вслушался.

Я бросил взгляд на Эндрю – он улыбался мне.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. Отличная песня. Не уверен насчет «прекрасной»...

– Ш–ш–ш! – ответил я ему.

Он хмыкнул и дождался, пока доиграет песня.

– Да, Эли работает с восьми до четырех, понедельник–пятница.

Точно. Эли. Черт.

– На выходных он занимается спортом? Соккер, футбол, теннис?

Эндрю покачал головой.

– Хм, нет.

– Просто интересно, есть ли еще какие–то места, где мы могли бы нарисоваться, вот и все.

– Я вздохнул. – У него есть любимый продуктовый? Кафе? Книжный?

Парк?

Эндрю выдал несколько часто посещаемых Эли мест, и чем он занят в свободное время.

Насколько я уяснил, они редко что-то делали вместе, и Эли казался довольно скучным.

Сложно объяснить, но чем больше Эндрю рассказывал об Эли, тем меньше я о нем знал.

– Чем вы занимались по воскресеньям? – осведомился я. – Ходили в джаз-бар с

друзьями?

Он медленно покачал головой.

– Нет.

– Почему нет? – любопытствовал я. – Ты же любишь джаз.

– Наверно, так и не собрались, – отозвался он, пожав плечами.

– Думаю, мне стоит поговорить с этим твоим Эли.

Он застыл, улыбка исчезла.

– Зачем?

– Велеть ему очухаться, – в шутку брякнул я, хотя и не шутил. – Это первое место, куда

бы я повел тебя.

Эндрю расхохотался, и щеки окрасились в розовый.

– Господи, я-то решил, ты пойдешь к нему домой или типа того.

– Ну, нет. Я и не планировал. То есть я мог бы, но предпочитаю не вступать в контакт с

целью, спасибо.

– Целью?

– Ага.

– Ты так говоришь, будто у нас секретная операция.

– Так и есть! Кодовые слова и все прочее.

– Кодовые слова?

– Фразы вообще-то, но да, – пояснил я ему. – Типа если бы он подошел к тебе в баре, я бы

сказал: «Подожду снаружи», код для «желаю удачи». Или если цель занимается с другим

чуваком сексом в туалете, я скажу: «Шот текилы за мой счет», код для «игра окончена».

Он скорчил рожицу.

– Ненавижу текилу.

Я поймал себя на том, что улыбался.

– Я тоже. Но ты походу не сечешь фишку.

Эндрю снова зашелся в хохоте, из чего я уяснил, что фишку он как раз таки сек. Он

повертел обложку альбома в руках.

– Как умер Джефф Бакли?

– Э–э... – Внезапная смена темы, но да ладно. – Он утонул. Вышел в Миссисипи при

полном параде, исполнил «Большая–большая любовь» группы «Лед Зеплин» и не

вернулся.

Эндрю моргнул.

– Блин.

– Почему?

– Я не знал, вот и все.

И тут звякнул его телефон. Он достал его из кармана и прочитал то, что высветилось на

экране.

– Это Сара, – сказал он.

Пока он эсэмэсился с сестрой, я снова пробежался по «фейсбуку» Эли, друзьям, семье –

по всему, что могло показаться странным. Ничего необычного. А еще ни одной

совместной фотки с Эндрю. Конечно, он не постил много и часто, но все–таки. Я–то

думал, он хотя бы упоминал, что у него есть бойфренд, не говоря уже о совместном

проживании. Никаких заметок о помолвке. Или расставании. Люди вечно постят о

разрывах в «фейсбуке», чтоб вызвать сочувствие и уведомить список друзей о

возвращении на «рынок». Об Эндрю здесь ничего сказано не было.

Тогда я нашел Эндрю.

Его лента новостей состояла в основном из отметок на мемах и приколах. Было несколько

постов от Сары. Они показались приятными людьми. Никакой религии или политики, ничего оскорбительного. Несколько фотографий с праздников и, прокрутив ниже, я нашел

детский снимок Сары и Эндрю с какого–то семейного торжества. Счастливая семья, даже

идеальная.

Прилив грусти пронзил мою грудь, и я быстро закрыл страницу как раз в тот момент,

когда Эндрю отложил трубку. Чтоб отвлечься, я спросил:

– Все хорошо?

– О, да, – ответил он, закатывая глаза. – Мама пригласила ее на обед в следующем месяце, и Сара предупредила, что если она должна идти, то пойду и я.

– Звучит здорово.

Он хмыкнул.

– Если под «здорово» имеется в виду «адски скучно», тогда ты прав.

Он понятия не имел, насколько приятно звучали слова «семейный обед». Он долго

разглядывал меня, затем положил обложку альбома на проигрыватель.

– Вставай, – произнес он, поднимаясь. – Пойдем.

Я медленно закрыл ноутбук.

– И куда именно мы собираемся?

– Ты купишь мне мой первый альбом Джеффа Бакли.

Я усмехнулся.

– Н-да?

– Да. Если только не хочешь отдать этот. – Он указал на проигрыватель.

– Черта с два. Он мой любимый.

– Так я и думал, – изрек он, двигая в сторону двери, обернулся – я все еще не шевелился –

и хлопнул в ладоши. – Проснись, Спэнсер.

– Хорошо, – сказал я, беря кошелек и ключи. Из холодильника достал две бутылки воды и, выходя за дверь, вручил одну ему. – Ты всегда такой напористый?

Он рассмеялся, маленькие морщинки проявились в уголках глаз, а солнце согрело его

кожу. Он спустился по лестнице и ждал меня внизу. Наверное, не был уверен, в каком

направлении идти. Большим пальцем я указал на намертво запертую дверь салона.

– Снаружи в салон не попасть, поэтому нас придется обойти вокруг, – кивнул я в сторону

угла дома, и мы бок о бок зашагали в удобном темпе.

– Полагаю, где-то поблизости должен быть музыкальный магазин, –

сказал он, как только

мы приблизились к улице.

– Несколько, – ответил я ему. – Ты хочешь компакт-диск или пластинку? Я мог бы просто

скачать его тебе, так даже проще.

– Разумеется, пластинку.

– У тебя есть проигрыватель?

– Нет. Но придется купить. Представляю, как слушаю джаз и блюз с винила. Невероятно.

Я усмехнулся.

– Я создал монстра!

– Нельзя включать классический альбом любителю музыки и рассчитывать, что он не захочет такой же.

Я хмыкнул.

– Правда.

Мы прошли два квартала, не прекращая перебрасываться шуточками. Мы болтали, размахивали руками, что-то объясняя, что мне показалось довольно милым, и, не

сомневаюсь, я не прекращал улыбаться с момента выхода из дома. Мы выкинули пустые

бутылки в мусорную корзину, я провел его по переулку и остановился перед входной

дверью музыкального магазина.

– Пока мы не вошли, ты должен мне пообещать.

Он внезапно стал серьезным.

– Что?

– Это особенное место, а посему, должно оставаться тайной.

– Посему?

– Это слово.

– Им уже лет двести никто не пользуется.

– Не правда. Я только что использовал.

Он хихикнул.

– Ладно, в общем, я не имею права никому рассказывать, что был здесь?

– Нет. Как про Вегас.

– Типа «Все, что происходит в Вегасе, остается в Вегасе»? Seriously?

– Да, серьезно, – кивнул я. – Место слишком крутое, чтоб популяризировать его.

– Разве это не убыточно для бизнеса?

– Возможно. Но тут олдскульная независимость. Мне думается, владелец был серфером, курит травку, начиная с шестидесятых годов, и борется с корпорациями, хотя я и не спрашивал его. В общем, если люди узнают об этом месте, оно станет мейнстримом. И испортится.

Он насупился.

– Тогда это не Вегас. А «Бойцовский клуб».

Я расхохотался и поклонился.

– Что ж, Кузнечик, Термин, которым обычно называют неопытных новичков, ты прошел тест. Можешь войти. – Он просиял, а я со смешком распахнул дверь. Он шагнул внутрь.

– Ничего себе.

Музыкальный магазин воздавал должное семидесятым. Вместо неоновых огней и мерцающих цифровых экранов на стенах висели постеры различных групп и винтажные футболки. И много–много рядов виниловых пластинок.

– Круто, да?

Он медленно кивнул и, все еще глядя на ряды альбомов, спросил:

– С чего мне начать?

– Сюда, – сказал я, проводя его к секции фолка. – Они классифицируются по жанру, потом по алфавиту. – Я нашел секцию «Б». – Вот. Джефф Бакли.

Он просмотрел несколько обложек.

– И какой мне понравится? – осведомился он, больше у себя, чем у меня.

– «Концерт в Сини», – ответил я ему. – Он исполнял каверы на Билли Холидей и Нину Симоне. Ты полюбишь его.

Я пробежался по обложкам, а когда поднял взгляд, он таращился на меня. В смысле мы стояли плечом к плечу, копались в винтажных записях, и он таращился прямо на меня.

– Что?

Он быстро вернулся к пластинкам.

– Ничего. – Он покачал головой. – Можешь посмотреть. Я... поищу

проигрыватель, –

пробормотал он настолько тихо, что я едва разобрал слова. И ушел искать плеер и

вертушки.

Странно. Но я прикинул, что мы не так уж близко знакомы, чтоб можно было определить

странное поведение. Я нашел нужный альбом и вынул из обложки. Винил вроде не был

царапанным, поэтому, улыбнувшись, я спрятал пластинку обратно и прошел к Эндрю.

– Нашел, – сообщил я ему.

– О, классно. Спасибо, – сказал он, явно сосредоточенный на проигрывателях, потому что

на меня не посмотрел. – Какой их этих, как думаешь?

В отличие от моего огромного ящика эти были настольными устройствами. Казалось, он

не мог выбрать между двумя.

– Думаю, черный. У него встроенные динамики, – пояснил я ему. – И он сочетается с

рамками на стене и роялем.

Он улыбнулся.

– Правда.

– А теперь, – проговорил я, озираясь. – Будет справедливо, если ты выберешь альбом для меня.

Он огляделся вокруг и моргнул.

– Ой.

– Не то, чтоб понравилось бы мне, а то, что ты выбрал бы для себя.

Он направился в джаз-секцию, пролистал обложки, корча рожицы от некоторых, хмуясь

от других, а от третьих вообще испытал отвращение. Но потом вытащил запись, прочитал

список композиций и улыбнулся. Поднял, чтоб мне было видно. Он назывался «Джаз на

рояле: Фанк и Фьюжн». Я, мягко говоря, был удивлен.

– Обложка словно к ужасному порнофильму семидесятых.

Он рассмеялся и быстро осмотрелся, не слышал ли кто мои слова.

– Ну, да, обложка не очень, но песни очень даже.

Он передал мне пластинку, я прочитал названия композиций и имена

артистов, о которых

сроду не слышал.

– Ты бы это слушал? – спросил я.

– Определенно.

– «Джаз на рояле: Фанк и Фьюжн»?

Он прыснул.

– Не критикуй, пока не услышал.

Я выдохнул, надувая щеки.

– Окей, ты начальник.

Я понес альбомы к стойке, и стоявший там парень одобрительно кивнул. А его громадный афро даже не шевельнулся.

– Превосходный выбор, – сказал он, глядя на вариант Эндрю.

– Видал? – воскликнул Эндрю, пихнув меня локтем. – Говорил же – отличный альбом.

Я закатил глаза, а потом обратился к парню за стойкой:

– И черный проигрыватель, спасибо.

Эндрю достал кошелек, но я уже передал продавцу свою карту.

– Я оплачу.

– Ты не можешь! – возразил Эндрю.

– Только что смог, – ответил я, хотя понятия не имел, зачем. Но это казалось правильным.

Кассир завершил продажу, вернул мне карту, а я вручил Эндрю записи.
– Можешь

понести, – обратился я к нему, взяв проигрыватель.

Половину пути до моего дома он пребывал в молчании.

– Не верится, что ты это сделал, – сказал он.

– Да ничего особенного, – ответил я.

По непонятной мне причине он поморщился, а когда мы дошли до тату-салона, остановился.

– Спасибо, – сказал он, коснувшись рукой двери. – Это очень мило, и мне не хотелось

показаться неблагодарным.

– Ты и не показался неблагодарным, – успокоил я его. – Больше походило на шок из-за

того, что кто-то что-то для тебя сделал.

Он прикусил губу.

– Никто такого не делал.

– Мне реально нужно пообщаться с этим твоим Эли, – пошутил я. –
Вопиющее
безобразие.

Не произнеся больше ни слова, он толкнул дверь и придержал ее для
меня. Я кивнул ему:

– Спасибо, милостивый государь. – Он закатил глаза.

– Эй, а вот и они, – крикнул Эмилио. Он стоял, склонившись над
стойкой, с ручкой в руке

и что-то вытворял с калькой. Он выпрямился и потянулся. – Чего это
там у вас?

– Проигрыватель, – сказал я. – У Эндрю не было.

Эндрю держал пластинки так, словно они были щитом.

– Спэнсер купил его для меня.

Эмилио засмеялся, а в глазах мелькнуло любопытство, что я
целенаправленно

проигнорировал.

– Что ж, включайте, послушаем, – предложил он.

Я поставил проигрыватель на кофейный столик и вынул шнур.

– Я купил один альбом для Эндрю и один для себя.

– Для меня он выбрал Джеффа Бакли, – рассказал Эндрю, прилагая все
возможные усилия

не нервничать.

Я включил плеер.

– А Эндрю выбрал мне какой-то «Джаз на рояле: Фанк и прочее
дерьмо».

Эндрю сощурился.

– Там не было слова «дерьмо».

– О, я так сказал? Имелось в виду «Джаз на рояле: Фанк и Фьюжн».

Слово «дерьмо»

случайно вырвалось.

Ухмыляясь, Эмилио обратился к Эндрю:

– Ему всегда удастся вывернуться из подобных ситуаций, свалив все
на австралийский

акцент.

Я прыснул.

– Кто бы говорил. Ты весь такой учтивый, когда балаболишь по-
испански сладкую чушь

Даниэле.

Эмилио послал мне самодовольную ухмылочку, а Даниэла прокричала

из дальней

кабинки:

– И это срабатывает. Каждый раз.

Эмилио ответил ей что-то по-испански насчет вечера и всего прочего, что я решил не

проследивать. Но по тому, как Эндрю покрылся румянцем, можно было понять: он

разобрал каждое слово. Он прокашлялся и вручил мне записи. Прикинув, что стоит

проявить вежливость, я выбрал джаз и вытащил винил из обложки, положив на вертушку

и осторожно опустив тонарм.

Зазвучало знакомое потрескивание, затем заиграло фортепианное вступление, что

напомнило мне о старых фильмах времен Рэя Чарльза и забегаловках Нового Орлеана. Я

был заинтригован. Потом вступил контрабас, а далее – что-то похожее на духовые

инструменты.

– Эй, не так уж плохо, – сказал я.

Эндрю выглядел немного самодовольно и жутко мило, поэтому я притворился, будто

крайне заинтересовался обложкой. А когда снова поднял глаза, Эндрю стоял у стойки и

наблюдал, как рисует Эмилио.

Легко было забыть, что они оба художники: один покрытый татуировками и немного

грубоватый, а второй чистюля из Лиги Плюща.

Я должен был догадаться, что у них найдется много общего.

Я оставил музыку играть и присоединился к ним возле стойки. Эндрю просто смотрел, пока Эмилио рисовал волны и солнце, а спустя некоторое время поднял взгляд на него.

– Очень хорошо, – сказал Эндрю.

Эмилио отмахнулся от комплимента.

– Спасибо.

– Эндрю тоже художник, – напомнил я.

Эмилио глянул на Эндрю так, словно тоже об этом позабыл.

– Круто. Что рисуешь?

– Борды с различными персонажами, – объяснил он, словно в этом не

было ничего

выдающегося. Он все никак не мог оторвать глаз от кальки. – Твоя техника рисования невероятная.

– Я всегда рисую от руки, – сказал Эмилио. – На бумаге легче, чем на коже, но иногда для

лучшего эффекта мне приходится рисовать от руки прямо на коже.

– Господи, – прошептал Эндрю. – Я бы никогда не смог.

– Рисовать борды тоже круто, – произнес Эмилио, взял клочок кальки и пихнул ему ручку.

– Покажи, что умеешь.

Эндрю посмотрел на меня, уголки губ опустились. Потом улыбнулся и занес ручку

над листком. Он взмахнул ручкой всего несколько раз и, пока рисовал, забавно надувал

губы, а потом отпихнул листок. Рисунок был очень простым, и в то же время можно было

разобрать, что на нем. Парень плечами и головой походил на мультяшного персонажа, но

у него была стильная прическа, короткая по бокам, и щетина на подбородке. А подтяжки, что были на мне в день нашего знакомства, выдали с головой.

Он нарисовал меня.

Эмилио взорвался хохотом и протянул Эндрю руку для братского пожатия.

Я злобно зыркал на них, симулируя обиду, хотя в действительности было очень здорово.

– О, смотри! Это же парень с четвертой страницы «Модного образа жизни».

Эндрю рассмеялся, придвинул листок и над маленьким пареньком нарисовал слова

«Модный образ жизни», как на журнальной обложке. А ниже приписал «Спэнсер Коэн».

– Вот. Теперь ты на обложке.

Я расхохотался, а Эмилио забрал рисунок, не позволив мне его забрать.

– Отправится на нашу Стену почета. – Он пришпилил его рядом с фотографиями

татуировок.

Именно тогда дверь открылась, вошли две женщины и улыбнулись Эмилио.

– Заканчиваю рисунок, – сообщил он им. – Присаживайтесь. Освобожусь через минуту.

Одна из дамочек начала покачивать головой.

– Классная музыка!

Эндрю хлопнул меня по руке.

– Говорил же.

Я рассмеялся, сказав:

– Пошли. Нам лучше не мешать Эмилио.

– Можешь остаться, если хочешь, – предложила одна из дамочек, просканировав нас с

Эндрю. – Оба можете остаться.

Решив, что сейчас самое время протестировать его на людях на тему публичных

проявлений привязанности, я обнял Эндрю за талию.

– Простите, леди. Нам есть, чем заняться.

Эндрю зарделся и, скорее всего, затаил дыхание, но даже не вздрогнул.

– О, – сказала она, уловив смысл. – Ужасно.

– Для меня – нет, – заявил Эндрю.

Я чуть ли зарыдал от смеха как раз, когда Даниэла появилась откуда-то из-за спины. Она

посмотрела на меня со странной улыбочкой на лице, и пока мы с Эндрю собирали

пластинки и плеер, я заметил, как она вопросительно глянула на Эмилио, что я решил

проигнорировать. И, слава богу, никто ничего не сказал. По крайней мере, перед Эндрю. Я

знал, что позже меня вздрючат.

Эндрю был удивительным человеком. Внешний вид говорил, что он должен быть

порядочным американским мальчиком, хорошо воспитанным, застенчивым и даже

немного занудным. Но его чувство юмора, предпочтения в кино и музыке, ум делали из

него загадку. Он выдавал наименее ожидаемые комментарии и реплики, и я реально начал

задумываться: Эли походу чокнутый дебил, раз ушел от него.

– Нам не туда? – спросил Эндрю, кивнув в сторону дальней части

салона.

Я прошел к входной двери.

– Нет. Мы отправляемся к тебе. На автобусы сюда.

Эндрю пожал плечами, но остался стоять на месте.

– Ну, ты можешь ехать на автобусе, если хочешь, но я за рулем. Моя машина там. – Он

указал на дальнюю часть салона.

Эмилио засмеялся, а я показал ему «фак» и, вздернув подбородок, прошагал мимо Эндрю.

– Тогда туда.

– Пока, мальчики, – сказала Даниэла. – Лола просила передать, что позвонит тебе завтра.

– Спасибо, – ухмыльнулся я и придержал для Эндрю открытую заднюю дверь. – Мог бы и сообщить, что водишь.

Он улыбнулся, выходя на солнышко, и двинул в сторону припаркованного на стоянке за

рядком магазинов «бмв», где мы чуть раньше уже проходили.

– Когда мы шли мимо нее, ты даже не заявил типа: «Эй, вот моя тачка».

Он отпер ее и открыл водительскую дверь.

– Не могу же я выдать все свои секреты за два дня.

– Вождение машины – не секрет. – Я поставил проигрыватель на заднее сиденье и уселся на переднем в его безукоризненно чистой машине.

– Ты никогда не спрашивал про вождение, – сказал он, перемещая рычаг передач в обратном направлении. – Что если Эли спросил бы тебя о моей машине? Ты облажался бы.

– Я бы ответил, что был слишком занят, пока ты трахал меня на заднем сиденье, чтоб обращать внимание на машину.

Он включил передачу и разинул рот.

Я рассмеялся.

– Шучу. Мы ни за что бы там не поместились. Однако могло бы что-то выйти из

«перевернутого ковбоя»... На слэнге так называется поза, при которой один лежит на

спине, а второй находится сверху спиной к партнеру.
Он прищурился, выставил первую передачу и развернул машину.
– Тебе всегда нужно шокировать?
– Иногда. А иногда это просто весело. Как сейчас.
Он покачал головой и вырулил на улицу.
– Было смешно?
– Ага. А еще кое–что поведало без необходимости спрашивать.
– И что же?
– Ты не поправил меня, когда я предположил, что ты был бы сверху, – сказал я, стараясь казаться легкомысленным, хотя мой член отреагировал совсем не легкомысленно.
– Э–э, вето. – Он откашлялся и раздумываясь целой палитрой красного оттенка. – Вето, вето, вето.
Я хохотнул.
– Справедливо. Но могу сказать: сейчас ты это представляешь.
Он зыркнул на меня.
Я указал на дорогу.
– Следи за движением. Господи!
Чем он, к счастью, и занялся.
– Хочешь прокатиться?
Я фыркнул.
– Ни за что. Не та сторона машины, не та сторона дороги.
Он проворчал что–то очень похожее на «долбанные австралийцы», подстраиваясь под движение. Пришлось признать: водителем он был отличным. А машина довольно неплохой.
– Я не сидел за рулем с момента переезда сюда, – признался я.
– Вообще?
– Ага. Либо автобус, либо ногами. Я живу рядом со всеми нужными мне местами. Хотя, если честно, мне этого не хватает.
На какое–то время задумался.
– Я до этого пошутил, но могу притормозить, если ты на самом деле хочешь за руль.
– Нет, – сказал я, улыбаясь. – По мне так лучше не долбать твою тачку на втором свидании.
– Свидании?

– Ну, ты меня понял. Во всех смыслах и мотивах. А если Эли спросит – да. Свидание. –

Казалось, он пребывал в шоке, так что я добавил: – Не паникуй, я не жду, что ты отдашься

мне на втором свидании.

Он покачал головой.

– Ты невыносим.

Я довольно промурлыкал:

– Спасибо. Между прочим, ты отлично справился, когда я обнял тебя.

Круто сыграно.

– Я... не ожидал.

– А я не ожидал твоего заявления дамочкам насчет моей гомосексуальности.

Он проверил зеркало заднего вида и перестроился в другую полосу.

– Да, меня бесят замечания типа «ужасно, что ты гей». – Он нахмурился. – Это

неуважение.

– Да, – согласился я.

– Надеюсь, Эмилио не был против, что я высказал его клиентам.

– Абсолютно нет. Эмилио без всяких угрызений совести ставит на место грубиянов.

– Он очень хорошо рисует от руки, – сказал он. – Меня это поразило. Наверно, я никогда

не считал татуировщиков художниками.

– Разумеется. За исключением того, что его борд – человеческое тело.

Он улыбнулся.

– Зачем мы едем ко мне? – спросил он. – Разве мы не собираемся сегодня на выход?

– Собираемся. Нам нужно настроить твой проигрыватель, потому что ты еще не слышал

Нину Симоне в исполнении Джеффа Бакли.

Он припарковал машину недалеко от дома и секунду не шевелился, словно хотел что-то

сказать, но не был уверен, стоит ли. В конце концов, произнес:

– Звучит здорово.

После этого он немного замкнулся. Словно мы вернулись в день знакомства в кафе.

Господи, это реально было всего два дня назад? Казалось, он выстроил оборонительную

стену, из-за которой его улыбка стала совсем не той, а манера
говорения немного

неестественной. Он опустил проигрыватель на обеденный стол.

– Хочешь включить? – спросил я.

Он вытер ладони о брюки.

– Может, позже. Воды?

– Конечно. – Я улыбнулся ему. Не знаю, почему меня так это парило, и
почему больше

всего я желал исправить то, что сделал неправильно. Он предложил
мне попить, но

выглядел расстроенным. Мне хотелось спросить его, все ли
нормально, но не хотелось, чтоб он заявил: «Сделка окончена». Я не хотел
прекращать проводить с ним время.

Поэтому притворился, что ничего плохого не происходило, и направил
настроение в

безопасное русло.

– Есть фильмы?

Какого хрена я творил? Мозг приказывал уйти. Глупое сердце
говорило глупым ногам

стоять на месте и велело моему глупому рту задавать глупые вопросы.

– Конечно, – крикнул он из кухни. – В тумбочке под телевизором. И
есть «Нетфликс».

Я открыл тумбочку, желая осмотреть его коллекцию фильмов, и
улыбнулся, увидев

первый диск, – «Как приручить дракона». Я вытащил его и поднял,
когда он вернулся в

комнату.

Он искренне улыбнулся.

– Второй тоже есть, – сказал он. – Ты вроде говорил, что видел только
первый.

Я открыл коробку и вставил диск в плеер.

– Этот я видел. Но нам стоит смотреть по порядку.

Он хмыкнул и плюхнулся на диван, выглядя более расслабленным. Что
бы его ни

беспокоило мгновение назад, позабылось, отчего я стал счастливее,
чем, наверно, должен

был. Я взял пульты из аккуратного рядка под огромным плоским
экраном и вручил их

ему, усаживаясь на другой край дивана. Я собирался усесться рядом,

но решил повторно

его не пугать. Он передал мне бутилированную воду.

– Спасибо.

Он понажимал какие-то кнопки, и начался фильм, но потом что-то сделал на своем краю

дивана, который начал медленно опускаться назад, превращаясь в кресло.

– Эй, – сказал я. – Как я это делаю?

Уголки его губ приподнялись как раз в тот момент, когда он отпивал из бутылки.

– Сбоку есть кнопка.

Я нашел кнопку, и медленно начала подниматься опора для ног, а спина автоматически

отклонилась назад.

– О, дружище, мне нужно купить себе такой же.

– Сестра заявляла, что это пустая трата денег. Но лучше решений я в жизни не принимал.

– Понимаю почему. – Господи, было так удобно. – Окей, расскажи мне о том, что ты

рисовал для фильмов.

Он улыбнулся.

– Хорошо.

– Над чем тебе больше нравится работать? – спросил я. – Люди или драконы?

– Драконы.

– Который именно?

– Беззубик.

– Разумеется.

– Проблема?

Я засмеялся.

– Нет. Было бы ошибкой выбрать кого-то другого. Он самый милый, без сомнений.

Эндрю хохотнул.

– Так и есть. Он очень похож на кота.

Некоторое время мы смотрели фильм в тишине.

– В настоящее время работаешь над чем-то? – задал я вопрос. – Хочу посмотреть твои

работы.

Он швырнул мне обложку диска и вздернул бровь, возвращаясь к

фильму. Я таращился на обложку, не совсем врубаясь, в чем прикол. А потом меня осенило. О, Господи.

– Ты рисовал обложку?

– Думал, мне придется ударить тебя ею по голове, – со смешком сказал он. – Да, я работал

над ней. Но работа не только моя. Требуется громадная команда.

Я изумленно покачал головой.

– Ты работал над гребаной обложкой? Офигеть как круто! Ты должен это провозгласить.

Почему ты всем не рассказываешь?

– Потому что я не мудака.

Я фыркнул.

– А я был бы *огромным* мудаком.

Он захохотал.

– В этом городе и без меня достаточно выпендренников и звездных подражателей.

– Знаешь что? – спросил я. – Мне нравится это в тебе.

Его губы дрогнули от пытавшейся вырваться улыбки.

– Спасибо. – Он вернулся взглядом к фильму. – Ты тоже не пытаешься вскарабкаться по

социальной лестнице. Приятно встретить такого человека в этом городе.

Его слова вынудили мое сердце сбиться с ритма, что застало меня врасплох. Типа как при

столкновении с форвардом в матче по регби.

Он смотрел на меня и кусал губу, и я почти мог видеть бегающие мысли в его голове.

Потом он улыбнулся.

– Хочу тебе кое-что показать. – Он спрыгнул с дивана и ждал, пока я нажму на кнопку, чтоб автомат вернулся в исходную позицию. Он выгнул бровь. – Знаешь, можно просто

слезть.

– Ни за что, – возразил я. – У меня до сих пор на заднице шрамы от ботинка Наны. Я

спрыгнул с ее кресла, мне тогда было шесть. С того момента я послушно поднимаю

каждое кресло, в котором сижу.

Он рассмеялся и кивнул в сторону лестницы.

– Пойдем.

Я проследовал за ним, оценивая открывшийся вид на его зад. Он остановился в дверном

проеме, но я мог рассмотреть, что было внутри: его огромная постель размера «кинг–

сайз» с массивным деревянным каркасом, покрывало и одинаковые черно–золотые

подушки, и даже не касаясь их, я знал – они были дорогими. И мягкими.

– Если ты хотел меня в своей спальне, стоило только попросить, – пошутил я.

Только вот я не шутил. Я был бы не прочь провести немного времени в его комнате.

Он прошел к другой двери.

– Вообще–то в шкафу.

– Хочешь меня в гардеробной?

Он с недоумением уставился на меня.

– Где?

Чертовы австрализмы не давали покоя.

– Блин. Шкаф. Гардеробная. Одна фигня. Seriously, тебе необходимо выучить

австралийский, чтоб общаться со мной. Ты реально возьмешь меня в шкафу? – Я пожал

плечами. – Меня извращения не смущают.

Он остановился, касаясь рукой двери.

– У меня нет извращений, – возмутился он. – Ты всегда говоришь только о сексе?

– Не всегда, – признал я. – Еще частично о еде и музыке.

– В каком–то конкретном порядке?

– Нет. Люблю менять местами. Заставлять гадать.

Он закатил глаза и отвернулся к двери.

– Я еще никому этого не показывал, но думаю, ты сможешь оценить.

Я припомнил, насколько он волновался, когда решил мне что–то продемонстрировать, поэтому мне стало любопытно, что же это такое. Он открыл дверь, и с правой стороны

длинного гардеробного шкафа виднелись полки и аккуратно висящая одежда. А слева –

голая стена. Только это была не просто стена. Над моей головой было длинное узкое окно, откуда пробивалось естественное освещение, а стену

покрывали борды. Они явно были

нарисованы им; некоторые черно-белые, некоторые цветные. Одни полностью

завершены, другие были лишь набросками.

– Ого, – прошептал я, сразу же узнал персонажей из просмотренных фильмов и не мог

оторвать от них глаз. – Эндрю, они невероятные.

Он усмехнулся, кажется, почти с облегчением. Он правда считал, что мне не понравится?

– Они довольно классные.

– Классные? – повторил я. – Они потрясающие. Ты потрясающий. Не верится, что ты их

нарисовал! – Смущение вперемешку с капелькой гордости окрасили его щеки. – Почему

они не в гостиной вместе с драконом?

Он посмотрел на них и вздохнул.

– Не знаю. Наверно, не хотел, чтоб работа ежедневно паялилась на меня. Я многогранен, –

тихо сказал он.

– Справедливо, – ответил я. – Понимаю твою точку зрения. Но серьезно? Они

невероятные! Почему хотя бы не на стене в спальне?

Он прыснул.

– Сомневаюсь, что взрослый мужчина оценил бы мультяшных персонажей. – Он

прокашлялся. – Если ты понимаешь меня.

Я хмыкнул.

– Тогда ты точно привел в дом не того парня. – Хотел сделать импровизированное

замечание, но вдруг задумался: – Эли они нравились?

– Да. Но думаю, он радовался, что они были спрятаны. Как я уже говорил, никто их не

видал.

– Я под впечатлением, – я опять глянул на рисунки. – Который твой любимый?

Его лицо засияло.

– Этот. – Он указал на цветной рисунок Марти, зебры с радужным афро из

«Мадагаскара». – Его было весело рисовать. Который нравится тебе?

Я ткнул в одного из двух героев «Кун-фу Панды».

– Мне нравится, что это всего лишь набросок с общими формами тела. Мы можем понять, кто они, но...

– Что но?

– Здорово, что он открыт для интерпретации. Они могут уходить, как бы прощаясь, к нам

спиной или, наоборот, возвращаться. Типа знаешь, только самое начало.

Не дождавшись ответа, я повернулся на него и заметил, что он таратился на меня. Рот его

был открыт, но потом он покачал головой и решил не произносить того, что было на уме.

– В этом вообще есть смысл? – спросил я. – Или я не правильно понял?

Он с трудом сглотнул, глазами приклеившись ко мне, и прошептал:

– Превосходный смысл. Спасибо.

Внезапно воздух в гардеробной стал наэлектризовываться. Я хотел коснуться его, поцеловать его. Господи, мне хотелось попробовать его губы на вкус. Но все было не так.

Я был здесь, чтоб помочь ему вернуть бывшего. Благодаря напоминанию, какого черта

мне тут понадобилось, я глянул в окно и увидел цвет неба.

– Э... – Я сделал вдох, пытаюсь собраться. – Уже поздно. Нам еще нужно поесть, да?

Он отступил на шаг назад и медленно выдохнул. Значит, электричество между нами не

было плодом моего воображения.

– Да.

Я развернулся в сторону развешенной одежды.

– Знаешь, никогда раньше не видел настолько опрятного шкафа. – Даже на полках одежда

лежала совершенно.

Он коснулся висящей рубашки.

– В последнее время у меня было много свободного времени.

О, точно. Эли. Снова вернулись к нему. Я начинал ненавидеть этого парня, а ведь даже в

глаза его не видел.

– Здесь есть его одежда?

Глаза Эндрю слегка сузились.

– Нет.

– Какая жалость. Надеялся, он оставил рубашку или типа того.

– Почему?

– Чтоб я надел ее, – сказал я ему. – Чтоб он мог заметить. Мы же хотим добиться его реакции, так?

– Наверно, – ответил он, вытащил трикотажный жилет в том же стиле, что и надетый на нем свитер, только серо–синий, а не красно–синий. И поднял его на вешалке. – Он купил его мне.

– Еще лучше, – сказал я с улыбкой. – Можно я надену?

Он удивленно моргнул.

– Ладно.

Я приложил его к рубашке.

– Сочетается?

– Хм, не очень–то.

Он был прав. Оттенок синего был другим. Я снял белую рубашку на пуговицах и с длинными рукавами с вешалки.

– Вот что мне подойдет.

Мы были примерно одинакового роста, но совершенно разной комплекции. Я был худощавым, он плотным, а ознакомившись с его прессом, могу сказать – он был в прекрасной форме. Жаль, что он прятался под своим свитером и неважно, каким милашкой в нем выглядел.

Я начал расстегивать рубашку.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Я не могу надеть твою рубашку поверх своей. – Я расстегнул последнюю пуговицу и стянул ее с себя. – Не переживай, я оплачу химчистку.

– Не в том дело, – сказал он и откашлялся. Он пытался не смотреть на меня, но, кажется, не мог себя перебороть. Меня его взгляд не смущал. – У тебя голая грудь.

– Эй, – сказал я, глубоко оскорбившись. – У меня растут волосы на груди. – Я пригладил свой пушок.

Он засмеялся, а покраснел настолько густо, что даже уши порозовели.

– Нет, я о том, что у тебя на груди нет татуировок.

– Не, только «рукава». – Я посмотрел на свои плечи, где заканчивались чернила, и начиналась чистая кожа. – Что? Удивлен?

– Ну, да. Просто предполагал, что они у тебя...езде. – Он до сих пор краснел и пытался не пожирать меня глазами и не улыбаться.

– Еще нет. Может, когда-нибудь. Они вызывают привыкание, но меня пока все устраивает. – Я набросил рубашку и приступил к пуговицам. – Если найду правильную, наверно, сделаю.

Он призадумался, но ничего не произнес.

Покончив с рубашкой, я поднял обе руки.

– Села очень хорошо. У тебя есть вкус в одежде.

Он слегка улыбнулся.

– Спасибо.

Я начал закатывать рукава, но остановился.

– Рукава вверх или вниз? – спросил я. – Хочешь, чтоб он увидел, или нет?

– Решать тебе, – ответил он.

– Нет, решать как раз таки тебе. Твои слова, что он не поверит, что ты можешь встречаться с парнем в татуировках, поэтому я могу их не заворачивать. Без проблем.

Его глаза встретились с моими, и он покачал головой.

– Вверх. Не строй из себя того, кем не являешься.

Я зашелся в хохоте, хотя ничего забавного не было.

– Вообще-то я именно такой и есть. За это мне и платят.

Он отвел взгляд, словно нитки на его одежде были самой увлекательной вещью.

– Да, наверно.

– Но спасибо, – сказал я. – За желание, чтоб я был собой. – Он понятия не имел, что эти простые слова значили для меня.

Он вымученно улыбнулся, потом взялся за низ свитера и стянул его. Затем расстегнул рубашку и, не произнося ни слова, снял и ее. Он перебирал одежду, пытаясь найти

подходящую, прошел к сложенной стопке. Вытащил серую, но не успел ее надеть, прерванный моей репликой:

– Стоп.

Он обернулся:

– Что?

И вот я без единого намека на стыд таращился на его тело. Его идеально накачанные, идеально выраженные грудь и пресс.

– Охереть, Эндрю.

– Ой, – сказал он, и я почти застонал, когда его румянец окрасил шею и грудь. Он

копошился с рубашкой.

– Можешь смело ее не надевать, – предложил я. – Господи.

– Говорил же, что занимаюсь, – произнес он, натягивая рубашку, несмотря на то, что я

почти умолял его этого не делать.

– Да, но про сексуальность ты не упоминал.

Он расхохотался надо мной, пренебрегая всеми комплиментами. Эндрю – пестрая смесь: он был застенчивый и даже немного кроткий, но еще прямолинейный. Обычно я мог

угадать «верх» или «низ», но он совершенно сбивал меня с толку.

– Окей, время личных вопросов, – объявил я.

Он свесил голову на грудь.

– О, нет.

Я улыбнулся такой реакции.

– Помни, ты можешь наложить вето в любое время.

– Грозно звучит, – пробурчал он, но посмотрел на меня с надеждой. А еще с ожиданием и страхом...

– Эли. Он был сверху или ты? – Вообще-то знать такое я не имел никакого права.

Разумеется, этот момент поведал бы мне о динамике их отношений, но ни одного клиента

я раньше не спрашивал о настолько личных вещах. Но с Эндрю... мне нужно было знать.

Мне хотелось знать, каков он в постели.

Сначала он пребывал в шоке – было очевидно – а его одежда снова завораживала. Брови

на секунду нахмурились, и я решил, что он не ответит. Но потом он пожал плечами.

– Все сразу. Хотя было...

Все сразу. Боже, он становился все лучше.

– Хотя было что?

– Нечасто.

Нечасто? Да какого хрена с этим Эли? Что-то явно не сходилось.

– У меня серьезные опасения о психическом состоянии Эли.

Он проигнорировал комментарий, но смотрел прямо мне в глаза.

– Личный вопрос, – повторил он, взял меня за руку и исследовал татуировки, точнее –

провел пальцем по самому большому из четырех дроздов, и мое сердце почти перестало

биться. *К такому «личному» я не был готов.* – Что это значит?

Я проглотил ком в горле, понятия не имея, что отвечать. Понятия не имея, смогу ли. Мои

татуировки, как и у большинства людей, были напоминаниями, знаками отличия из

личного опыта. Да, я мог носить их на коже, показывая всему миру, но их значение было

слишком личным. В конце концов, я покачал головой и прошептал: – Вето.

Глава 6

Для воскресного вечера в баре было довольнолюдно.

После нашего разговора в шкафу Эндрю немного притих. Ирония от меня, конечно

же, не ускользнула. К счастью, он не стал прессовать, а ласково улыбался и слишком

старался исправить мое настроение, примерно так же, как кто-то балует собаку, которую

до этого очень больно пнул.

И здесь ирония от меня не ускользнула.

– Выпить? – спросил он. Я кивнул, он отправился к бару, а мне выпало искать для

нас столик. Вернулся он с двумя бутылками пива и одну вручил мне. – Я задал тебе кучу

вопросов, а про предпочтения в выпивке – нет.

– Подойдет, – сказал я. – Отличный выбор.

Бар заполнялся, становясь все оживленней и громче. Мы болтали о всякой ерунде: где бывали, кем хотели стать в детстве, о самых постыдных моментах, о любимых и

ненавидимых предметах в школе, первой влюбленности, первом поцелуе. После третьей

бутылки мне почти удалось вычеркнуть из памяти, для чего мы сюда завалились. Пока

Эндрю не бросил взгляд за мое плечо, глаза его не округлились, а сам он не побледнел.

Я придвинулся ближе и положил руку ему на талию.

– Эли здесь? – тихо прошептал я ему на ухо и скорее ощутил, чем увидел, его кивок.

– Он нас видел?

Я чувствовал, как опускалась и вздымалась грудь Эндрю, а потом он кивнул.

– Да. Сейчас.

– Хорошо, – произнес я, откидываясь назад и улыбаясь. – Именно этого мы и хотели.

Он посмотрел на меня взором, который я не смог прочесть. Страх?

Неуверенность? Сожаление?

Все еще держа его за руку, я наклонился и зашептал ему на ухо:

– Мечтаю узнать, в каких еще местах тебя окрашивает румянец.

Он загоготал и, как и предполагалось, покраснел. Собственно, это и было моей целью.

– Господи, – пробормотал он, отхлебнув пива.

Я ухмыльнулся. Идеальная реакция. Если уж не для членоголового бывшего

бойфренда, то для меня. Я и не осознавал, что у меня имелся «пунктик» на пунцовеющих парней.

Я не осознавал, что у меня появлялся «пунктик» на Эндрю.

Конечно, мое отношение к нему отличалось от отношения к другим клиентам, но

только из-за того, что мы хорошо ладили. Или я убеждал себя в этом? Я не заморачивался

до тех пор, пока позади нас не нарисовался парень, видеть которого до сих пор мне не

доводилось, и меня как громом шарахнуло...

У меня были чувства к Эндрю.

Я не знал, чего хотел. Но не сомневался в одном: я не хотел, чтоб

Эндрю помирился

с Эли. На самом деле я не хотел, чтоб они даже просто поговорили.

Я провалил свою работу. Ну, вообще-то не совсем правда. Я влиял на свою работу

ради личной выгоды – что еще хуже.

– Что мне делать? – спросил он.

Я собирався сказать ему идти к бару. Дать Эли возможность вступить в контакт. Но

потом Эндрю положит руку мне на грудь... и это прикосновение, это тепло изменили все.

– Мы выжидаем, – прошептал я ему на ухо. Я чувствовал аромат его одеколона, чувствовал жар его тела. Что невероятно будоражило, и мне едва удавалось говорить. –

Мы заставим его ревновать. Заставим понять, от чего он ушел.

Эндрю с придыханием горячо проговорил мне в ухо:

– Он смотрит.

Господи, голова закружилась, сердце загромыхало в груди.

– Хорошо, – пробормотал я. И ведь *было* хорошо. Мне хотелось, чтоб Эли смотрел.

Мне хотелось обвить Эндрю рукой за шею и поцеловать. Черт, мне хотелось целовать его, пока он не забудет свое имя. Мне хотелось сделать даже больше. Я ни капельки не солгал

насчет желания посмотреть, куда спускается его румянец.

– Мы уходим или остаемся? – пролепетал он мне в ухо.

Я не знал. Впервые с момента начала этой халтуры я понятия не имел, что делать. Я

осознавал, что мы должны остаться, осознавал, что обязан спровоцировать контакт для

своего клиента, но не был готов к завершению дела.

Боже, голова была забита совершенно не тем. И рулил ей точно не разум. Я

натурально пребывал не в состоянии мыслить – в чем заключается суть всех шуток про

мужчин-геев – но решение принималось не только членом. Мое глупое сердце

умудрилось рассказать о многом. К сожалению, мой глупый мозг обнаружен не был.

– Пошли отсюда.

Я взял его за руку и повел по бару. Тогда-то и заметил Эли: он ничем

не отличался

от увиденного мною на фотках человека. Сомнений не было – он обратил внимание на

надетый на мне жилет, потому что прищурился и всматривался в Эндрю.

Выйдя на улицу, я прикладывал усилия не лыбиться, а Эндрю вдруг рассмеялся.

– Видел его лицо?

– Да. – Я распахнул дверь ближайшего такси и придержал для него. Он проскользнул на заднее сиденье, а я присоединился к нему.

– Чем теперь займемся? – спросил он. Мне стало интересно: его воодушевление

было спровоцировано достигнутым контактом или из-за того, что отпала причина

изображать свидание, или из-за трех бутылок пива? Но его улыбка была прекрасна.

Я дал таксисту адрес Эндрю.

– Мы отправляемся к тебе постить фотки в твоем «фейсбуке».

Он снова расхохотался. Все лицо засияло, словно он был только что постучавшим в

дверь и давшим деру подростком.

– Ты не шутил, говоря, что мы добьемся от него реакции.

Я согласился.

– Он был в шоке.

– Не думаю, что ему приглянулся мой жилет на тебе.

– Потому-то я его и надел.

Он испустил тихий смешок, а я ждал начала осознания. Обычно за огромным

успехом следовало «что же я натворил?», но с Эндрю этого так и не произошло.

– Мне стоит переживать насчет фотографий, которые ты хочешь выложить на

«фейсбук»? – осведомился он, проходя в гостиную.

– Нет. Я сказал «фейсбук», а не «грайнд7».

7

Приложение для геев и бисексуальных мужчин.

Он захохотал и отправился в кухню. Я заметил все еще не подключенный

проигрыватель, решил, что он нуждался в работе, и склонился над

низким комодом

подключить шнур питания как раз в момент возвращения Эндрю.

В руках он держал два пива и совершенно точно заценивал мою задницу.

–Нравится то, что видишь? – спросил я, вздернув бровь.

Он всучил мне бутылку.

–Заткнись и пей.

Я принял пиво с хохотком.

– Предполагалось, что ты кроткий и вежливый парень. А не нахал, отдающий

приказы заткнуться и пить.

Он отхлебнул пива и, глотая его, улыбнулся.

–Только с людьми, с которыми мне не комфортно.

– Рад слышать. – Мы чокнулись бутылками. – Твое здоровье.

В течение нескольких долгих секунд мы не отводили взгляды, отчего сердце мое

сбивалось с ритма, а пах обожгло теплой волной. Не будь он клиентом, я забрал бы из его

руки бутылку, пихнул на диван и нашел каждую точку на теле, что вынуждала бы его

стонать.

Абсолютно не обращая внимания на порнографические картинки в моей голове, он

плюхнулся на диван и закинул ногу на кофейный столик.

– Пластинка сама не заиграет, – поддел он.

Хмыкнув, я поднял с кресла подушку и швырнул в него.

– Хренов командир.

Подушку он с легкостью поймал и положил на колени. Мне стало любопытно: он

пытался спрятать свое возбуждение, или на грани пребывал только я? Вне всякого

сомнения, мне было известно, что по приходу домой придется взять решение вопроса в

свои руки.

Я опустил винил на вертушку и не смог не улыбнуться наполнившему комнату

знакомому потрескивающему звуку, после чего заиграл Джефф Бакли.

А потом, все еще

стоя лицом к проигрывателю, я указал на свой зад.

– Разглядел, как следует?

Я обернулся – он смотрел в телефон.

– Прости, что? – отрешенно спросил он.

– Ничего, – ответил я, садясь рядом с ним. – Он писал тебе?

– Нет.

– Напишет.

– Ты говоришь очень смело.

– Я хорош в своем деле.

Он несколько раз моргнул и сделал долгий глоток пива. Я отобрал у него телефон, нажал кнопку камеры, обнял себя за плечи его рукой и дирижировал нами, чтоб

выглядели мы как можно непринужденнее и ближе. Я поднял телефон снять сэлфи, но

первая фотка вышла плохой – он не улыбался.

– Тебе позволено улыбаться, – обратился я к нему.

Он улыбнулся, но слишком натянуто. Поэтому я вцепился пальцами в его ребра, а

он подскочил и, почти расплескивая пиво, захохотал.

– Эй! – воскликнул он, игриво отпихивая меня.

Я держал палец на кнопке и повернул голову, пытаясь укунить его за грудь. Он

громко фыркнул, а я защекотал его снова. Мы полулежали, спина моя прижималась к его

грудь. Рука вернулась на мое плечо, ладонь легла мне на грудь. Было очень спокойно, очень естественно. Я снял еще несколько фотографий, на которых лицо его стало

улыбающимся. Беззаботной улыбкой.

– Идеально, – изрек я. Вызвал приложение «фейсбук», и, заметив несколько

уведомлений и сообщений, – которые меня совершенно не касались – протянул ему

телефон. – Хочешь посмотреть?

Он поставил пиво на столик и принял мобильник. Он мог бы с легкостью

использовать руку, что покоилась на моей груди, но ему явно нравилось место ее

пребывания. Я–то точно не возражал.

– М–м–м, – протянул он. – Обычная чушь. – И вернул мне телефон без намека на

колебание.

Я нажал кнопку загрузки и выбрал фото, где видно меня было только от макушки

до глаз, и было оно немного размыто, зато бросалось в глаза, что мы хохотали. А еще

очевидно, что голова моя на его груди, а его рука обвивала мои плечи.

– Эту? – спросил я.

Секунду он разглядывал ее и ответил кивком.

– Что же мы скажем? – поинтересовался я.

– Не знаю, – отозвался он. – Домен–то твой.

Я фыркнул, напечатал «лучший вечер в жизни» и, не давая себе возможности

задуматься, не перебарщивал ли, нажал «отправить».

– Готово.

Он молчал, а я ощущал биение его сердца под моей головой. Он так и не убрал от

меня руку, а я до сих пор не возражал. По прошествии буквально нескольких секунд

полетели первые «лайки». Затем несколько «ЛОЛ», парочка «Эндрю????» и «Привет, Эндрю, кажется, кто–то украл твой телефон».

Эндрю зашелся в хохоте.

– Это Мишель. Мы работаем вместе. – Потом прилетело личное сообщение. – И–и–

и–и–и–и вот и Сара, – вздохнул он. Однако читать не стал, а спустя примерно двадцать

секунд телефон зазвонил. На экране высветилось имя его сестры, и он со стоном принял

вызов. – Привет.

Расслышать можно было только жужжание, точных слов не разобрать. Она,

кажется, задала вопрос: «Он рядом с тобой?».

– Ну, да. Мы можем побеседовать завтра?

Я прилично отпил пива и провел пальцами свободной руки по все еще обнимавшей

меня за плечи руке. Даже смешно, насколько это было естественно, насколько интимно и

совершенно потрясающе. Такой близости у меня не наблюдалось уже довольно давно.

Конечно, у меня случались «однодневки», время от времени бывали

даже «двудневки», но

такое – никогда. Ничего похожего на дуракаваляние воскресным вечером на диване в обнимку.

– Это сделано, чтоб спровоцировать его реакцию, вот и все, – сказал Эндрю. –

Ничего особенного.

Ничего особенного.

Только было все наоборот. По крайней мере, для меня. И только я подумал, что

смог бы привыкнуть находиться рядом с Эндрю, как вдруг вспомнил: он вообще–то уже

был влюблен в другого. И реальность врезалась в сознание, как долбаный грузовик.

А реальность такова: работа все еще требовала выполнения, невзирая на

наслаждение от игры в фейковых бойфрендов. Как же не хотелось ее выполнять. Но он

платил мне, чтоб вернуть бывшего.

Охрененно, мать вашу. Я отпустил его руку, сел прямо и повернулся к нему.

– Могу я поговорить с ней? – тихо спросил я.

Он нахмурился.

– Спэнсер хочет с тобой поговорить, – сообщил он ей. Сестра что–то проговорила, я

не смог разобрать что именно, и он передал мне трубку.

– Привет, Сара, это Спэнсер, – поздоровался я.

– Привет, – неуверенно отозвалась она. – Милое фото.

– О, благодарю.

– Он говорит о тебе, – сказала она.

Ой.

Помни о работе, Спэнсер. Помни, для чего он проводит с тобой время.

Я откашлялся.

– Можно просьбу?

Она молчала, ожидая продолжения.

– Не могла бы ты оставить коммент под фото насчет нашей встречи в следующую

субботу? – попросил я. – Напиши: «Девять часов, бар «Джаз и Блюз».

– Хм, конечно, – коротко ответила она. – Зачем?

– Чтоб увидел Эли. Тебе не обязательно встречаться с нами в баре, если нет

желания. Но мы там будем. – Я смотрел прямо на Эндрю, произнося: – И я гарантирую: Эли тоже там будет.

Некоторое время он удерживал мой взгляд, а потом взял пиво и сделал долгий

глоток.

– Спэнсер? – раздавшийся в ухе голос Сары испугал меня. – Можно вопрос?

– Разумеется.

– Как Эндрю?

– Хорошо, – дал я ответ. – Хотя не то чтоб я реально в курсе.

После длинной паузы она проговорила:

– Х–м–м, наверно.

– В общем, – решил я сменить тему, – он косится на меня. И хотел, чтоб я передал: завтра вечером он с удовольствием приготовит для тебя ужин.

– Ничего я не хотел, – закричал он, пихая меня в плечо.

Я засмеялся и протянул ему трубку. Он быстро протараторил сестре, что ничего ей

готовить не планировал. Потом простонал и закатил глаза.

– Ладно. – Еще немного поворчав, он сбросил звонок и снова толкнул меня. –

Теперь мне придется готовить ей гребаный ужин.

Я захохотал во все горло.

– Всегда пожалуйста.

– Она сказала, ты должен мне помочь.

– Нет, не говорила.

– Говорила, – парировал он, допивая пиво. – Будь здесь в шесть.

Я вытаращил глаза и разинул рот. Без шуток. Как рыба.

– Серьезно?

Он кивнул.

– Минута в минуту. Не фанатею от опозданий.

– Должен заявить: не фанатею от слова «опоздание». Еще меньше фанатею от

готовки.

Он фыркнул.

– Моя мама, вероятно, только что созвонилась с УПБ8 по вопросу покупки

программного обеспечения для распознавания лиц, чтоб выяснить, кто же, черт возьми, со

мной на фото. Так что тебе стоит смириться с такими вещами как готовка и словом

«опоздание».

– Ты реально командир.

Его бровь дерзко взлетела вверх, как бы предлагая: «Желаешь выяснить, каким

командиром я могу быть?». Мой член нетерпеливо кивнул. И на этой ноте стало ясно: мне

стоило уйти, пока не натворил ничего такого, о чем смогу пожалеть. Хорошо, я бы не

пожалел. Я наслаждался бы каждой секундой с ним, что не было бы профессионально

мудрым решением. Я поднялся.

– Ладно, – сказал я. – Лучше я пойду. – Я очень старался игнорировать настоятельную потребность накрыть ладонью свой твердеющий член. Да и его глаза, устремленные на мой пах, тоже не особо помогали.

Он щупал мое тело взором, словно обжигающими раззадоривающими пальцами.

Клянусь, я почувствовал. Когда наши взгляды встретились, глаза его потемнели, а

выглядел он так, точно готовился сожрать меня. Я не нафантазировал. Увидев похоть, я

мог распознать ее. И был чертовски уверен: если б не ушел тогда, прямо в ту самую

секунду, я позволил бы ему. Мне пришлось мысленно убеждать свои глупые ноги

двигаться. Ни одна частичка меня не хотела, но пришлось. Каким-то образом я добрался

до входной двери.

– Позволь вызвать тебе такси. – Я и не знал, что он стоял за спиной.

Вздвогнув, я распахнул дверь.

– Не, все нормально. Прокачусь на автобусе. Здесь прямо по бульвару.

– Точно?

Нет. Но если б мне пришлось прождать приезда такси хотя бы минут пять, нам бы

оно вообще не понадобилось. Я взял бы его прямо на полу в холле. Я тяжело сглотнул.

– Да. Точно.

Игнорируя его близость, кайф от его аромата, свое тело, мечтавшее коснуться его, я
ушел.

Даже вонючий запах в автобусе и ехавшие в нем чудики не послужили
холодным

душем для моего возбуждения. Свет в тату–салоне все еще горел, но,
пренебрегая им, я
отправился наверх.

Швырнув кошелек и ключи на стол и ошеломляюще громко простонав,
я обхватил

ладонью свой член. Спрятанный в узких джинсах стояк напрягся в
районе бедра. Я

сбросил ботинки и расстегнул ширинку, пройдя в ванную комнату,
приспустил джинсы и

трусы, выпуская член на свободу. Обвил его ладонью и несколько раз
потянул.

8

Управление национальной безопасности

Господи, как же хорошо.

Стащил свою рубашку – его рубашку – за низ, снимая жилет вместе с
ней. Долго

выбирался из джинсов и сдернул их вместе с носками. Включил воду в
душе, благодаря

богов горячей воды, что не пришлось долго ждать. Передергивать в
душе было менее

хлопотно.

Я уперся левой рукой в плитку и прислонился лбом к предплечью.
Большую часть

дня я пребывал на взводе, так что финала долго ждать не придется. Я
мог думать лишь об

Эндрю. О выражении его глаз, когда он заметил выпуклость в моих
джинсах... Господи, я

мог представить, как эти глаза смотрят на меня снизу вверх, пока мой
член находится

глубоко в его горле.

Черт.

Я бы поспорил на любую сумму: не прошло и минуты с моего ухода,
как он уже

обнимал себя рукой. Мне стало интересно, как он ублажал себя, понравилось ли ему. Я

вообразил, как он, кончая, откидывал голову назад. Я фантазировал об издаваемых им

звуках, каково будет, если он выстрелит мне в рот или в зад.

И я кончил.

Мне было плевать, что все произошло слишком скоро. И во второй раз, лежа в

постели и мастурбируя на фантазии о том, как я трахаю его, тоже было плевать.

Но мне не было плевать на трепещущую в груди надежду. Я силился погасить ее

реальностью, но, погружаясь в сон, она все еще трепетала.

– Так ты видел бывшего? – спросила Лола. Часы показывали обеденное время

понедельника, и как обычно мы тусовались в тату–салоне Эмилио.

– Ага.

– Он пошел на контакт?

– Нет. Пока нет. Хотя мы определенно привлекли его внимание.

– И когда следующий этап?

– Сегодня я ужинаю у него дома.

– С Эндрю?

– Ну, уж точно не с Эли.

– Вы никуда не идете? – поинтересовалась она. – В какое–нибудь шикарное

местечко? Он кажется любителем всего шикарного.

– Нет. В смысле про него – да, но это просто ужин. Мне придется помогать ему с

готовкой, – признался я. – Присоединится его сестра, так что если она не притащит Эли с

собой, ему без вариантов увидеть нас. – Лола покосилась на меня. Как и Даниэла. Даже

Эмилио улыбался. – Что?

– Не похоже на работу, Спэнсер, – заявила она. – Похоже на свидание.

Я хмыкнул.

– Он клиент!

– Ты со всеми клиентами ужинаешь в понедельник вечером?

– Ну, нет, – ответил я. – Но тут другое. Не знаю. В любом случае по

фиг. Мы

назначили место встречи с бывшим в выходные. В это же самое время неделю спустя все

будет кончено.

Лола не смотрела на меня. Она вглядывалась в меня. Я даже не догадывался, для

чего.

– И как, считаешь, все пройдет?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Что-то с этим бойфрендом не так. Не могу подобрать слов – понятия не

имею, честно говоря. Он кажется приличным парнем, но, думаю, Эндрю будет лучше без

него.

–Мм–мм, – протянула Лола, покровительственно кивнув.

Я понял, что она подразумевала, и мысленно отметил: поработать над своей

«маской». А вместо того, чтоб начать отрицать, показал ей средний палец.

– Заткнись.

Она расхохоталась и отпила кофе.

– В общем, я собиралась тебе позвонить, но решила, что лучше ты раскошелишься

на кофе. Мне нужна помощь завтра и в среду. У меня двухдневная фотосессия.

Лола довольно часто занималась макияжем на фотосессиях, а я помогал ей с

барахлом.

– Без проблем. При условии, что ты завязываешь намекать на меня и Эндрю.

Она улыбнулась.

– Не могу обещать.

Я закатил глаза.

– Во сколько?

– Заберу тебя в семь.

Ровно в шесть часов я стоял на крыльце дома Эндрю. Постучал, подождал –

никакой реакции. Телефон пискнул сообщением от него.

«Задерживаюсь. Буду через пять минут. Прости».

Я ответил: *«Опоздание так тебе не к лицу. Думал, ты не любитель».*

Не прошло и десять секунд, как запела моя мобила. Звонил Эндрю.

– Я за рулем и не должен был писать тебе. Стоило позвонить. Ты
злишься? Сказал

же – прости.

Казалось, он искренне беспокоился.

– Что? Нет. Я просто стебался.

– Ой.

– Ты же не едешь, пока болтаешь по телефону? – уточил я. – Не менее
опасно, чем

эсэмэс.

– У меня «блютуз».

– Ой. В твоей машине кто-то есть?

– Нет, а что?

– Какая жалость. Хотел ляпнуть что-нибудь сексуально-неуместное,
чтоб смутить

тебя, вот и все.

Его смех удивил меня.

– Прости, что разочаровал.

– Переживу. – Я перевел дыхание и понял, чтоб улыбался. – Походу,
твоя соседка

считает меня извращенцем.

– Почему?

– Входя в здание, она пригвоздила меня осуждающим взглядом и
реально быстро

захлопнула за собой дверь, типа я попытаюсь вломиться. Я ей
улыбнулся,

проинформировал, что жду тебя, а она радостно сообщила, что в
сумочке у нее газовый

баллончик.

– Господи.

Я рассмеялся.

– Мне стало страшно, что придется применять кун-фу.

– Ты знаешь кун-фу?

– Нет. Потому и стало страшно.

Он расхохотался.

– Похоже на Констанцию. Ее квартира прямо надо мной. Могу
поговорить с ней.

– Не надо, все хорошо. Девушка живет в ЛА одна. Она и должна подозрительно

относиться к незнакомцу, что тусуется возле входа в ее жилище, и готовиться причинить

невыносимую боль при первых проявлениях странности.

Он хихикнул.

– Ты не очаровал ее?

– Попробовал. Но должно быть моя эффектная улыбка срывается только с парнями.

– Может, дело в бороде?

Я ахнул, симулируя обиду.

– Ужас! Я люблю свою бороду, – сказал я, автоматически коснувшись бакенбардов.

– Тебе идет.

– Ты в курсе, сколько требуется времени, чтоб она росла правильно? – спросил я. –

Очень маленькая лазейка для совершенства. Три дня – максимум. Граница между

чрезмерно длинной и чрезмерно короткой довольно тонкая, друг мой. Говорю тебе, ты не

понимаешь, насколько облегчаешь себе жизнь бритьем. Хотя не думаю, что борода тебе

пойдет. Разве что небольшая щетина на выходных.

– Только на выходных?

– Да, решил, что на работе тебе не стоит носить растительность на лице, – пояснил я

ему. – Но я полностью за щетину на выходных.

– Неужели? – поинтересовался он. Сомнений не было: он улыбнулся. Он что, больше

не ехал? Это хлопнула дверь машины?

– Эй, ты где-то тормознул?

– Может быть.

– Может быть? Тут либо да, либо нет. Дай угадаю: ты покупаешь в магазине

продукты для роскошного блюда, которое я не смогу приготовить, и твоя сестра

превратится в Гордона Рамзи9.

На другом конце линии повисла тишина, и, обернувшись, я увидел, что он стоял на

тротуаре и разглядывал меня. Трубка возле уха, глупая улыбка на лице, в руках – пакет с едой на вынос.

Хотя он мог прекрасно меня слышать, я все равно сказал в телефон:

– Ты абсолютный обманщик.

Он сбросил звонок.

– Да, я такой, – ответил он, подходя ко мне и вручая теплый пакет, и вставил ключ в

замочную скважину. – Я не готовлю.

– Вообще?

– Если могу избежать.

9

Знаменитый британский шеф–повар. В России известен в основном благодаря «Адской кухне».

– Справедливо, – произнес я, следуя за ним внутрь. Выглядел он хорошо, даже

отлично: серые брюки, светло–голубая рубашка на пуговицах с закатанными до локтей

рукавами, обычный черный вязаный жилет. И меня поймали за разглядыванием его

задницы.

От комментариев он воздержался, но, забирая пакет, улыбнулся.

– Итальянская подойдет?

– Вполне.

Он загрузил еду в духовку подогреться, потом достал тарелки и прочую ерунду из

шкафов.

– Хотел заказать вьетнамскую, – сообщил он. – Недалеко отсюда неплохой

ресторанчик, там превосходно готовят курицу в манговом соусе. Короче, я заранее

позвонил и пояснил, что для заказа мне нужен список ингредиентов, рассказал про

аллергию на моллюсков. Она пыталась мне втереть что–то о меню, а я продолжал

повторять: «Нет, полный список ингредиентов, включая составляющие соусов». В общем, после двадцатиминутной перепалки, она отказалась. Начала орать на меня по–вьетнамски.

Поэтому я ответил, что мне плевать, насколько хорош ее гой га10, и

предложил запихнуть

его подальше.

Я не мог поверить.

– Правда?

– Правда, – ответил он, потом прекратил свое занятие и уставился на меня. – А что?

Не стоило?

У меня вырвался смешок.

– Нет, мне нравится. Просто для меня никто такого не делал.

– Как так? – удивился он. По-видимому, вопрос был риторическим: времени на

ответ он мне не предоставил. – Мне важнее, чтоб ты не рухнул в моей гостиной замертво

от анафилактического шока, спасибо.

Я усмехнулся.

– Да, мне тоже.

Он сунул мне упаковку салфеток и махнул рукой на тарелки и столовые приборы, словно я выиграл их в лотерею.

– Сегодняшний конкурсант сервирует стол, а я пока схожу наверх переодеться.

Я все еще похохатывал, когда он вернулся, одетый в джинсы и футболку –

формальнее наряда у него мне еще видеть не доводилось. И все равно умудрился

смотреться сногшибательно. Мне нравились его ботанские свитера, но они прятали его

тело. И без шуток, у него было охереть какое тело.

– Так нормально? – он осмотрел себя сверху вниз. – Просто подумал...

Вот опять – неуверенность в себе.

– Классно выглядишь. Я восхищался видом, вот и все.

Он покачал головой, словно высказывание было нелепым. Полностью меня

игнорируя, он вошел в кухню и вернулся с бутылкой вина и тремя бокалами.

– Пьешь мерло?

– Конечно, – ответил я, приняв из его рук бокалы и поставив на стол. –

Во сколько

придет Сара?

Вьетнамский салат из курицы и капусты

И тут раздался стук в дверь.

Эндрю пожал плечами.

– О, в любую секунду.

Я рассмеялся и все еще улыбался, когда Эндрю открыл дверь.

Вернулись они

вдвоем, а меня поразило, сколько же между ними было общего.

Глазами они вели между

собой диалог, будто она на что-то намекала, а он приказывал ей заткнуться.

– Спэнсер, – тепло поприветствовала она меня. – Рада снова тебя видеть.

– Взаимно, – откликнулся я. И по неизвестно причине занервничал. Обычно я ловко

работал в любом месте, независимо от уровня комфорта. Но здесь было иначе, а в голове

занозой сидели слова Лолы «похоже на свидание». Я вытер ладони о бедра и силился

подобрать слова.

К счастью, первым заговорил Эндрю.

– Спэнсер пытался убедить меня сказать, что это он приготовил ужин, а не я купил

еду на вынос.

Мой рот распахнулся.

– Не правда! – Эндрю захохотал, проходя мимо меня в кухню. Я пихнул его в

плечо. – Врун.

Сара со смехом проговорила:

– Не переживай, Спэнсер, я в курсе, что на этой кухне не готовят.

– То есть он печально известен своей кулинарией?

– О, да, – кивнула она. – Дело не в том, что он *не будет* готовить. А в том, что он *не*

может готовить. Не сомневаюсь, он бы и воду сжег.

– Вы же знаете, что я слышу? – крикнул он. – Теперь тащитесь сюда и помогите.

– Он всегда командует? – осведомился я у Сары.

Она закатила глаза.

– Всегда.

– Ага, все еще слышу, – сказал он, а я, входя в кухню, ухмыльнулся.

Он вытащил

блюда из духовки и поставил на стойку, а мне бросил кухонное полотенце. – Горячо, будь

аккуратней.

Я фыркнул.

– Ты типа просишь меня отнести еду на стол?

– Это меньшее, что ты можешь сделать, учитывая, сколько часов я тут горбатился, –

выдал он, даже не задумавшись

Я хмыкнул и потащил выносные контейнеры на стол. Сара смотрела на нас с

такими же надутыми губами с приподнятыми уголками, что бывали у Лолы, когда она

сдерживала смех. Опять они глазами вели безмолвный диалог, а я притворился, что не

заметил.

Именно в такой атмосфере ужин и прошел: комфорта, веселья, бесконечной

трескотни. Сара мне понравилась. Как и ее брат, она была умной и образованной. Болтали

они обо всем – от мировых проблем до реалити-шоу. А кое-что я нашел по-настоящему

необычным – ни разу не всплыло имя Эли.

Не знаю почему, но я ожидал, что о нем мы в основном и станем говорить. В конце

концов, именно из-за него мы и собрались вместе. Но нет. Ни разу. Не то чтоб меня не

устраивало. По мне так о нем вообще не стоило вспоминать. Довольно много времени

истрачено на прикидки, в какие моменты Эндрю тосковал по нему сильнее всего... Лежал

ли он в постели, сожалея, что его нет рядом? Скучал ли он по звуку спускающихся по

лестнице ног по утрам? Скучал ли он по обнимающим его рукам? Он вообще скучал по

нему? Потому что чем ближе я узнавал Эндрю, тем больше гадал, зачем ему Эли.

Обычно, когда я брался за работу, в жизни моих клиентов зияла дыра, где раньше

находились их партнеры и которую они пытались заполнить. Но Эндрю казался таким

цельным. Он ставил в тупик, совершенно точно.

– Спэнсер?

Черт. Должно быть, Эндрю о чем-то спрашивал.

– А? Прости, я улетел за много километров отсюда.

Эндрю окинул меня оценивающим взглядом.

– Сара поинтересовалась проигрывателем. Я ответил ей, чтоб задавала вопросы

парню, купившему его.

Ой.

– О, конечно. Хочешь, включу альбом? – предложил я. Радуюсь возможности

отвлечься, я поднялся, положил пластинку на вертушку, опустил тонаrm, и вскоре для нас

троих запел Джефф Бакли. Я уселся обратно и глотнул вина, понятия не имея, что

пропустил в беседе.

Сара склонила голову, вслушиваясь в музыку.

– Чудесно.

Эндрю поставил бокал на стол и, извинившись, вышел, по моему предположению в

ванную комнату. Он стрельнул в сестру взглядом из разряда «веди себя прилично», и вот мы

с Сарой остались вдвоем. Я знал, что она устроит допрос, и мне не хотелось растягивать

ожидание.

– Ну, – начала она, – должна сказать: меня поразило, что ты купил ему проигрыватель.

Она произнесла фразу утвердительно, но это явно был вопрос. На самом деле она

спрашивала: *«Зачем ты купил ему проигрыватель? Ты всем клиентам покупаешь*

проигрыватели?». Я улыбнулся ей и отхлебнул вина.

– Я удивлен, что у него его не было.

– Ты уже провел с ним немного времени, – сказала она, абсолютно точно

допытываясь в невопросительной манере.

– Да. Он хороший парень.

– Просто хороший?
Я прокашлялся и сменил направление разговора.
– Расскажешь мне об Эли?
Она откинулась на спинку стула и взяла бокал со стола.
– Эли... нормальный парень.
– Но?
– Но он не пара ему. – Она нахмурилась от собственных слов. – Не знаю. Они не подходили друг другу. Так странно. У них не было ничего общего, а когда Эндрю рассказал, что они обсуждают свадьбу, – она наклонилась и зашептала, – я почти умерла.
– Чья была идея нанять меня?
– Моя, – изрекла она. – Просто хотела, чтоб он был счастлив. А если Эли делает его счастливым, тогда именно этого я и хочу.
– Эли делал его счастливым?
Ответить она не успела – вернулся Эндрю. Настороженно нас осмотрел, совершенно точно понимая, что являлся объектом нашей беседы.
– Все хорошо?
– Да, – ответила Сара. – Мы со Спэнсером спорили, кто будет убирать. Он проиграл, так что придется ему.
Я покатился со смеху.
– Ну, я не проигрывал, но уберусь. – Я сложил друг в друга пустые контейнеры и начал собирать тарелки. – Вас вполне можно представить детьми. Эндрю забрал у меня тарелку.
– Ты не обязан ничего убирать, – сказал он. – А детство наше было обычным. После того, как до Сары дошло, что в спорах со мной она не победит, мы великолепно уживались.
– Расскажи нам о своем детстве, – попросила Сара. – Каково взрослеть в Австралии?
Раздался глухой стук. Уверен, это Эндрю пнул Сару под столом. Он с осмотрительностью относился к вопросам о моей семье, правильно

расшифровав

наложенное мной на днях вето.

– Мое детство было отличным, – заявил я, глядя на него. Он наверняка расслышал

недосказанность про не очень-то приятные подростковые годы. – На самом деле детство

мое было очень хорошим. Вырос я в Сиднее, и мы гоняли на великах до футбольных

полей, в магазинчик на углу, что-то вроде того.

Сара очень хитро и отчасти естественно сменила тему.

– Тебя постоянно терроризирую вопросами об акценте?

Я кивнул.

– Постоянно. И могу сказать: просить меня произнести «подбросим креветок на

барби11» – равно лишиться зубов.

Они оба расхохотались.

– Люди просят тебя это говорить? – поинтересовался Эндрю.

– Ты не поверишь. Хотя друзья уже привыкли, но поначалу лопались от смеха из-за

моих фразочек.

Эндрю улыбнулся.

– Например?

Я поведал им забавные истории, как австралийцы называют заправки и полуденное

время, цыпленка и солнечные очки, а еще в чем разница между «дружище» и

«дружииииище». И все это время Сара, откинувшись на спинку стула, наблюдала за

нами. Вернее в основном за Эндрю. А вскоре посмотрела на часы и поднялась.

– Я и не знала, что уже так поздно, – обронила она.

– Еще даже девяти нет, – возразил Эндрю.

– Ну, да. – Она подхватила пальто и сумочку. – Я лучше пойду. Оставлю вас, парни, убираться.

– Ага, спасибо, – пробурчал Эндрю. Бросив салфетку на стол, он, как и я, встал.

Она поцеловала брата в щеку.

– Позвоню тебе завтра. – Потом взглянула на меня. – Ответ на твой вопрос – нет. Я

думала так, но нет. Спэнсер, было приятно повидаться. – И, улыбнувшись, ушла.

Ха. Странно.

11

Барбекю

– О чем это она? – любопытствовал Эндрю, таращась на дверь, в которую только

что вышла Сара. – Ответ на какой вопрос?

– Хм. – Я снова уселся и попытался восстановить в памяти, о чем же именно

спрашивал. – Не могу вспомнить.

Мы говорили об Эли... Ой. Точно. *«Эли делал его счастливым?»*.

Ее ответ: *«Я думала так, но нет»*.

– Речь шла о проигрывателе, – солгал я. – Решил узнать, не хочет ли она такой же.

По взгляду Эндрю я просек, что он просек мой блеф. Господи, я изо всех сил

старался хитрить. Обычно лживые утверждения легко скатывались с языка. Я провел

большую часть подростковых лет, скрывая свою сущность, а теперь будучи бойфрендом

по вызову именно этим зарабатывал на жизнь.

– Ты ни хрена не умеешь врать, – выдал он, поднимая стопку тарелок.

– Ш–ш–ш, – приструнил я его, как только Джефф Бакли запел «Аллилуйя», и

глубоко вдохнул, словно вбирая музыку в себя. – Это моя любимая песня.

Он скорчил рожицу, остановился показать мне язык и унес грязные тарелки. Я

помог ему разложить их в посудомоечной машине и навести порядок, и в мгновение ока

все вернулось к совершенству.

– В какое время вы начинаете с Лолой? – спросил он, когда мы покончили с кухней.

Я просветил его, что иногда по мере надобности помогаю ей, в основном таская коробки и

сумки или просто–напросто являясь дополнительной парой рук. Работа никогда особо не

захватывала, но мне нравилось проводить время с Лолой.

– В семь, так что мне скоро нужно будет идти. – На самом деле уходить мне не

хотелось, но причины остаться я так и не придумал. Точнее причины, по которой он мог

бы желать моего дальнейшего присутствия здесь. Я снял пластинку с вертушки и вернул в

обложку. А потом понял, что рядом стоял рояль, весь такой беспризорный и давно не

пользуемый, и мне невероятно загорелось послушать. – Сыграешь что-нибудь на рояле?

Он стрельнул в меня широко распахнутыми от шока глазами, словно я попросил его

переспать со мной.

– Эм...

– Ты не обязан, – сказал я, давая ему возможность соскочить.

– Уверен?

Я хмыкнул.

– Разумеется, уверен. – Вообще-то, я мало в чем бывал уверен. Но в том, что хотел

услышать его игру на рояле – определенно «да».

– Что сыграть?

– Первое, что придет в голову.

Он пару раз моргнул, все еще сомневаясь, и прошел к роялю. Медленно уселся и

опустил пальцы на клавиши. И, не проронив больше ни единого слова, глубоко вдохнул и

начал играть.

Приятную композицию с невозмутимым идеально рассчитанным изяществом.

Никогда не слышал ничего подобного.

Я не знал названия мелодии, кто ее написал, сочинил – ничего. Но от нее

перехватывало дыхание. Правда, случилось это не только из-за музыки. А еще и из-за

мужчины, благодаря которому из рояля доносились голоса ангелов. *От него*

перехватывало дыхание, от движений рук, от прикрытых глаз и от того, как он затерялся в

музыке, как выживал звуки из рояля всем своим телом. А когда его

руки упали на

колени, и последняя нота повисла в воздухе, мне было не подобрать слов.

Эндрю взглянул на меня, потом вернулся глазами к роялю и выдохнул, надувая

щеки.

Я проглотил свои эмоции, бабочек, что порхали в груди. Он ждал моей реакции, поэтому я прошептал чистейшую правду.

– Никогда не видел ничего прекраснее.

Он послал мне скромную улыбку.

– Ты хотел сказать «слышал»?

– А разве я не так сказал? – растерянно спросил я. Сердце все еще барабанило, как

вышедший из строя метроном. *Я был уверен, что произнес «слышал».*

Эндрю покачал головой и улыбнулся, глядя на руки.

– Лучше, чем «Аллилуйя» Джеффа Бакли?

Я рассмеялся, смутившись своей реакции на него.

– Эндрю, было невероятно. Что это за мелодия?

– Так, написанная мной ерунда.

Я фыркнул.

– Прикалываешься? Тобой написанная?

Он кивнул.

– Написанная мной ерунда, – спародировал я его голос. – Нет, список покупок –

написанная тобой ерунда, а это..., – я махнул рукой на рояль, – боже мой, Эндрю, было

так... невероятно. – Других слов просто не нашлось.

Он улыбнулся с заметным облегчением и, наверно, даже с капелькой гордости.

– Спасибо.

Мне пришлось сдержать желание подойти и коснуться его. Обхватить руками его

лицо и поцеловать. Взять за руку и отвести наверх в постель. Я хотел. Господи, как же я хотел.

И знал, что был не в своем уме.

Где-то каким-то образом я позволил себе пересечь границу. И не просто шагнул за

нее. О, нет. Я пересек эту самую границу как Усэйн Болт¹². Но, не

позволяя положить

всему конец, не позволяя сдать назад и выполнять свою работу, мое
глупое сердце
заговорило раньше моего глупого мозга.

Сыграй снова.

12

Ямайский легкоатлет, специализировался в беге на короткие
дистанции, 8–кратный олимпийский
чемпион и 11–кратный чемпион мира.

Глава 7

Лола подъехала к входу в салон, и я запрыгнул на пассажирское
сиденье, не дав

автомобилю сзади шанса посигналить. Она гнала крошечную «хонду»
восьмидесятых

годов, – метко прозванную «Синди Кроуфорд» в честь любимой
модели Лолы из

восьмидесятых – как демона, по утренним пробкам. И стоило отдать
ей должное: она

проехала целых два квартала и только потом пристала с вопросами.

– Как прошел ужин?

– Хорошо.

Она перевела взгляд с дороги на меня.

– Просто хорошо?

Я старался не улыбаться и лажанулся.

– Ладно, лучше, чем хорошо. Лола, он играл мне на рояле.

– Это эвфемизм для чего–то развратного?

Я рассмеялся.

– Нет. В прямом смысле играл на рояле. Просто невероятно.

– Сара все еще была там?

– Нет, только я.

– О, неужели?

– Заткнись. Все было не так. Я попросил его сыграть, он и сыграл. То
есть у него в

гостиной стоит огромный рояль. Не я же купил его, чтоб он мог
играть.

– Как купил проигрыватель?

Я послал ей свой лучший взгляд из разряда «завали», который только

смог

изобразить.

– Это иное.

– Мм–мм. – Она издала одобрителный звук, вовсе не походящий на одобрение.

– У всех должен быть проигрыватель и хотя бы один альбом Джеффа Бакли, –

пояснил я. – Уверен, это писаное правило.

Она расхохоталась.

– Что он тебе сыграл?

– Сказал, написанное им самим. Знаешь, типа как мы пишем эсэмэски, он пишет

музыку.

– Он хоть что–то не умеет?

– Видимо, готовить. В этом плане у него руки из одного места.

Лола рассмеялась.

– О, хорошо. На секунду мне показалось, что он – само совершенство.

Я закатил глаза.

– Однако заказывает он отличные блюда. Вчера была паста с телятиной.

Несколько раз она бросала на меня взгляд, словно пыталась прикинуть, как точнее

выразиться или что–то в том же духе, и при нормальных обстоятельствах я бы велел ей

выложить все начистоту. Но я абсолютно не сомневался, что не хотел слушать связанную

с Эндрю речь, поэтому сменил тему.

– И куда же мы направляемся?

– В центр, – ответила она. – Съемка будет в метро.

– Круто.

До окончания дня тему Эндрю она больше не поднимала. Само собой, она

занималась превращением красивых людей в необыкновенно красивых, а я занимался

выполнением ее просьб. А темы наших разговоров вращались вокруг других вещей, что

было просто прекрасно. Продолжалось так до тех пор, пока мы не забрались в «Синди

Кроуфорд» и не двинули в сторону дома. И я решил проверить

телефон. Водила она как

чокнутая слепая женщина, так что иногда лучшим выходом было не смотреть не дорогу.

– Ждешь сообщения от кого-то конкретного? – спросила она.

– Я писал ему, – отозвался я. – Просто смотрю, вдруг он ответил.

Ответа не было.

– Намечается еще одно свидание за ужином?

– Все не так.

– Мм-мм. – Опять саркастичный звук типа «разумеется, нет».

– Я интересовался, выходил ли Эли на связь, – признался я. – Мы загрузили фото на

«фейсбук», а его сестра оставила коммент с местом и временем субботней встречи. Всего

лишь стало любопытно, заглотив ли Эли наживку, вот и все.

– Да все в порядке, Спэнс, – сказала она. – Тебе не нужно передо мной оправдываться.

– Знаю. Я и не оправдывался. – Но было все с точностью до наоборот, и мы оба это

понимали. Мне хотелось рассказать ей, что я испытывал трудности в работе. Мне

хотелось рассказать ей обо всех прелестях и ужасах, и страхах и великолепии. Но

промолчал. Суровая реальность: моя работа с Эндрю завершится через пять дней. Придет

утро воскресенья, и мы выясним, хочет ли Эли вернуться. Парень будет полнейшим

кретином, если нет. – Не могла бы ты смотреть на дорогу, а не на меня? Я не в настроении

сегодня умирать.

Лола нахмурилась, и тут мой мобильник звякнул сообщением от Эндрю. А мое

сердце споткнулось о собственные ноги. Нелепица какая. «Прости, занят весь день.

Только что закончил работать и увидел твое сообщение. От Эли тоже весточку

получил. Что мне делать?».

Мое глупое сердце больше не спотыкалось – оно замерло. Господи, какая дурость.

«Что он сказал?».

«Хотел поздороваться. Узнать, как я. Увидел фотку, хотел уточнить, реальная ли она».

– Что там? – осведомилась Лола. Вместо дороги смотрела она на меня, в глазах

застыло волнение.

– Ничего, – солгал я. – Это Эндрю. Говорит, Эли выходил на связь. Он увидел фото.

– Это хорошо? – медленно и явно неуверенно задала она вопрос.

Я кивнул.

– Да. Этого хочет Эндрю.

Лола переметнулась от неуверенности к тревоге.

– Спэнсер?

– Нет, все хорошо. Именно поэтому я и предложил снять фотки и выложить на

«фейсбук», – отчеканил я, глядя в телефон. Потом послал эсэмэс Эндрю, советуя ему

сделать то, чего я больше всего боялся. *«Напиши ему. Скажи, что не уверен, как со мной*

обстоят дела. Скажи, все зависит от того, сколько времени на отдых ему требуется.

На такое он должен среагировать».

Глубоко вдохнув, я вырубил телефон. Подняв глаза, я осознал, что мы стояли через

дорогу от тату-салона. Черт. Я резво отстегнул ремень и открыл дверь.

– Спэнсер, – начала Лола.

Я вышел и наклонился, чтоб сказать через дверцу:

– Увидимся завтра в семь. Я принесу кофе. – Я закрыл дверь и похлопал «Синди

Кроуфорд» по крыше.

Машина сзади посигналила, и Лола, вскинув «фак», с молниеносной скоростью

унеслась в поток автомобилей. Я хохотнул и рискнул пересечь улицу в час-пик.

В среду утром я забрался в «Синди Кроуфорд» ровно в семь. В руках держал лоток

с кофе для Лолы и чаем для себя. Я выждал, пока мы проедем пробки, и станет

безопаснее, и только потом вручил ей стаканчик.

– Вчера ты не ответил на мои сообщения, – сказала она.

– Извини, – пробормотал я. – Телефон был выключен.

– Спэнсер, мы можем это обсудить?

Я покачал головой.

– Я в норме. Пожалуйста, следи за дорогой.

– Не соскакивай с темы. Ты не можешь постоянно избегать подобного дерьма.

– Могу. Я занимался этим годами. Работает отлично.

– Тебе позволено иметь чувства, Спэнсер.

– Знаю.

– Знаешь?

– Мне казалось, мы об этом не говорим, – произнес я, глядя в окно.

– Еще один вопрос, и я оставлю тебя в покое. – Независимо от моего желания, вопрос все равно бы прозвучал, так что смысла спорить не было.

– Эндрю ответил?

– Без понятия. Телефон был выключен.

– Ты вообще его не проверял?

Все еще смотря в окно, я покачал головой. Больше она не добавила ни слова, но ее вздох на сто процентов означал «о, Спэнсер».

Я помог ей дотащить коробки и сумки на колесиках с прибабасами для макияжа до места фотосессии. Лола на пару с другими визажистами занялась моделями, а я старался не путаться под ногами. Обычно, пособничая в подобных мероприятиях, я стрелял телефончик и мутил себе «однодневку». Но сегодня симпатичные мальчики меня не интересовали, а к десяти утра мобила начала прожигать дыру в кармане.

Точнее вопрос, ответил ли Эндрю, начал прожигать дыру в моем мозге. Одна фигня на самом-то деле.

Я решил прогуляться по улице и включил сотовый. Высветилась куча пропущенных вызовов и текстовых сообщений. Первыми я проверил сообщения. Не читая, я увидел два от Лолы, без сомнений говорящие: «*Ответ на долбанный звонок*», два

от Эндрю и еще

одно с незнакомого номера.

Я открыл сообщение от неизвестного. Оно пришло от потенциального клиента по

имени Лэнс, получившего мой номер от моего старого клиента Джеррарда, он же

говнистый супербогач, и интересовался, могу ли я с ним встретиться. Мысль пересечься с

очередным парнем и снова проходить через фазу «давайте познакомимся поближе»

казалась пыткой. Я задумался, не нажать ли «удалить», но не стал. Не то чтоб я нуждался

в деньгах, но, как правило, моя работа мне нравилась. Прикинув, что через неделю

вернется обычная жизнь, я решил чуть позже связаться с Лэнсом.

Оставались лишь сообщения от Эндрю. Первое было отправлено вскоре после

моего послания со словами написать Эли. «Окей. Сообщение отправлено», – все, что там говорилось.

Час спустя отправлено еще одно. «Он звонил мне. Хотел осведомиться, что я

делаю в субботу вечером. Я сказал, у меня планы, а он сознался, что уже в курсе

благодаря «фейсбуку». Потом он предложил вечер пятницы. Я ответил, что сообщу

позднее. Что мне делать?»

О, ну, офигеть.

Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Потом еще раз. Я не был в курсе, перезванивал ли он ему, согласился ли на встречу. Господи, он мог, в конце концов, перезвонить. И кто знает, может, они помирились и провели ночь в одной постели.

Меня затошнило.

Я уставился на экран телефона, потом глянул на него еще раз.

Ощущая непреодолимый ужас, я прослушал голосовые сообщения. Получено два от

Лолы именно с теми словами, что я и предполагал. Второе не было столь же приятным, как первое, и я понимал, что мне придется извиниться. Оставшиеся три – от Эндрю.

Первое было довольно радостным. «Привет, это я. Эндрю. Эндрю Лэндон», – в этом

месте я улыбнулся. – «Мне звонил Эли. Можешь набрать меня? Спасибо».

Второе получено через сорок минут после первого. Голос звучал немного тревожно.

«Это снова Эндрю. Не уверен, получил ли ты мое последнее сообщение. Я ответил Эли, что дам знать насчет пятницы, но мне хотелось сначала обсудить с тобой.

Представления не имею, как лучше поступить».

Третье пришло спустя два часа. Голос звучал тихо. «Это Эндрю. Я... Позвони мне».

Донесшаяся неуверенность в себе отозвалась в моей груди подобно раскаленному

лезвию. Бесило, что из-за меня он сомневался в себе. Уж кому-кому, а ему следовало бы

излучать уверенность. Господи, он был успешен, талантлив и дьявольски сексуален. А

еще был честным и веселым, но по какой-то причине не видел себя в таком свете.

Я догадывался, что из-за ухода Эли его уверенность могла быть подорвана, но

больше походило на забитость, он постоянно повторял, что недостаточно хорош. И мысль, что я подлил масла в его огонь, убивала меня.

Я набрал его номер и поднес трубку к уху. Учítывая, что на дворе стояло утро, и он

должен работать, перевод на голосовую почту был ожидаем, но все равно расстроил.

– Привет, это Спэнсер. Извини, что я пропустил твои звонки и сообщения. Неважно

себя чувствовал, – солгал я, – и телефон разрядился. Мне стоило ответить в любом случае.

Прости, что не ответил.

Он просто не представлял, насколько мне было жаль.

– Хотел уточнить: ты перезвонил Эли? Планируешь встречу в пятницу? – я

прокашлялся. – Позвони, когда сможешь. И опять, Эндрю, прости, что подвел тебя.

Я сбросил вызов и, надувая щеки, выдохнул. Господи, полная жопа. Это

ощущение... ужасное ощущение было тяжким ноющим напоминанием, для чего я выстраивал стены и держал дистанцию.

А еще стало суровым напоминанием о профессиональной сделке. Он платил мне за

результат, а я лоханулся. Я должен был принять его звонки и был обязан без колебаний

сказать ему идти в пятницу на свидание с Эли.

Черт, может, они воссоединились прошлым вечером? Может, нам не стоило ждать

субботы, потому что результат уже достигнут, и Эндрю больше не являлся моим

клиентом? Может, мне, мать твою, пора уже было врубить мужика и пережить

случившееся?

Не впервой.

В общем, размышляя подобным образом, я открыл эсэмэс от потенциального

клиента Лэнса и нажал «ответить». *«Конечно. Понедельник подойдет?»*

Я вернулся обратно к месту фотосессии, где Лола творила магию над какой-то

переутомленной недокормленной девушкой. Когда я вошел, один из парней-моделей

кивнул мне.

– Привет, – прохрипел он, рассматривая меня с головы до ног и ухмыляясь. В

любой другой день я стрельнул бы у него номерок или раскрутил бы на минет. Но не

сегодня.

– Привет, – из вежливости ответил я и продолжил идти. Лола происходящее не

пропустила, вздернула бровь и грустно покачала головой. Оставляя ее намеки без

внимания, я спросил: – Что-нибудь нужно?

– Нет, – красноречиво отозвалась она, добавляя немного черного цвета на веки

модели. – Уже позвонил Эндрю?

Я подумывал не реагировать, но припомнил обеспокоенность в ее посланиях.

– Оставил сообщение.

– Прекрасно, – сказала она, восторженно улыбнувшись. Типа сегодня была какая-то

знаменательная дата. Не знаю, может, и так.

Остаток дня я провел, разрываясь между приказами Лолы и проверкой машины.

Ответа от Эндрю не поступало. Я не мог заявить, что осуждал его. В конце концов, именно я проигнорировал его. А к моменту погрузки в «Синди Кроуфорд» оборудования

Лолы я внушил себе, что Эндрю был не в состоянии ответить, потому что провел

вчерашнюю ночь в постели с Эли.

Всего-то и надо – отсутствие ответных эсэмэс и яркое воображение.

– Он позвонит, – выпалила Лола, должно быть, прочитав мои мысли: уже несколько

часов я о нем не упоминал. – Не смотри на меня так. У тебя на лбу бегущая строка.

– Дикость какая, – наконец признался я. – Сколько мы с ним знакомы? Еще даже

пары недель нет.

– Но он тебе нравится. – Это не было вопросом.

– Он клиент, – тихо проговорил я, – который ждет, что я помогу ему заново сойтись

с бывшим.

– Ну, судьба – забавная сука, – заявила Лола. – Она способна расставить все на свои

места. Посмотри на нас с Габом.

Я кивнул. Они идеально друг другу подходили. Жизнь пыталась развести их, но, как оказалось, вмешалась судьба и исправила все неточности. Вообще-то, судьба *на пару*

со мной, но в основном судьба.

– Ты – моя лучшая история успеха.

– Мы всем обязаны тебе.

На некоторое время между нами повисло молчание, что случалось крайне редко.

Оно не было некомфортным, оно просто было. В любом случае меня

радовала

возможность погрязнуть в страданиях.

– Ты напишешь свою историю успеха, – в конечном итоге изрекла Лола. – Спэнсер, ты заслуживаешь счастья. Твой человек найдется. Увидишь.

Я фыркнул.

– Ага, точно.

– Если Эндрю решит, что все-таки хочет Эли, значит, так тому и быть.

Больше

потеряет именно он. Но подожди, – сказала она, перестраиваясь на другую полосу, – он позвонит.

Она будто обладала экстрасенсорными способностями – зазвонил мой телефон. На

экране высветилось имя Эндрю. Сердце загромыхало, увидев, что звонил он, я улыбнулся, но потом в голову пришло...

– А если он звонит сообщить, что они с Эли снова вместе?

Лола зыркнула на меня.

– Ответь на звонок.

– Следи за дорогой!

Она заорала:

– Прими сраный звонок!

Я нажал «ответить» скорее от испуга, чем из-за чего-то еще.

– Привет, – пролепетал я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Ты в порядке? – спросил он. Ни тебе «привет», ни пустячной болтовни. – Твой

голос в сообщении звучал ужасно. Ты говорил, что плохо себя чувствуешь? У меня весь

день были встречи, только что прослушал.

– Не, все хорошо. Мне уже лучше, – брякнул я и рискнул глянуть на Лолу,

поежившись, когда она пригвоздила меня взглядом за вранье. – Прости, что пропустил

твои вчерашние звонки. Как дела с Эли?

Я почти не хотел знать. Почти велел ему забыть вопрос, но он заговорил быстрее.

– Я... еще ему не ответил.

Ой. Охеренное спасибо тебе, Господи.

– Ой, – выдал я, почти засмеявшись от облегчения. Лола ухмыльнулась

и кивнула.

Какая глупость.

– Не был уверен, что именно мне стоит сделать, – сказал он. – Ты же эксперт, а я не

хотел совершить неправильный поступок.

– Нет, ты все сделал верно, – успокоил я, что в принципе–то не являлось правдой. –

Ему не повредит подождать денек–другой. Наоборот, скорее придет осознание.

– Х–м–м, возможно. – Он вроде сомневался.

Я громко выдохнул. Узел тревоги в груди немного ослаб. За весь день я впервые

почувствовал себя хорошо. По сути, моему глупому мозгу стоило бы приказать моим

глупым губам перестать улыбаться, а Лола хихикнула.

– Завали, – проворчал я, отчего она расхохоталась.

Эндрю тихо произнес:

– Прости, что?

– О, нет, не ты! – протараторил я в трубку. – Лола – заноза в заднице.

– Ой, – ответил он. – Может, перезвонить позже?

– Вообще–то, давай я перезвоню минут через десять? – предложил я. –

Мне нужны

свободные руки, когда Лола притормозит возле моего жилища. Она сбавляет скорость

только до пятидесяти километров в час, и мне, как десантнику, приходится выкатываться

из машины.

Она шлепнула меня по руке, а Эндрю рассмеялся мне в ухо.

– Окей. Удачи, – произнес он. – И помни: поднимай руки и подбородок, чтоб

обезопасить лицо. Избегай бордюра.

От его подсказок я хохотнул, и он сбросил вызов. Лола широко улыбалась мне. Я не

принял ее во внимание.

– Мне больше по душе, если ты будешь смотреть на дорогу, – высказался я, пытаюсь

вести себя холодно. – Знаю, что ты собираешься ляпнуть насчет Эндрю, и мне больше по

нраву этого не слышать.

Она поерзала задом по сиденью, изображая танец.

– Я не скажу ничего тебе неизвестного.

– Я ссылаюсь на пятую поправку¹³.

– Ты австралиец. У вас нет пятой поправки.

Я рассмеялся. Настроение изменилось на сто восемьдесят градусов. И как бы ни

хотелось сознаться Лоле в том, что она и без меня знала, – что Эндрю отличался от других

клиентов – я не был готов. Тогда все стало бы реальностью. И по правде говоря, в тот

самый момент Эндрю все еще был моим клиентом. Задача до сих пор не была выполнена.

К счастью, и в некоторой степени рискуя жизнью, Лола пролетела через две полосы

и притормозила, как заправский гонщик, напротив тату-салона. Я выскочил и помахал ей, а она, все еще улыбаясь, втиснула «Синди Кроуфорд» в поток машин.

Не имея ни малейшего понятия, что сказать Эндрю насчет Эли, я вытащил

мобильник, нашел номер и нажал «позвонить». Ответил он на первом гудке.

– Привет, извини. Ивел Книвел¹⁴ только что высадил меня и метнул «Синди

Кроуфорд» в несчастных законопослушных участников дорожного движения.

Эндрю фыркнул.

– Что?

Я дождался затора в потоке машин и пересек улицу.

– Лола. Она водит как маньячка.

– А что произошло с Синди Кроуфорд?

– О, это ее тачка. Симпатичная моделька восьмидесятых годов.

Эндрю от души загоготал, и от звука его смеха в моей груди потеплело.

– Эндрю, прости, что я не принял вчерашние звонки.

– Все хорошо, – вроде бы искренне отозвался он. – Тебе сейчас лучше?

– Да, гораздо.

– Тогда, может, я приеду? – спросил он. – Я только что вышел с работы, уже в

машине сию. Продумаем, что делать насчет пятницы.

13

Гласит, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство, не должно привлекаться к ответственности дважды за одно и то же нарушение и не должно принуждаться свидетельствовать против себя.

14

Американский исполнитель трюков
– Звучит здорово.
– Окей. Припаркуюсь на заднем дворе.
– Сразу поднимайся ко мне.
– Увидимся минут через двадцать. – И разъединил звонок.
Я толкнул дверь салона, и Эмилио оторвал взгляд от клиента. Потом опять посмотрел на меня.
– Господи. Прямо кот, поймавший канарейку.
Я прыснул.
– Привет, дружище. Как прошел день?
– Судя по улыбке, не так хорошо, как твой.
Я закатил глаза.
– Что-нибудь нужно?
– Не, друг мой, я в полном порядке, – сказал Эмилио. – О, сегодня пришли новые журналы. Лежат на стойке. – Он кивнул в сторону рабочего стола.
– Круто. – Эмилио всегда выписывал на несколько копий, потому что клиенты либо загибали края страниц, либо просто их вырывали. Я взял верхний экземпляр. – Позже верну. Ты здесь до позднего вечера?
Эмилио склонил голову и занялся нанесением чернил на кожу клиента.
– Да, дружище. У Даниэлы выходной. Последний клиент в семь. Здесь только я.
– Хочешь, принесу тебе перекусить?
– Было бы неплохо, спасибо.
Забрав журнал, я вышел в заднюю дверь и запер ее за собой. Наверху, зная, что Эндрю не очень далеко, привел себя в порядок – умыл лицо, попрыскался дезодорантом и с трудом удержался от чистки зубов. В смысле это же абсурд. Поэтому

я плюхнулся на

диван и пролистывал журнал, пока не раздался стук в дверь.

Когда я открыл, Эндрю показался мне лекарством от тахикардии. А, может,

наоборот лишь ухудшил ее. Трудно было определиться.

– Привет.

Он тепло и широко улыбнулся.

– Привет. Хорошо выглядишь, – произнес он и замер. – То есть выглядишь

здоровым.

Я рассмеялся, облегченно и вместе с тем нервно, и отступил на шаг назад,

безмолвно приглашая зайти.

– Мне намного лучше. – И это не было ложью. Я на самом деле чувствовал себя

лучше. – Принести тебе попить?

– Конечно. – Он прошел к дивану и уселся, подбирая тату-журнал и пролистывая

его. – Подыскиваешь новые идеи?

Я вручил ему бутылку воды и устроился рядом.

– Не совсем. Украл у Эмилио, – пояснил я. – Просто нравится просматривать

новинки.

– Выглядит симпатично, – сказал он, склонив голову. – Прямо удивительно,

насколько мне нравится.

– Хотел когда-нибудь?

Он вытаращил глаза и залился смехом.

– Нет. – Потом нахмурился. – Никогда об этом не думал.

– Никогда?

Он покачал головой.

– Нет. – Он отхлебнул воды и продолжил переворачивать страницы. Не глядя на

меня, спросил: – Когда ты сделал первую тату?

– В шестнадцать. Тетя Марви отвела меня. – Ладонь автоматически легла на

верхнюю часть правой руки. – Первым у меня был трайбл-крест. Теперь он часть

«рукава», но да, он – моя первая тату.

Он стрельнул в меня глазами.

– Вау.

Я пожал плечами. Он знал, что чернила – закрытая тема, независимо от того,

насколько они видны.

– Они вызывают привыкание.

– Хотел бы еще одну? – поинтересовался он. – Раз уж «рукава» закончены, где бы ты сделал?

– Возможно, на груди, – изрек я, откидываясь на спинку дивана. – Не знаю.

– Цветную или черно-белую? – задал он вопрос, возвращаясь взглядом к журналу. –

У тебя на руках есть и такие, и такие.

– Зависит от рисунка, – ответил я. – И что он означает.

– Справедливо.

– Как на работе?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Хорошо. Как ваш день с Лолой?

– Отлично. Она командирша.

Улыбаясь, он продолжил разглядывать фотографии в журнале. Легко было

позабыть, что он оценивал татуировки с точки зрения художника, а не клиента.

– Оу, – брякнул я. – Позже нужно доставить Эмилио еды. Напомни мне.

Эндрю остался до ужина. Мы купили еды на вынос и слопали ее в салоне вместе

Эмилио после окончания его рабочего дня. Они с Эндрю болтали о линиях и четкости, затенении и интерпретации.

Об Эли мы не вспомнили ни разу.

Глава 8

В полдень четверга я оказался через улицу от места работы Эли – типографии, услуги которой на самом-то деле мне на фиг были не нужны, просто меня сжигало

любопытство с примесью ревности.

Ну, может, «ревность» – громко сказано, но мне хотелось разузнать, что же

привлекло Эндрю в Эли. Познакомились они в продуктовом, что

смахивало на бабские

штучки. Немного банально? Я сомневался. Эли переехал к нему. У них была история.

Интимная история. Эли касался Эндрю так, как мечталось мне, но было невыполнимо.

Эндрю ложился с ним в постель, целовал его, трахался с ним. И мне хотелось понять

почему.

Не давая себе возможности переменить решение, я пересек улицу и вошел в

парадную дверь. Звон колокольчика оповестил о моем появлении, и через секунду за

стойкой нарисовалась женщина. Я узнал в ней Терри с фото на «фейсбуке» и из бара, где

она проставлялась в честь дня рождения и куда пригласила Эли. Бейджик мои догадки

подтвердил.

– Могу я вам помочь? – проникновенно поинтересовалась она.

Холл выглядел немного запущенным, но чистеньким. На стенах развешаны образцы

продукции.

– Да. На данный момент я пока только подыскиваю, но у меня намечается бизнес–

конференция, для которой может понадобится промо–продукция.

Далее последовала ее болтовня о почтовых рассылках, флаерах, онлайн–рекламе, а

я соглашался, задумчиво кивая. Она объяснила про минимальное и максимальное

количество, варианты оплаты и целую кучу другого совершенно мне не интересного

дерьма.

– Каков ваш целевой рынок? – спросила она. – Что за конференция?

Я ляпнул первое, что пришло в голову.

– По татуировкам, – ответил я, типа этим все разложил по полочкам. – Можно мне

распечатанный образец? А лучше даже в рамке. Хочу, чтоб выглядело представительно, высококлассно. Как из фото–студии.

Ее глаза засияли.

– О, конечно. Подождите, я приведу Эли. Он именно тот, кто вам

нужен.

Она исчезла, а в моем желудке свернулось тошнотворное нервное ощущение. Он

вообще мне не был нужен. Но какой идею ни посчитай, превосходной или же, наоборот, идиотской, сдавать назад было поздно: Эли уже вынырнул из-за двери с табличкой

«только для персонала», а Терри шла впереди.

– А вот и Эли, – сказала она. – Он занимается распечатками, о которых вы говорите.

– И оставила нас наедине. Только он и я.

Эли был примерно одного со мной роста, симпатичный с темными волосами и

темными глазами. Выглядел он вполне нормально, прям как увиденных мною фотках. Я

ненавидел его. Неразумно, знаю, но да и по фиг. Заметив меня, его глаза чем-то

сверкнули. Если он и признал во мне парня, что был с Эндрю в баре, то ничего не сказал.

– Привет, – поздоровался он, протягивая руку.

Руку я принял и пожал немного сильнее обычного, но плевать. Представляться

принципиально не стал.

– Значит, вас интересуют репродукции в рамках?

– Думаю, да. На этой стадии я изучаю прайсы. – Как бы мне ни была безразлична

потеря десяти минут его времени, я не хотел тратить деньги компании на не ведущую ни к

чему клоунаду. – Сколько времени вам нужно, скажем, на десять распечаток в

полутораметровой квадратной раме?

Он трещал о стоимости и продукции, явно пытаясь развести меня на договор. Кто–

то мог бы принять его за мастера своего дела. Я же, напротив, посчитал, что он чересчур

подлизывался. Мне было плевать, насколько он разбирался в продаваемой им продукции.

Он встречался с Эндрю и только за это превратился для меня в козла.

По какой-то божьей благодати, запел мой телефон. Звонила Лола. Я сострепал

извиняющееся лицо.

– Простите, мне надо принять вызов. – Я не стал дожидаться его реакции, а сразу же

нажал «ответить». – Здравствуй.

– Я в салоне. Где ты?

Я притворился недовольным и сжал пальцами переносицу.

– Ты уже там?

– Я только что так и сказала, – отозвалась она. – Ты оглох из-за «ручной стирки»?

Я подавился смешком.

– Точно. Именно так он и сказал.

Понимание заняло у нее секунду. Не впервые мне требовалась ее помощь, чтоб

спастись. В этот раз среагировала она довольно быстро.

– Ой, ты сейчас там, где быть не должен, говоришь с тем, с кем не должен?

– Верно.

– Это имеет отношение к Эндрю?

– Да.

– Ты пошел заценить бывшего?

– Разумеется.

– Он прямо перед тобой?

Я громко вздохнул.

– Да. Приеду напрямую туда.

Лола хмыкнула мне в ухо.

– Ты в жизни ничего не делал «напрямую», Спэнсер.

Чтоб не улыбаться, я поджал губы, завершил звонок и убрал трубку в карман. Эли

вернулся за стойку, предоставив мне во время беседы личное пространство, насколько

позволял крошечный холл, и выжидающе посмотрел на меня.

– Простите, – обратился я к нему. – У меня проблемы на работе, требующие

разбирательства. Можете дать мне свою визитку?

Он вручил мне карточку, и я сказал ему, что буду на связи.

Когда тем вечером Эндрю позвонил мне, я знал, что должен сознаться.

– Сегодня я виделся с Эли.

После долгой тишины:

– Ты что?

– Я ходил к нему на работу и устроил допрос о ненужных мне тату–постерах.

Похоже, он перенес трубку к другому уху, а потом вроде поерзал.

– И рассказал ему, кто ты?

– Нет, конечно же, нет.

– Но он видел тебя со мной.

– Знаю. – Я старался сохранять спокойствие. – Вряд ли он узнал меня.

По крайней

мере, не подал виду.

– Господи, Спэнсер. Ты мог все уничтожить. – Он явно злился на меня, вполне

заслуженно. – Зачем ты это сделал?

– Я рассчитывал, он признает меня. Кажется, признал. Я не уверен, – залепетал я. –

Но мой поступок гарантирует нам его реакцию.

По правде говоря, я лишь ухудшил положение вещей. Понятное дело.

Эли либо

станет яростнее подталкивать Эндрю сойтись, либо просто забудет.

Эгоистичная часть

меня надеялась на последнее.

А я уже давненько ни на что не надеялся.

Так и подмывало начать оправдываться и извиняться, но я смолчал. Он должен был

заговорить первым. И по прошествии восьми долгих душераздирающих секунд:

– И? – спросил он.

– Что и?

– Что ты о нем думаешь?

Хотя он и не мог видеть, я пожал плечами.

– Он вроде классный.

– Боже, как же фигово ты врешь. – Он фыркнул в трубку. – А учитывая, что именно

этим ты зарабатываешь на жизнь, я надеялся на лучшее.

– Ого.

Он рассмеялся.

– Зато правда.

– Другим людям я умею убедительно врать, – сознался я. – Только не тебе. По

какой-то глупой причине.

Не знаю, как я понял, но сомнений не было: он улыбался.

– За это можешь купить ужин завтра вечером.

– Да неужели?

– Да. Пицца и кино. В семь часов.

– Какой же ты командир, – сказал я. Меня поражало, как я вообще мог говорить с

настолько широченной улыбкой. – А как ты умудряешься существовать на еде на вынос и иметь такое тело?

Он тихо хохотнул.

– Рассказывал же: каждое утро перед работой я занимаюсь в течение часа.

– Ты носишь узенькие спортивные шорты и футболки в обтяжку? Ради такого я

даже с постели поднимусь пораньше.

Он хмыкнул в телефон.

– Увидимся завтра в семь.

– Так ты отказал Эли в завтрашнем свидании?

– Сказал, что не смогу, – ответил он и откашлялся. – Знаешь, чем меньше любим, тем больше ценят.

Я не смог сдержать глупую улыбку.

– О, прости. Я представлял тебя в узких шортах и обтягивающей футболке. Что ты говорил?

Он фыркнул.

– Спокойной ночи, Спэнсер. – Он сбросил вызов, а я все улыбался ментальным

образам Эндрю в спортивной одежде.

Пятница тащилась. Типа *в прямом смысле* тащилась. Я помог Эмилио и Даниэле в

салоне, договорился с клиентом о месте и времени встречи в понедельник. Убрался в

квартире, почитал, поел. Короче, переделал все возможное, а потом потратил несколько

часов на подготовку и выбор одежды. Часы же тикали так, словно в них сдыхала

батарея. Потому что я лишался рассудка.

Но, как хороший мальчик, держа в руках пиццу, в семь часов я стучал в дверь

Эндрю. Я слышал его шаги по лестнице, звук отпирающегося замка, а потом он распахнул

дверь и улыбнулся.

И будто по космическому сдвигу, жизнь снова наладилась.

– О, отлично, – сказал он. – Я есть хочу.

– Привет, все неплохо. А у тебя? – пошутил я над отсутствием приветствия. –

Доехал нормально, но мне показалось, таксист не оценил запах пиццы в машине.

Эндрю рассмеялся.

– Прости. Привет, как ты? Это превосходно. Как доехал?

Я всучил ему коробку.

– На здоровье.

Он прошел в гостиную, положил пиццу на стол и направился в кухню.

– Пива или газировки?

– Пиво подойдет.

– Да уж, – ответил он, возвращаясь и подавая мне бутылку. Одет он был в джинсы и

старую рубашку на пуговицах, выглядевшую поношенной и мягкой. Господи. Ступни

были голыми. Я не мог припомнить, говорил ли ему, что находил джинсы и голые ступни

эротичным зрелищем, но черт побери.

– Они не воняют, – произнес он, шевеля пальцами ног. – Клянусь.

Боже правый. Меня поймали за разглядыванием его ступней. Когда я поднял взор, он бросил взгляд на мое лицо, и губы начали медленно растягиваться в улыбке.

– Ой.

– Заткнись.

Он усмехнулся, и мы чокнулись пивными бутылками.

– Ну? Пицца? Или продолжишь пялиться на мои ноги?

Игнорируя его, чтоб не умереть от смущения, я закатил глаза и сел за стол. Открыл

коробку и взял кусочек пиццы.

– Достают на работе выложенной фоткой на «фейсбуке»?

Он почти впился зубами в свой первый кусочек, но остановился. И простонал.

– Смертельно, – сказал он. – Всю неделю. – Он откусил и благодарно замурлыкал. –

М–м–м, супер.

Он заточил четыре куса, я два.

– Ты ел сегодня? – спросил я.

Он покачал головой и запил еду пивом.

– Нет. Я избегаю столовой, потому что... ну, потому что новая любимая игра в

отделе – «давайте зададим Эндрю сто один вопрос о его новом бойфренде».

– Новом *бойфренде*? – улыбнулся я. Слова мне понравились больше, чем должны

бы. – И какой же он? Держу пари, симпатяжка.

Теплая волна окрасила его щеки и опустилась к шее.

– Заглохни. Ты меня понял.

Я подцепил этикетку на пивной бутылке.

– Меня и хуже называли.

Улыбка исчезла с его лица.

– Ревнивые бывшие?

– По большей части клиенты, – сознался я. – Парни, которым я пытаюсь помочь.

Понятно, что я не их типаж, и они находят мою скуку на городских светских приемах или

в опере немного невежливой.

– Правда? Тебе приходилось ходить на светские приемы и в оперу? – Он

нахмурился. – И тебя за это унижали?

– Ты бы поразился, – тихо проговорил я. – Мне платят за выполнение работы. Ко

мне относятся точно так же, как и к людям, что стирают одежду или моют машины.

Эндрю медленно кивнул, а на лице мелькнула боль, но затем он заменил ее улыбкой

и прочистил горло.

– Тебе должно быть ужасно скучно есть пиццу и смотреть кино в пятничный вечер.

– Это не было вопросом. Больше походило на констатацию для самого себя. – Я не

любитель тусовок.

– Прикалываешься? Все идеально. Я просто обожаю проводить вечера с пиццей и

кино. Разумеется, временами круто выфрантиться в костюм, но это дерьмо надоедает.

Он улыбнулся искренне, но в то же время немного натянуто.

– Выфрантиться?

– Ну, в смысле принарядиться. – Я пожал плечами. – Клянусь, каждому моему

знакомому нужно взять урок по австрализмам, чтоб мне не приходилось объяснять такие вещи.

– Или мне стоит записаться на лоботомию...

Я уставился на него. Рот распахнулся. Он громко расхохотался и закинул ногу на стол.

– Вот, полюбуйся моей голой ступней.

– Пошел к черту.

Он засмеялся еще громче.

– Какой же ты развязный.

Он поиграл бровями.

– Да, я такой.

Я застонал, частично из-за того, что высказывание вышло двусмысленным, а

частично из-за того, что представил его с членом во рту.

– Завали и включай уже фильм.

Все еще посмеиваясь, он отнес коробку из-под пиццы на кухню и присоединился ко

мне в гостиной. Он вручил мне полную бутылку пива и, улыбаясь, подставил диск.

– Что смотрим? – любопытствовал я. Он швырнул мне обложку «Как приручить

дракона – 2». – Серьезно? Мы будем смотреть мультик?

Он поднялся, выглядя оскорбленным, улыбка окончательно и бесповоротно

исчезла.

– Я... Ну, я... Мы не обязаны. Просто я подумал...

– Ты уже сделал лоботомию? – с ухмылкой поинтересовался я.

Он впился в меня взглядом.

– Ты сволочь.

– Спасибо.

Он взял пиво с кофейного столика и разместился на диване не рядом со мной, но и

не на другом краю. В начале фильма он вытянул ноги на столик, и я сделал то же самое.

Он прокашлялся.

– Тебе нормально? Чувствуешь себя как дома? – Он уставился на мои ботинки.

– Да, спасибо, – усмехнувшись, ответил я, не отрывая глаз от телевизора. Ясно было

без раздумий: стоило только посмотреть на него, и я схватил бы его за лицо и целовал, пока он не кончит. *Черт*. Теперь я размышлял об этом. Я с трудом сглотнул. Господи, воздух в комнате внезапно начал опьянять, а его близость ощущалась вовсю. – Ну, – я

кашлянул и кивнул на экран, – и что ты рисовал для этого мультика?

Пока шел фильм, Эндрю рассказывал мне о различных сделанных им сценах, какие

моменты ему нравились, какие были сложными, какие любимыми. Но потом что-то

случилось. В фильме. И пришло ниоткуда, и было неожиданным. У меня не имелось

подсказок и времени на подготовку. Да ради всего святого, это же детское кино.

Умер отец.

В мультфильме. Отец умер. И волна воспоминаний и эмоций шарахнула по мне, как

удар в самое слабое место. Конечно, ни о чем подобном я даже не подозревал.

Я глубоко вдохнул, не желая привлекать к себе внимание. Уставился в стену и

осознал, что смотрел на рисунки из этого самого фильма, что совершенно не помогало.

Тогда я перевел взгляд на верхнюю часть экрана. Там было написано что-то о

разрешении, и я так упорно таращился на надпись, намеренно избегая фильма, что глаза

начали слезиться. Я медленно выдохнул, но сидевший поблизости Эндрю услышал мое

нервное дыхание. Он повернулся ко мне и расхохотался. Видимо хотел

еще что-то

ляпнуть насчет моего рева над детским мультиком.

Но потом рассмотрел мое лицо.

Он сел прямо и завозился с пультом, выключая телевизор. Я подорвался с дивана и

вышел в кухню перевести дух. *О, черт.* В груди жгло столь же красноречиво, как и много

лет назад.

Эндрю встал позади меня и положил ладонь на мое плечо.

– Спэнсер, прости. Я должен был понять... Я предполагал, что что-то произошло.

Но об отце даже не подумал.

Я покачал головой и положил ладонь грудь, чтоб перебороть боль.

– Все в порядке. Ты ведь не знал. – Я снова вдохнул. – Просто накатило. Извини.

Его ладони лежали на моих плечах, на лице запечатлелось беспокойство.

– Не извиняйся. Извиняться должен я. Твой отец?

Я откинул голову назад и нервно выдохнул в потолок.

– Мой отец... – Эндрю убрал руки с моих плеч, но прежде чем он успел отступить

назад, я схватил его за футболку и сжал материал, удерживая на месте. Мне требовалась

его близость. Мне хотелось рассказать ему о случившемся, хотелось поделиться, для чего

на плече вытатуированы четыре дрозда, но не вышло. Я никогда о них не говорил. Я

носил чернильные напоминания как доспехи, но не смог сформулировать ни слова.

– Хочешь обсудить? – мягко спросил он.

Я покачал головой.

– Хорошо, – сказал он. – Все хорошо.

Он коснулся рукой моего лица, а я прильнул к ней. Я, блин, прильнул. И, словно

зная о моих потребностях, – о желаниях моих сердца и души – он притянул меня к себе.

Никогда в жизни ничего подобного не испытывал. Он был теплым и сильным,

надежным и замечательным. Я уткнулся лицом в его шею и, наверняка,

стискивал его

слишком сильно. Но благоухал он божественно, а его руки словно были созданы обнимать

меня.

Мне не хотелось его отпускать. Мне хотелось поцеловать его в шею, хотелось

поднять лицо и поцеловать его в губы. Хотелось узнать, какой он на вкус. Хотелось, чтоб

он задержал меня и отвел в свою постель, и делал со мной все, что заблагорассудится.

А когда я отступил, он посмотрел мне в глаза и облизнул губы. Он собирался

поцеловать меня...

Тогда моя глупая ладонь легла на его грудь, удерживая на безопасном расстоянии.

Черт. Голова кружилась, сердце барабанило и болело, живот скрутило узлом, а сам я

пребывал в полнейшем раздрае.

А потом мой глупый рот пробормотал:

– Мне лучше уйти.

Он моргнул и покачал головой, словно испугавшись своего ступора.

– Да. – Я шагнул назад, но он тормознул меня, взяв за руку. – Спэнсер?

Я посмотрел на него, борясь с каждой фиброй в моем теле, что хотели рухнуть в его

объятия и зацеловать.

Его будто разрывало на части.

– Уверен, что в порядке?

Я кивнул.

– Да. – *Безусловно, я в порядке. Много лет.* – Увидимся завтра. Приду часа в четыре.

– Ответа дожидаться не стал. Я развернулся и ушел так быстро, как позволили мои глупые

ноги.

Сон, конечно же, не шел. Черт, я вообще почти не спал. Я сумел закрыть глаза всего

на два часа после того, как солнце начало проглядывать над горизонтом. Разбудил

донесшийся с улицы звук визжащих шин, и чтоб не валяться весь день

и не думать о

ерунде, о которой думать не хотелось, я натянул одежду для бега и понесся по тротуару.

Пробежался до Венис Бич. Субботним утром стояла теплая погода, поэтому пляж

был забит под завязку. Люди выгуливали собак, катались на коликах, велосипедах, бегали

трусцой. Некоторые выглядели на миллион долларов, другие – словно преодолевали

«аллею позора».

Но толпа, запахи и шум служили для меня прекрасным отвлекающим маневром. Я

любил это место. Оно было первым, куда я пришел после переезда в ЛА и, излазив вдоль

и поперек бульвар Эббота Кинни, оказался возле окна в тату-салон, зашел внутрь и

разговорился с владельцем. Он представился Эмилио, а остальное – уже история.

Именно Эмилио делал четырех дроздов, украшавших теперь мое правое

предплечье. В Америку я приехал только с одним забитым плечом. Эмилио помог мне

лучше, чем любой психотерапевт. Есть что-то очищающее в том, чтоб нанести свои

«шрамы» на кожу.

Может, в этом я и нуждался? В еще одной тату? Чтоб боль снаружи притупила боль

внутри? Да, то, что надо.

Домой я мчался с новой целью в голове. Уже давненько я не забегал так далеко, отчего ноги и легкие пылали огнем. Боль была желанной. Я раздумывал пройти сразу к

Эмилио, но мне было известно, что он занят и вряд ли оценит потного меня в собственном

салоне. Добираясь до черного входа, я заметил Даниэлу и Лолу на заднем дворе. Для них

не было редкостью выскользнуть через черный выход и смеяться или пересказывать друг

другу сплетни, или о чем бы они там ни говорили.

– Привет, – поздоровался я.

Обе осмотрели меня сверху донизу.
– Ты в порядке, Спэнсер?
– Да. С чего должно быть иначе?
– Хм... Ты бегаешь, – ответила Даниэла.
– Мозг нуждался в очистке, – сказал я, поднимаясь по ступеням на
трясущихся
ногах. Достиг верхней и обернулся. Они наблюдали за мной. – Не
знаете, у Эмилио
сегодня есть свободный сеанс?
Даниэла покачала головой.
– Могу выяснить. Кому надо?
– Мне.
Они обе просто стояли и смотрели на меня. Молча.
Я открыл дверь.
– Спущусь через минуту.
– Во сколько вы с Эндрю встречаетесь? – спросила Лола.
– В четыре.
Она глянула на часы.
– Гм...
– Который час?
– Начало четвертого.
– Блин. И на что ушел сегодняшний день? – Я помчался напрямик в
душ. К
моменту, когда я был одет и готов отправляться, Лола ждала меня
внизу.
Она оглядела меня с ног до головы.
– Господи, отлично выглядишь, Спэнс.
Я сверкнул улыбкой.
– Благодарю.
– Пойдем, – она кивнула на стоянку. – Отвезу тебя.
Я знал, что так случится. Вообще поразительно, как она вытерпела три
квартала.
– Сегодня важный вечер?
– Ага.
– Все хорошо?
– Совершенно. А что?
Очень долго она всматривалась на меня.
– Спэнс.
– Я в норме, Лолз, – сказал я, зная, что кличка ее остановит: она ее

терпеть не

могла. Лицо у нее вытянулось, а я указал, где Лоле следовало повернуть и немного

сменить направление, и использовал перерыв для смены темы. – Как поживает пирсинг в

соске Габа?

Ее глаза вспыхнули озорством.

– О, он его обожает.

– Он обожает или ты обожаешь?

– Я обожаю, как пирсинг влияет на него.

Я рассмеялся.

– Так хорошо?

– Тебе тоже стоит сделать, – заявила она, перескакивая с полосы на полосу. –

Честно говоря, меня удивляет, что у тебя нет пирсинга.

Я схватился за приборную панель, пытаюсь говорить так, словно манера ее

вождения не пугала меня до чертиков.

– Считаешь, стоит исправить?

Она с энтузиазмом кивнула.

– Ты изумишься, насколько с ним приятнее. – А потом добавила: – Раздумываешь о

еще одной тату?

– Да. Просто нужно подыскать правильный эскиз.

– Круто. – Я знал, что сказать она хотела гораздо больше, но к счастью промолчала.

– Сюда, – показал я на дом Эндрю.

– Миленько, – ответила она.

И ведь правда.

– Да.

– Слушай, Спэнсер, – проговорила она, паркуясь возле тротуара. – Понимаю,

сегодня ты должен выполнить свою работу, но, думаю, если бы ты заранее рассказал все

Эндрю...

– Лола, я в норме. Спасибо, что подбросила.

На этом я выбрался из «Синди Кроуфорд» и побрел вверх по дороге. Я помахал ей, притворившись, что не заметил печали на ее лице, и нажал кнопку на интеркоме Эндрю.

Он отпер дверь и одарил меня улыбкой, из-за которой мое сердце оборвалось. Хотя

разглядывал он меня с опаской.

– Привет, – сказал он, впуская меня. – Прекрасно выглядишь.

Я надел лучшие штаны, синий жилет, сочетающийся с моими ботинками, а белые

рукава закатаны до локтей. Волосы уложены, борода обрезана, и я даже воспользовался

одеколоном, поскольку приятный аромат – секретное оружие мужчины.

Мне не хотелось, чтоб он переживал из-за моего вчерашнего дебильного

поведения. Черт, я не горел желанием, чтоб он даже упоминал о случившемся.

– Постирал сегодня?

Он усмехнулся.

– Да.

– И в спортзал сходил?

– Да, – произнес он, проходя в гостиную. – Я такой предсказуемый?

– Вовсе нет, – ответил я. Он вздернул бровь. – Ладно, может, чуть-чуть.

Улыбка сползла с губ, он провел рукой по волосам. Я ждал. Он планировал начать

беседу вроде «слушай, насчет вчерашнего», а эта тема была последней, о чем я хотел

пообщаться, поэтому сменил направление.

– Научишь меня играть на рояле?

От моей просьбы он тормознул и обернулся в сторону рояля.

– Ой... – Он громко выдохнул. – Конечно.

Я подошел к роялю и уселся на краю скамьи. Он был действительно красивым

предметом мебели, инструментом, да по фиг. Не то чтоб я являлся экспертом по роялям

или типа того, но этот был особенным.

Эндрю приземлился рядом со мной, наши бедра и руки соприкоснулись, и он

поднял крышку.

– Ты когда-нибудь играл?

– На рояле? Нет. Господи, да я с треугольником с трудом справлялся.

Он улыбнулся.

– Удивительно. Мне казалось, что человек с твоим музыкальным слухом должен уметь играть.

– Я умею, – с гордостью проговорил я. – Я умею проигрывать пластинки.

Эндрю усмехнулся и опустил пальцы на клавиши. Он пустился в объяснения об

аккордах и октавах, но запутал меня, добавив про черные клавиши. А если уж быть до

конца честным, я начал думать о том, насколько же длинными и элегантными были его

пальцы, и каково было бы ощутить их на своей коже... Черт, держу пари, он мог бы

исполнить меня как мелодию.

– Спэнсер?

– О, прости. Меня поглотили твои пальцы.

Он хмыкнул.

– Положи свои пальцы вот так, правый указательный на фа.

Я положил, а он приподнял мои руки и сдвинул на несколько клавиш.

– А, эту фа.

Его плечи от смеха затряслись, он приступил к обучению, где какая клавиша, и

вскоре мы мастерски сыграли примитивную пьеску. Ну, мастерски для меня. Эндрю, наверно, последний раз играл ее года в четыре.

Под конец я сдался, провозгласив себя *рояльно* побежденным.

– Нет такого слова.

– Есть. – Я усмехнулся. – Сыграй мне что-нибудь.

– Что?

– Сыграй что-нибудь. Что угодно. Свою любимую, – сказал я, – «Лунную сонату»

или как эта фигня называется.

Он посмотрел на клавиши, потом вернулся взглядом ко мне.

– Уверен?

– Абсолютно.

И он заиграл. О, боже мой. Никогда не слышал ничего прекрасней. Никогда. Он

прикрыл глаза и затерялся в каждой ноте. Ему даже не требовалось читать партитуру; он

знал все наизусть. Совершенство.

Последняя нота повисла в воздухе, как эфирная сущность. Его руки опустились на

колени, и он наконец-то посмотрел на меня, весь такой уязвимый, словно

продемонстрировал мне ту часть себя, что видело мало людей.

Мне стоило бы как-то по-умному похвалить его, но я смог выпалить только:

– Вау.

Он нервно выдохнул, губы изогнулись в улыбке.

– Понравилось?

– Я в восторге. А теперь сыграй мне что-нибудь из этого твоего джаз-фанка. –

Потом, припомнив про манеры, я добавил: – Пожалуйста.

Его поведение изменилась полностью. Глаза заискрились, улыбка стала дерзкой. Он

опустил руки на клавиши и заиграл самое фанковое соло, что мне доводилось слышать. Я

мог представить людей из двадцатых годов, танцующих в каком-нибудь джаз-баре под

эту композицию. Пока он играл, двигалось все его тело; всего себя он вложил в музыку.

Легко можно было понять, что он занят любимым делом. Разумеется, Бетховена он играл

с уважением. Но джаз явно обожал.

Когда музыка закончилась, я умудрился лишь вздохнуть.

– Я мог бы весь день слушать твою игру.

– Правда?

– Черт, да. Почему тебя это удивляет?

Он пожал плечами.

– Просто Эли музыка бесила.

Я уставился на него.

– Чего?

– Бесила его. Если он читал или что-то еще. Наверно, слишком громкая и

назойливая. – Он скорчил рожицу. – Я играл, когда он спал.

Мне не верилось. Чем больше он рассказывал, тем больше руки чесались вмазать

Эли по роже.

– Он долбанутый? Больше всего мне нравится твоя игра на рояле.
Щеки Эндрю вспыхнули очаровательным розовым оттенком.
– О, спасибо.
Я покачал головой.
– Не могу поверить, что он такое говорил. Вот же мудила.
Эндрю опустил глаза на клавиши и не отреагировал.
– Извини, перегнул палку, – тихо изрек я. Мне было жаль, что я вышел за рамки. Но
я не заявлял, что не прав.
Эндрю поднялся из-за рояля.
– Мне нужно пойти в душ и переодеться, – сказал он. – Не возражаешь? Я
собирался в душ раньше, но потерял счет времени.
– Нет, все отлично. – Меня заинтересовало: он намылился в душ просто освежиться
или передернуть? Я надеялся на последнее, а потом вынужден был стопорить мысленные
картинки, от которых мой член начал волноваться. А затем заметил его ноутбук. – Эй, можно взять твой комп?
– Конечно. Не стесняйся.
– Можно проверить твой «фейсбук»? Хочу посмотреть, как дела у Эли.
Он моргнул.
– Э... Ой. Ладно. – Он дернул плечом. – Только никаких комментов или личных
сообщений от моего имени. Никаких бесед с моей мамой и никаких приглашений на обед
сестре.
Я рассмеялся.
– По рукам.
Эндрю отправился наверх, а мы с ноутбуком разместились на диване.
Я хотел
проверить комментарии под загруженным фото на «фейсбуке», чего делать без его
одобрения не хотелось. Поэтому решил поискать информацию об Эли.
Парень был лошарой, и я никак не мог догадаться, что же Эндрю в нем нашел.
Может, он был жеребцом? Может, у Эндрю «пунктик» на парней с большими членами?
« Ну, тогда я должен его вполне устроить». Я фыркнул и огляделся

по сторонам, словно

кто-то мог меня видеть.

Эндрю пришло несколько комментариев и оповещений, которые я проигнорировал

– от Эли ничего не поступило, а остальное меня не касалось. Я отыскал Эли и пробежался

по его новостной ленте, наткнувшись на несколько фоток. При помощи правой кнопки

мышы и оперативного «гугл-поиска» я тралил сеть в поисках непристойностей Эли.

Ничего необычного не всплыло. Даже поиск изображений и использование

функции локации не выдали ничего странного. Из того, что я смог почерпнуть благодаря

игре в гугл- детектива, двойной жизни или чего-то жуткого или неблагоприятного за ним не

водилось. К сожалению, он был нормальным. Все равно лошарой, но, увы, нормальным

лошарой.

Возвращаясь к общему поиску, я напечатал место его работы вместе с именем и

использовал ключевые слова вроде образования, диплома и адреса. И меня просто–

напросто шокировало, какую информацию можно нарыть в интернете.

Эли Мастерсон пытался устроиться на работу в «Фуджифильм» в отдел графики. Я

точно не знал, чем он занимался в своей типографии, может, одно с другим и не

стыковалось, но мне стало любопытно, в курсе ли Эндрю.

Это предложил Эндрю? Эндрю пытался пристроить его на работу?

– Как ты начал работать на «ДримУоркс»? – издаleка начал я, когда он вернулся

вниз. Я проигнорировал, как прекрасно от него пахло, и что с мокрыми волосами он

выглядел еще лучше.

Мой вопрос его, казалось, удивил.

– Хм, я получил степень бакалавра изобразительных искусств персонажной

анимации. Перейдя в магистратуру экспериментальной анимации, я

работал с ними в

рамках стажировки.

– Ох, как сложно–то все, – довольно глупо отозвался я. – Мог просто сказать:

«Нужно быть лучшим в своей индустрии».

Он улыбнулся.

– Зачем?

– Да без причины, – ответил я. – А у Эли какое образование?

Брови Эндрю сошлись на переносице.

– А что?

– Просто любопытно, почему он пытался устроиться в «Фуджифильм», вот и все, –

рассказал я ему. – Какая у него специальность?

Взор Эндрю недвусмысленно поведал мне, что об отклике на вакансию он не знал.

– Что?

– Он тоже мультипликатор? – задал я вопрос. – Или он пробовался в другой отдел?

На что–то совершенно иное?

Он медленно покачал головой.

– Он хотел заниматься... – Он замолчал. – В смысле пробовался? Когда?

– Есть только дата публикации. Три месяца назад. – Я развернул ноутбук на

коленях, чтоб ему был виден экран. – Но тут указаны его имя и твой адрес, так что

произошло это в период вашего совместного проживания.

Он сделал несколько робких шагов и сел рядом со мной. Глаз от экрана не отрывал.

Я вручил ему ноутбук, и он прочел найденную мной информацию. Следует признать, было ее немного, но для Эндрю она определенно стала новостью.

После долгой минутной тишины он спросил:

– Что это значит?

– Не знаю.

– «Фуджифильм» только что открыл трехмерное художественное подразделение на

студии «Юниверсал» в Сингапуре, – произнес он, сдвинув брови и покачав головой. – У

него даже портфолио нет для подобных предложений. Даже в полиграфической

индустрии понадобились бы примеры работ.

– Эндрю, – мягко позвал я. – Я не особо разбираюсь в подобной фигне, но у него

был доступ к твоей работе?

Он уставился на меня, в вытаращенных глазах мелькнула беспомощность, а лицо

покрылось бледностью.

– О, нет. – Он подорвался с дивана и взлетел по лестнице, перескакивая через

ступеньку. Я нагнал его, когда он забежал в шкаф и снял любимый рисунок со стены.

Развернул его и подцепил заднюю часть рамки, избавляясь от раздражающих крошечных

металлических петелек. Он что-то искал. Выдохнул, явно облегченно, и поднял. Там

стояла его подпись, даже чернила потекли по полотну. Это был оригинал.

Затем снял со стены еще один, как и я, и одну за другой мы открыли каждую рамку.

Закончив с проверкой, мы уселись на пол в шкафу, окруженные нарисованными бордами

и пустыми рамками. Эндрю прислонился к стене и вздохнул.

– Здесь оригиналы, – сказал он. Но мы оба были в курсе, что Эли работал в

типографии. Даже его коллега говорила, что он специализируется на репродукциях.

Потом он вытаращил глаза.

– Мои драконы, – пробубнил он и вскочил на ноги.

О, нет, черт возьми.

Он помчался вниз в гостиную и остановился перед рисунками в рамках, словно не

мог вынести мысль, что они не оригинальны.

– Я проверю их, – обратился я к нему. Осторожно снял первую рамку со стены и

положил «лицом» вниз на обеденный стол. Расстегнул металлические петельки и вытащил

крышку. Там в своем первоначальном виде стояла подпись Эндрю. –

Это твое, –
прошептал я.
Он заметно обмяк и приложил руку к сердцу.
– О, слава богу.
Я проверил еще два, которые тоже оказались оригиналами.
– Эндрю, – начал я. – Он мог снять копии.
– Для проверки подлинности нужны оригиналы, – пояснил он,
приложив руки ко
лбу и расхохотавшись. – Господи, я почти ударился в панику.
– Почти? – изумился я. Если это было почти, я не горел желанием
засвидетельствовать полноценную панику. – Я готовился убивать его.
Он рассмеялся с заметным облегчением.
– Немного стыдно, что я сомневался в нем.
– Эндрю, – тихо сказал я. Даже осторожно. – Это не отменяет факта,
что он пытался
получить работу в другой стране, живя с тобой и не сказав ни слова.
Выглядел он так, словно я ударил его. На ответ ему потребовалось
время.
– Эли может быть кем угодно, но он не вор.
И вот оно – он до сих пор защищал его, несмотря на то, что всего
минуту назад
считал способным на воровство. Напоминание о его чувствах к нему, а
я охереть как
ошибался, думая иначе.
Я подавил свои эмоции и нацепил безразличную маску.
– Окей, – я с трудом сглотнул. – Нам лучше прибраться и выдвигаться
отсюда.
Сначала ужин? Есть хочется.
В течение очень долгой секунды он смотрел на меня.

Да. Конечно.

Глава 9

К моменту выхода из ресторана я был готов закруглиться со всей этой
чехардой. Я
пытался не выискивать скрытый смысл в том, как он допрашивал
официанта о
принимаемых при приготовлении пищи мерах предосторожности при
аллергии на

моллюсков, или в нашей безостановочной почти двухчасовой болтовне.

Мы ни разу не вспомнили об Эли, что меня более чем устраивало.

Мне требовалось все закончить. Мне было необходимо, чтоб Эли либо вернулся к

Эндрю, либо свалил подобру–поздорову. Несмотря на мое нежелание все прекращать, мне

разрывало мозг. И сердце.

Стоило отложить идиотские чувства и сосредоточиться на работе.

Бар был забит. Из–за джазовой музыки гудела толпа. Место было отличным, и я

мысленно отметил вернуться сюда, когда Эндрю больше не будет в моей жизни.

Я купил нам напитки и нашел столик, хотя за ним находилось полно народу, и

места особо не было, поэтому стояли мы довольно близко. Эндрю расположился спиной к

толпе, а значит, мне удастся рассмотреть через его плечо, если Эли решит нарисоваться.

И он, разумеется, объявился. Так я и знал. Мы заманили его, а он заглотил наживку

по самые гланды. Я опустил руку на талию Эндрю и проговорил ему на ухо:

– Он здесь.

Эли направился к бару и сканировал помещение. В скором времени заметил нас.

Глаза прищурились, в них неистовствовала буря, а челюсть напряглась. Он явно не очень–

то был счастлив, что я находился так близко к Эндрю. Может, узнал меня. Мне было

неведомо. Мне было насрать.

А затем дурацкая гордыня и самообман заставили меня сделать шаг вперед. Я понял

– вот он, мой первый и последний шанс узнать, хорош ли он на вкус. Я подошел

вплотную, прижимая Эндрю к столу, чтоб Эли хорошенько разглядел со стороны.

Положил руку ему на грудь и наклонился, шепча на ухо:

– Не оборачивайся, он подсматривает за нами. – Я отклонился и

обхватил пальцами

его подбородок. – Могу я поцеловать тебя?

Глаза Эндрю широко распахнулись, дыхание сбилось, и он кивнул. Я нежно

прижался к нему губами, ощущая тепло его губ. Происходящее опьяняло, мое глупое

сердце бешено колотилось. Я знал, что не должен желать большего, но голова шла

кругом, и чистейшее желание вышвырнуло осторожность и разум в окно. Мой глупый

мозг обнаружен не был. Я скользнул рукой по его подбородку, наклонил его голову и

поцеловал от всей души.

Он перевоплотился в мягкие губы и теплое дыхание, бурбон и все, чего я желал.

Поцелуй не был на показуху. Не был частью сделки заставить бывшего ревновать.

Целовал я его, потому что хотел. Я питал к нему чувства, сбивающие с толку и пугающие

чувства, которые мне не удавалось понять.

Я целовал его. Приоткрытыми жадными губами и смакующим языком.

А он

отвечал на поцелуй. Одной рукой он скользнул по моей спине и притянул ближе, а другой

– обвил за шею. Блин, он умел целоваться.

Когда мы сбавили обороты и оторвались друг от друга, взор его был отсутствующим, а губы немного покрасневшими. Выглядел он пьяным от поцелуя и

самодовольным.

Поцелуй был прекрасен. Он был идеален для меня. Если и существовал

предназначенный мне человек, инь для моего янь, то вот он – Эндрю.

Тем не менее, я только что нарушил все установленные мной правила личного и

профессионального характера. Не только я провалился, Эндрю тоже. Он платил мне за

предоставление услуги, а я превысил полномочия.

– Ничего себе, – с придыханием проговорил Эндрю и облизнул губы. – Господи, ты

умеешь целоваться.

– Ты тоже неплох, – попытался я пошутить, но с ноющей болью в груди справиться

было невозможно. Я сделал вдох, чтоб собраться и включить профессионала. Каким-то

образом мы поменялись местами, и теперь я стоял спиной к бару. – Эли видел?

– Ой, – он отпрянул и выглянул из-за моего плеча. – Хм, он ушел.

Мое сердце воспарило. Обычно, если нам не противодействовали, значит,

отношения реально закончены. Что не должно было меня радовать. Результат не подходил

Эндрю. Я противоречил сам себе. В голове творилась полнейшая неразбериха, сердце...

ну, с ним я порешаю позднее.

– Эндрю, если он ушел... – Я не мог сказать. Не хотел сообщать дурные вести. Не

хотел делать ему больно, но моя работа с ним также подошла к финалу. Хотелось

спросить его, было ли настоящим то, что я ощутил, почувствовал ли он то же самое.

Несомненно, почувствовал. Это не могло быть односторонним. – Эй, пойдем.

Он нахмурился, но кивнул, а я взял его за руку и повел по переполненному бару.

Мы почти достигли двери, когда кто-то схватил Эндрю за плечо.

Эли.

Гребаный трындец, черт, твою мать.

Эли зыркнул на меня, потом перевел взгляд на Эндрю.

– Мы можем поговорить?

И вот оно. Сердце сжалось, надежда, теплившаяся всего секунду назад, угасла.

Миссия выполнена. Эли хотел вернуть Эндрю. Эндрю получил желаемое, за что

собственно мне и заплатил.

Эндрю взглянул на меня, словно не был уверен в дальнейших действиях. Я мог

видеть в его глазах: «*Это часть плана? Что мне сказать? Как себя вести?*». Он ждал, что я возьму инициативу в свои руки. Но все, чего я

желал – велеть Эли убрать руки от

Эндрю и свалить на хрен.

Но нельзя. Не для того меня Эндрю нанял. Я выдавил из себя улыбку и, как бы меня

ни разрывало, сказал:

– Подожду снаружи.

Развернулся и зашагал прочь из бара, кровь отбивала барабанную дробь в ушах, сердце долбило, живот скручивало. Мне просто требовался воздух. Нужно было уйти.

Как один вечер мог превратиться из лучшего в самый худший?

Ждать я не стал. Продолжил идти.

«Подожду снаружи», – произнес я. Код для «желаю удачи».

О, Господи, казалось, меня вывернет наизнанку.

Пройдя несколько кварталов, я зарулил в винный магазин. Прикупил бутылку

«Мэйкерс Марк» и направился домой. Мне надо было утопить свои горести и забыться.

Мне надо было задушить дурацкую надежду, внушить себе, что я не запал на него.

К тому времени, как начали виднеться неоновые огни тату–салона, наакался я

прилично. По правде говоря, в хлам. Эмилио иногда работал допоздна, и я порадовался,

что свет в салоне все еще горел. Я пихнул дверь и, вваливаясь внутрь, споткнулся о

ступеньку.

– Блин, Милио, теперь стоит починить ступеньку.

Эмилио, заканчивающий работу с чернилами, поднялся. Он похлопал клиента по

плечу и проговорил:

– Подождите минутку, – стянул перчатку и прошел ко мне. – Даниэла!

Даниэла появилась откуда–то со спины, и я старался не замечать, как она, глянув на

меня, нахмурилась. Я поднял полупустую бутылку бурбона.

– Бухнем?

Эмилио оставил меня без внимания, заговаривая с Даниэлой:

– Звони Лоле.

Даниэла снова исчезла, а я повернулся к Эмилио, но пол внезапно накренился, и

меня качнуло. Эмилио поймал меня.
– Что случилось? – спросил он.
– Эндрю, – начал я. – Эли... – Мне пришлось вытирать глупые щеки от глупых слез, что пролились из долбанных глупых глаз.
– О, дружище, – пробормотал Эмилио.
– Я считал его другим, – невнятно промямлил я.
– Как и я, – сказал Эмилио.
Я тяжело и резко вдохнул, а голос мой надломился.
– Что со мной не так?
Он прижал меня к себе.
– Все так. Абсолютно все.
Вернулась Даниэла.
– Она в пути.
И тут я почувствовал себя еще хуже.
– Ей не следовало выезжать.
Даниэла обняла меня.
– Идем со мной, – тихо позвала она и повела меня в одну из дальних кабинок. Она
предложила мне стул, но вместо него я выбрал пол. Прислонился к стене, а она
опустилась передо мной на колени и коснулась ладонью лица. – Все с тобой нормально, Спэнсер. Совершенно точно.
– Тогда почему он...? – я покачал головой. Ответ был мне известен. – Какой
дебилизм. Я знал, что он влюблен в другого. Потому-то и пришел ко мне – вернуть его
обратно, и так уж сложилось, что я хорош в своем деле.
Даниэла протянула руку к моему лицу.
– О, Спэнсер, дорогой. – Он выглядела такой грустной, что я не смог этого вынести.
И отхлебнул еще бурбона.
Вскоре Даниэла испарилась, а ее место заняла Лола. Она старалась отдышаться, словно весь путь сюда пробежала. Мне-то казалось, мои глупые эмоции находились под
контролем, собственно так и было, пока я не заметил печаль на ее лице.
– Расскажи мне, что произошло, – попросила она.
– Я поцеловал его, – поведал я. Слова лились медленно и неразборчиво. – Никаких

хитростей или стратегий. Его целовал я.
– Что сделал он?
– Ответил на поцелуй. Господи, лучше поцелуя у меня не было. – Я до сих пор мог
ощущать тепло его губ, вкус его языка...
– Что случилось дальше?
– Я вроде как запаниковал и сказал, что нам стоит уйти, а Эли – сраный Эли –
остановил нас на пути к выходу. – Я прилично отпил бурбона. Лола забрала у меня
бутылку. Я не возражал. Пришлось прятать взор от прислонившегося к двери Габа, глядевшего на меня с выражением гребаной грусти на лице. Я сфокусировался на Лоле. –
И я отпустил его. Я, сука, отпустил его. – Снова не удалось сдержать слезы. – Я считал его
другим.
– О, милый.
– И я слетаю с катушек, – сказал я, вытирая глупые слезы ладонью. – И мне больно.
– Потому что ты влюбился в него, – прошептала Лола.
Раздались какие-то голоса, и Габ отошел от двери, но мой пьяный в дупель разум
зацепился за последнюю фразу Лолы. Я вытаращился на нее, но не смог вынести жалости
в ее глазах и отвернулся, уставившись в стену. Я пытался подобрать слова, чтоб
поспорить, но не преуспел. Никогда бы не подумал, что докачусь до такого. Никогда бы
не подумал, что влюблюсь. Снова выступили слезы, и я закрыл ладонями глаза.
– Хреновы глупые слезы.
Она сжала мою руку.
– Знаешь, почему я занимаюсь своим делом? – задал я вопрос, смотря на нее. Слова
были переполнены слезами. – Эмоциональная отрешенность. Расстояние и разграничение.
И никто не скажет, что не хочет меня.
И вот оно.
К этому все всегда сводилось.

Никто не скажет, что не хочет меня.

– О, Спэнсер, – прошептала Лола. Из глаз хлынули слезы. – Эндрю – не твоя семья.

Я покачал головой и глубоко вдохнул, силясь взять себя в руки. Не вышло.

– Он тоже не захотел меня, – сказал я. По щекам побежала новая волна слез.

Помещение начало кружиться, и моему глупому мозгу потребовалось время

осознать – передо мной стоял Эндрю. Глаза широко распахнуты, без сомнений, мой видок

на полу в полубессознательном состоянии шокировал его. Он наверняка слышал слова

Лолы о моей семье. Я смахнул свои глупые слезы. В этот же момент Лола обернулась

посмотреть, на кого же я глазел. Она поднялась и подошла к нему, прошептала что-то, я

не смог разобрать что именно. Я подогнул колени и снова прижал ладони к глазам.

Подняв взгляд, я ожидал, что он уже ушел. Ожидал, что он сбежал, скрылся от

пьяного, ревущего на полу чокнутого. Но он был здесь. Поднял бутылку бурбона и усадил

свою задницу рядом со мной. Вместо того чтоб назвать меня дураком, вместо того, чтоб

назвать меня нежеланным, он поднес бутылку к губам и сделал глоток, зашипев от горечи.

– Эндрю, – попытался я начать, но голос надломился.

Он опустил свою ладонь на мою руку и крепко ее сжал.

– Все хорошо.

Я покачал головой.

– Эли?

– Эли больше нет.

О, боже.

– Это моя вина. Я лажанулся. Прости.

Он отхлебнул еще бурбона и снова стиснул мою руку.

– Нет, не ты. Он. Но я рад, – пояснил он. – Благодаря нему я встретил тебя.

Сердце барабанило, а он произносил такие правильные слова и,

увидев меня, не

умчался подальше отсюда километра на полтора, значит, я вроде как получил шанс.

Отчего поток новых слез хлынул из глаз.

– Я в дрова.

Он переплел наши пальцы.

– Заметно.

Я опустил голову. Усталый, пьяный и эмоционально сломленный.

– Ты видел насквозь всю мою бредятину, – произнес я, вытянув наши сомкнутые

руки и указав на дроздов. – А эти... Никто никогда... – Я покачал головой и остановил

новые слезы. – Вот это мой отец. – Я показал на самого большого. Затем на троих

оставшихся по очереди. – Мать, братья.

Он провел рукой по моему плечу, словно его прикосновение могло исцелить боль.

– Они не по-настоящему мертвы, – прошептал я. – Для меня. Так заявил мой отец.

Последние его слова – для них я мертв.

– О, Спэнсер.

Я позволил слезам пролиться. Я даже не пробовал их тормознуть.

– Мне было шестнадцать, – проговорил я. – И я был геем.

Он отпустил мою руку и, притянув к себе, обнял. И его тепло стало надежным

убежищем, не существовавшим для меня годами.

– А потом появился ты, – пробормотал я.

Он чмокнул меня в макушку.

А потом появился ты.

Глава 10

Проснулся я от безбожной головной боли. Жалюзи пропускали пронзительный

солнечный свет, в желудке все переворачивалось, и тут я вспомнил...

Поцеловал Эндрю, оставил его в баре с Эли, уговорил полбутылки бурбона, вел

себя перед всеми как полнейшая бестолочь, Эндрю вернулся ко мне.

Он вернулся ко мне.

Воспоминаний о попадании в квартиру не наблюдалось. Я вспомнил

тревогу на

лицах Эмилио и Даниэлы. Лолу, как она старалась помочь. Потом припомнил сидящего

рядом со мной на полу Эндрю.

Я принял вертикальное положение и пожалел об этом.

– Есть кто? – прохрипел я.

Тишина. Тьфу. Как же трещала башка.

Я потянулся к телефону проверить время, на нем лежал лист бумаги – написанная

от руки записка. «Спускайся вниз».

Подчерк не принадлежал Эмилио, Даниэле или Лоле, или даже Габу. Это Эндрю.

Я слетел с постели и вынужден был облокотиться на стену, чтоб прийти в себя.

Чертово похмелье. Прошел в ванную, заметив: на мне до сих пор надет вчерашний наряд.

Хотя кто-то снял с меня ботинки. Душ показался раем, и я стирал с кожи зловоние

бурбона. Чистка зубов почти превратила меня в человека, но оставаться здесь дольше

было нельзя.

Эндрю ждал меня в салоне Эмилио.

Я оделся и прервался только принять «адвил», после двигая вниз. Даже обжигающие солнечные лучи не могли тормознуть меня. Возле запасного выхода стоял

Габ, посасывал мерзкую сигарету. От запаха захотелось блевануть. Он улыбнулся.

– Привет. Как голова?

– Не очень-то. Слушай, прости за вчерашнее.

– Не стоит, – снова улыбнулся он. – Кое-кто все еще здесь. – Он кивнул на вход. –

По-видимому, ночевал на твоём диване.

Я старался не лыбиться, а Габ, не произнеся больше ни слова, пихнул ногой дверь, пропуская меня внутрь.

– Спасибо.

Мне не хотелось вмешиваться в приватную беседу, но Эмилио, Даниэла, Лола и

Эндрю явно не ожидали, что я завалюсь через заднюю дверь. Входя, я расслышал самый

конец их разговора. Звучал голос Эмилио.

– ... после появления брата он пребывал в полном раздрае.

Сердце замерло, а мой и без того хлипкий желудок перевернулся. Я догадывался, что после вчерашнего срыва стану темой их разговоров.

– Тогда он и набил птиц на плечо? – спросил Эндрю.

– Да, – отозвался Эмилио. – Они символизируют жизнь после смерти.

Ну, знаешь, новое начало, что-то такое.

Я вошел. Эмилио заметил меня первым.

– А вот и он! Хорошо себя чувствуешь?

– Дерьмово, если честно, – ответил я, будучи не в силах оторвать глаз от Эндрю.

Одет он был в мои вещи.

Он медленно поднялся, настороженно улыбаясь.

– Я... Пришлось одолжить у тебя футболку. Надеюсь, ты не против?

Я покачал головой.

– Ни капельки.

В течение долгой минуты мы просто смотрели друг на друга.

– Ладно, – сказала Лола, выдергивая меня из ступора. – Мы скоро вернемся. – Она

схватила Даниэлу за руку и увела, утаскивая и Эмилио.

И вот мы остались вдвоем. Я улыбнулся.

– Привет.

– Привет.

– Ты остался.

– Да.

– Мне правда очень стыдно за вчера.

– Не нужно извиняться.

– Я многого не помню, – сознался я. – Помню, что психанул, только за это и могу

извиниться. Клянусь, я не безнадёжен.

Он подошел ко мне и остановился совсем рядом.

– Голоден? – поинтересовался он. – Можем позавтракать марокканской кухней.

– Звучит превосходно.

– Нам нужно поговорить.

Я кивнул.

– Нужно. – Я глубоко вдохнул и задал вопрос, сомневаясь, стоило ли. –

Пообщался

вчера с Эли?

Он кивнул.

– Спросил его насчет рисунков и заявке на работу. Он признался, что снимал копии, но не смог заставить себя взять оригиналы. Он даже первое собеседование не прошел, потому что не предоставил иллюстрации. Сказал, что сожалеет.

Я тяжело сглотнул.

– Что ты ответил?

– Ответил, что все кончено, – заявил он, глядя прямо на меня.

Сердце грохотало в груди.

– Неужели?

Слабый румянец окрасил его шею.

– Да, я сообщил, что есть парень–австралиец, который за два дня узнал обо мне

больше, чем он за восемь месяцев.

Я послал ему улыбку, выдохнув от охватившего меня облегчения.

– Неужели?

Эндрю коснулся ладонью моего лица.

– Он понимает меня, как никто другой.

Я кивнул.

– Знаю.

– И я понадеялся, вдруг он захочет познакомиться со мной получше, – прошептал

он.

Я прильнул к его ладони и закрыл глаза.

– Он хочет.

– Я в курсе его семейных проблем, – тихо сказал Эндрю. – Но они не пугают меня. –

Сомневаясь, можно ли доверять своему голосу, я кивнул, но он приподнял мое лицо. –

Посмотри на меня, – прошептал он. Я сделал, как он просил. В глазах светились сила и

честность. – Меня они не пугают, Спэнсер. Вообще–то, я считаю тебя замечательным.

Я проглотил свои эмоции и проигнорировал долбящееся сердце.

– Ты вроде тоже ничего.

Я ощущал жар его тела, его близость, дыхание на моих губах.

– Можно поцеловать тебя? – сипло прошептал он.

Он стоял так близко, что я умудрился лишь кивнуть. Сердце увеличило скорость в

три раза. Он прижался ко мне губами. Касался моего лица необычайно нежно, а я обнял

его за талию. Поцелуй был сладким, поцелуй—обещание. Всем поцелуям поцелуй.

Все было бы просто идеально, если б Лола не завизжала в одной из кабинок. Мы

оторвались друг от друга, нервно и вместе с тем облегченно засмеявшись.

– Извините, – пропищала она, промчав к нам и быстро обняв. – Я в таком восторге!

– вскрикнула она и, захлопнув рот рукой, умчалась в кабинку.

Я не смог сдержать хохоток, а Эндрю притянул меня ближе. Мы оба немного

смущались. Он поцеловал меня снова, только очень быстро.

– Пошли. Я изголодался, – изрек он, беря меня за руку и шагая в сторону двери. –

Готов?

Я остановился. *Был ли я готов? Сделай шаг вперед? Наконец–то впустить кого–*

то в свою жизнь? Рассказать историю Спэнсера Козна и надеяться, что меня все равно

будут желать?

Сердце рухнуло в пятки. Я кивнул.

– Да, готов.